

В терминах действующей Номенклатуры научных специальностей тематика выпуска соответствует отрасли «Исторические науки»

УЧРЕДИТЕЛЬ

Федеральное государственное бюджетное образовательное учреждение высшего профессионального образования «Челябинский государственный университет»

Главный редактор

доктор психологических наук, профессор *Д. А. Циринг*

Ответственный секретарь

доктор филологических наук, профессор *М. В. Загидуллина*

РЕДАКЦИОННЫЙ СОВЕТ

В. И. Бархатов, доктор экономических наук, профессор (Челябинский государственный университет, Россия); **Н. И. Болдырев**, доктор филологических наук, профессор (Тамбовский государственный университет им. Г. Р. Державина, Россия); **А. В. Бузгалин**, доктор экономических наук, профессор (Московский государственный университет им. М. В. Ломоносова, Россия); **Е. И. Голованова**, доктор филологических наук, профессор (Челябинский государственный университет, Россия); **Р. М. Качалов**, доктор экономических наук, профессор (Центральный экономико-математический институт РАН, Россия); **А. Б. Невелев**, доктор философских наук, профессор (Челябинский государственный университет, Россия); **Р. М. Нижегородцев**, доктор экономических наук (Институт проблем управления РАН, Россия); **С. А. Питина**, доктор филологических наук, профессор (Челябинский государственный университет, Россия); **Ж. Ришар**, PhD, профессор университета Пари-Дофин (Франция); **Н. Л. Худякова**, доктор философских наук, профессор (Челябинский государственный университет, Россия); **А. Н. Чумаков**, доктор философских наук, профессор, ведущий научный сотрудник Института философии РАН (Россия); **П. Элиоулос**, PhD, главный редактор научного журнала Parugi&Delyt (Греция)

РЕДАКЦИОННАЯ КОЛЛЕГИЯ НАУЧНОГО НАПРАВЛЕНИЯ

Н. Н. Алеврас, доктор исторических наук, профессор (главный редактор научного направления); **Т. А. Андреева**, доктор исторических наук, профессор (Челябинск); **С. А. Баканов**, доктор исторических наук, доцент (Челябинск); **Г. А. Гончаров**, доктор исторических наук, профессор (Челябинск); **Н. В. Гришина**, кандидат исторических наук, доцент (Челябинск); **В. В. Грудзинский**, доктор исторических наук, профессор (Челябинск); **А. В. Захаров**, кандидат исторических наук, доцент (Челябинск); **П. Ф. Назыров**, кандидат исторических наук, доцент (Челябинск); **А. А. Пасс**, доктор исторических наук, профессор (Челябинск); **Т. А. Чумаченко**, кандидат исторических наук, доцент (Челябинск); **О. В. Богомазова**, кандидат исторических наук (ответственный секретарь)

Редакция журнала может не разделять точку зрения авторов публикаций. Ответственность за содержание статей и качество перевода аннотаций несут авторы публикаций

ISSN 1994-2796

НАУЧНЫЙ
ЖУРНАЛ

Основан в 1991 году

№ 16 (371) 2015

Адрес редакции научного направления:

Россия, 454000, г. Челябинск,
пр. Победы, 162 в., к. 109
Тел.: (351) 799-70-20
e-mail: vhist@mail.ru

Адрес для писем:
Россия, 454001,

г. Челябинск,
ул. Братьев Кашириных, 129,
редакция научного направления
«История»
журнала «Вестник Челябинского
государственного университета»

С требованиями к оформлению статей можно ознакомиться на сайте журнала www.csu.ru (раздел «Наука/Вестник ЧелГУ»)

Журнал зарегистрирован
в Роскомнадзоре.
Свидетельство ПИ № ФС77-54546

Индекс 81226
в Объединённом каталоге
«Пресса России»

Редактор *Е. Ю. Панова*
Вёрстка *А. А. Селютина*
Подписано в печать 24.09.15.
Формат 60×84 1/8. Бумага
офсетная.
Гарнитура Times. Усл. печ. л.
16,2. Уч.-изд. л. 19,0.
Тираж 500 экз. Заказ 81.
Цена свободная

Издательство Челябинского
государственного университета
Россия, 454001, г. Челябинск,
ул. Братьев Кашириных, 129

Полиграфический участок
Издательства ЧелГУ
Россия, 454021, г. Челябинск,
ул. Молодогвардейцев, 57 б

ISSN 1994-2796

ACADEMIC
PERIODICAL

Founded in 1991

№ 16 (371) 2015

FOUNDER

Chelyabinsk State University (CSU)

Editor-in-chief

D. A. Tsiring, Doctor of Psychology, Professor

Executive secretary

M. V. Zagidullina, Doctor of Philology, Professor

EDITORIAL BOARD

V. I. Barhatov, Doctor of Economics, Professor (Chelyabinsk State University, Russia)

N. I. Boldyrev, Doctor of Philology, professor (Tambovsky State University named after G. R. Derzhavin, Russia)

A. V. Buzgalin, Doctor of Economics, Professor (Moscow State University named after M.V. Lomonosov, Russia)

E. I. Golovanova, PhD., professor (Chelyabinsk State University, Russia)

R. M. Katchalov, Doctor of Economics, Professor (Central Economics and Mathematics Institute of Russian Academy of Sciences, Russia)

A. B. Nevelev, Doctor of Philosophy, Professor (Chelyabinsk State University, Russia)

R. M. Nizhegorodtsev, Doctor of Philosophy, Professor (Institute of Control Sciences, Russia)

S. A. Pitina, PhD, Professor (Chelyabinsk State University, Russia)

J. Richard, PhD, Professor at the University of Paris-Dauphine (France)

N. L. Khudyakova, Doctor of Philosophy, Professor (Chelyabinsk State University, Russia)

A. N. Chumakov, Doctor of Philosophy, Professor, Leading Researcher at the Institute of Philosophy, Russia)

P. Eliopoulos, PhD, Editor-in-chief of the Scientific Journal "Papyri&Dely" (Greece)

EDITORIAL BOARD OF SCIENTIFIC DIRECTION

N. Alevras, Doctor of History, Professor (editor-in-chief of the scientific direction); **T. Andreeva**, Doctor of History, Professor (Chelyabinsk); **S. Bakanov**, Doctor of History (Chelyabinsk); **G. Goncharov**, Doctor of History, Professor (Chelyabinsk); **N. Grishina**, Candidate of History (Chelyabinsk); **V. Grudzinsky**, Doctor of History, Professor (Chelyabinsk); **A. Zakharov**, Candidate of History (Chelyabinsk); **P. Nazyrov**, Candidate of History (Chelyabinsk); **A. Pass**, Doctor of History, Professor (Chelyabinsk); **T. Chumachenko**, Candidate of History (Chelyabinsk); **O. Bogomazova**, Candidate of History (responsible secretary)

The Editorial Board may not share the views of the authors
Authors are responsible for the article content and quality of annotations' translation

Editorial office's address:
162 v, Pobedy av.,
Chelyabinsk, 454000, Russia
Telephone: + 7(351) 799-70-20
e-mail: vhist@mail.ru

Juridical address
(for correspondence):
129, Bratiev Kashirinykh str.,
Chelyabinsk, 454001, Russia
Editorial Board of Scientific
Direction of "History" of "Bulletin
of Chelyabinsk State University"

All the requirements
are available on the web-site
www.csu.ru

Academic periodical
is registered
in Federal Supervision Agency
for Information Technologies and
Communications
Certificate ПИ № ФС77-54546

Index 81226
in unit catalog "Russian Press"

Editor E. Yu. Panova
Imposition: A. A. Selyutin

Passed for printing 24.09.15.
Format 60×84 ¹/₈. Litho paper.
Font Times.
Conventional print. sh. 16,2.
Ac.-publ. sh. 19,0.
Circulation 500 copies.
Order 81. Open price

Publishing office
Chelyabinsk State University
129, Bratiev Kashirinykh str.,
Chelyabinsk, 454001, Russia

Printwork of CSU Publishing office
57 b, Molodogvardeitsev str.,
Chelyabinsk, 454021, Russia

СОДЕРЖАНИЕ

НАУЧНЫЙ ДИСКУРС

Древняя история и традиционная культура

<i>Амир Абед Наджм Абед</i>	Обряды при строительстве храма в древней южной Месопотамии	9
<i>Косарева И. А.</i>	Водзимоньинская подгруппа собственно-южных удмуртов	17
<i>Косарева И. А.</i>	Граховско-Южнокизнерская подгруппа собственно-южных удмуртов	22
<i>Исянгулов Ш. Н.</i>	Башкиро-кыргызские этногенетические связи	26

История России и ее регионов

<i>Ершов М. Ф.</i>	Вдали от дома: социализация подростков в городах Зауралья середины XIX – начала XX века	32
<i>Цысь В. В.</i>	О финансово-денежной политике Тобольского крестьянско-городского совета и повстанческой Народной Армии (1921 год)	37
<i>Зайнетдинов Ш. Р.</i>	Социальная структура города в процессах модернизации российского общества (по материалам переписи населения 1897 и 1926 годов)	42
<i>Сабирова З. Р.</i>	Некоторые аспекты проведения «культурной революции» в Советской России: региональный опыт	51
<i>Малкова И. Г.</i>	Промышленные города Урала: опыт регулирования градостроительного развития (1940–1950-е годы)	61
<i>Сушков А. В., Берёза А. В.</i>	Свастика на башнях Московского Кремля: к истории одной публикации в газете «Челябинский рабочий» в 1951 году	66
<i>Никитин Д. И.</i>	Развитие сталеплавильного производства в Челябинской области: история разработки и внедрения технологии рафинирования стали (1959–1965 годы)	73
<i>Шамеев А. М.</i>	Участие интеллигенции Северного Кавказа в общественно-политических движениях в 80–90-е годы XX века (на примере Республики Адыгея и Карачаево-Черкесской республики)	77
<i>Лопачев В. С.</i>	Семья и репродуктивное поведение населения Свердловской области в конце XX века	83

История современной России

<i>Смирнов Г. С.</i>	Президентская программа «Дети России» и особенности ее реализации на Урале в 1993–2013 годах	90
----------------------	---	----

Всеобщая история

<i>Разумов Н. В.</i>	Афины и Фивы в 379–378 годах до н. э.	96
<i>Нечаева С. В.</i>	Депозиты римских монет и брактеаты как маркер жизни древнегерманского военного сообщества	101
<i>Ибраев Е. Е.</i>	Историческая трансформация образа английской женщины в «колониальном» кино Великобритании	108

НАУЧНАЯ РЕФЛЕКСИЯ

Историография источниковедения

<i>Калимуллина Ф. Г.</i>	Вклад востоковеда В. В. Вельяминова-Зернова в российское источниковедение	115
--------------------------	--	-----

История историографии

- Богомазова О. В.** Проблемное поле историографии и «история памяти»: краткий обзор современных исследовательских направлений120

Актуальная книга

- Александрова Н. В.** Стивен Бенн «Одежды Клио» – к вопросу о перформативном повороте в исторической науке127

ИНФОРМАЦИОННЫЕ ТЕХНОЛОГИИ

- Захаров А. В.** Проект информационной системы «Сказки генерального смотря шляхетства 1721–1722 гг.» в контексте изучения массовых источников и регестов130

CONTENTS

SCIENTIFIC DISCOURSE

Ancient history and traditional culture

<i>Amir Abed Najm Abed</i>	Ceremonies during the constructions of ancient temples in southern mesopotamia	9
<i>Kosareva I. A.</i>	Vodzimonina subgroup of southern udmurts	17
<i>Kosareva I. A.</i>	Grakhov-south kizner subgroup of southern udmurts	22
<i>Isyangulov Sh. N.</i>	Bashkir-kyrgyz ethno-genetic connections	26

History of Russia and of Its Regions

<i>Ershov M. F.</i>	Away from home: socialization of teenagers in Transurals towns in the mid-XIX – early XX century	32
<i>Tsys V. V.</i>	On The Fiscal and monetary policy of tobolsk peasant TOWN council and the people’s insurgent army	37
<i>Zainetdinov Sh. R.</i>	On cities’ social structure in the modernization of Russian society (applied to census of 1897 and 1926)	42
<i>Sabirova Z. R.</i>	“Cultural revolution” in Soviet Russia: regional experience	51
<i>Malkova I. G.</i>	Industrial cities of the Urals: an experience of city development regulation in the 1940–1950s	61
<i>Sushkov A. V. , Beryoza A. V.</i>	Swastika over Moscow Kremlin Towers: back to the history of an article in the newspaper “Chelyabinski Rabochiy” in 1951	66
<i>Nikitin D. I.</i>	The development of steel industry in Chelyabinsk region: the history of development and introduction of steel-refining technology (1959–1965)	73
<i>Shameev A. M.</i>	Participation of the North Caucasus intelligentsia in socio-political movements of the 1980–1990s (applied to the Republic of Adygea and Karachaevo-Circassian Republic)	77
<i>Lopaev V. S.</i>	Family and reproductive behavior of Sverdlovsk region population in the late XX century	83

The history of modern Russia

<i>Smirnov G. S.</i>	The presidential programme “Children of Russia” and its implementation in the Urals in 1993–2013	90
----------------------	---	----

Universal History

<i>Razumov N. V.</i>	Athens and Thebes in 379–378 B. C.	96
<i>Nechaeva S. V.</i>	Deposits of the Roman coins and bracteates as a marker of life of the Old Germanic military community	101
<i>Ibrayev E. E.</i>	Historical transformation of the image of an English woman in Great Britain’s “colonial” cinema	108

SCIENTIFIC REFLEXION

Historiography of source study

<i>Kalimullina F. G.</i>	The orientalist V. V. Veliaminov-Zernov’s contribution in Russian source studies	115
--------------------------	---	-----

History of historiography

- Bogomazova O. V.*** Problem field of historiography and “history of memory”: a brief overview of modern research directions120

The topical book

- Alexandrova N. V.*** Stephen Bann’s “The Clothing of Clio”: on the performative turn in historical science127

INFORMATION TECHNOLOGIES

- Zakharov A. V.*** The project of the information system “The “Skazki” of The General Nobility Inspection Of 1721–1722” in the context of the study of mass sources and regestas130

НАУЧНЫЙ ДИСКУРС

Древняя история и традиционная культура

УДК 902(567)
ББК 63.3(0)31

Амир Абед Наджм Абед

ОБРЯДЫ ПРИ СТРОИТЕЛЬСТВЕ ХРАМА В ДРЕВНЕЙ ЮЖНОЙ МЕСОПОТАМИИ

Затрагиваются вопросы обрядово-ритуальной деятельности при строительстве и перестройке храмов в древней южной Месопотамии. Автор на основе археологических и письменных источников оценивает сложность системы ритуалов, обязательных при возведении храма. Религиозные верования отражались во всех сферах жизни населения древней Месопотамии, в том числе и в архитектуре. Возведение храмов было значительным событием, для успеха которого требовались и инженерные навыки, и приемы художественного моделирования, и строгое соблюдение множества религиозных правил. Месопотамские правители, называя себя представителями богов, руководили процессом строительства, закладывая сложную систему ритуалов. Следы этого остались как в материальных источниках (о чем свидетельствуют результаты археологических работ на территории Ирака), так и в письменном наследии – в виде песен и сказаний. Сложность системы ритуалов и обязательность их последовательного выполнения прочно укоренились в сознании граждан, способствуя укреплению и обожествлению власти правителей.

Ключевые слова: Месопотамия; храм; религия; археология; Ирак; Урук.

Религия – особая форма осознания мира, приносящая человечеству с древнейших времен. Каждая из религий имеет собственные ритуалы, отличия в которых обусловлены эмоциональным окрасом создания самого религиозного опыта. Если происхождение религии объяснять оценкой окружающего мира в зависимости от тех или иных погодных условий и явлений, то можно было бы предположить, что религиозная вера – это набор идей, связанных с диапазоном мира погодных святынь, а ритуалы являются постоянными каналами связи между верующими и богами¹.

Немецкий историк-теолог Маркс Молдер писал, что религия – это усилия, чтобы выяснить то, что не дано знать, и слова для того, что трудно выразить своими словами². Д. Амил говорил, что религия – это скоординированная система представлений о священном, изолирующая материальный мир и практики в окружении различных типов запретов³. Ученые, интересующиеся древними верованиями, находят связь между магией и религией. Из наиболее известных мировых исследователей в этой области нужно упомянуть британских культурологов и антропологов Джеймса

Джорджа Фрэзера, Эдварда Бёрнетта Тайлора и Бронислава Каспера Малиновского.

Следы ритуальных культов и действий фиксируются уже в самых древних цивилизациях, включая месопотамскую. Шумеры, переселившиеся с гор Месопотамии на болотистый юг Ирака, отличались от соседей, имевших другие верования, сосредоточенные вокруг сил природы. И вся их жизнь контролировалась божественными силами. Они демонстрировали свою любовь к этим богам, строили храмы – зиккураты, даже ввели символы богов в цветное оформление многоэтажных башен, каждый уровень из которых символизировал определенного бога. Таким образом, строительство предстает не только как простое физическое усилие, но и как непрерывная работа религиозной мысли и веры, удовлетворяющая этих богов.

Проблемами религии древней Месопотамии занимаются представители разных наук. Здесь можно назвать сирийского ученого, изучающего древние религии, мифологию, библейские сюжеты Ал-Савах Фираса; Ал-Маджиди Хазала, исследующего шумерскую мифологию; иракского историка Наджи Аббаса. Вопросы храмовой архитектуры рассматривались и известным английским археологом С. Ллоудом, немецким археоло-

¹ Аль-свах Ф. Религия человека. С. 27–54.

² Oppenheim A. L. Ancient Mesopotamia... P. 15.

³ Омар С. М. Жертвоприношения в религии. С. 325.

гом Р. Шмитом. Не обошли вниманием эти проблемы и российские исследователи: В. И. Гуляев, И. М. Дьяконов и другие. Однако практически все работы отличаются тем, что в них описывается содержание клинописных текстов и скульптур, они пишут о ритуалах в целом, не видят глубину идеи. Некоторые археологи, например, Н. Кремар, Т. Бакир, Ф. Рашид при раскопках фундаментов храмов находили статуи, читали и переводили надписи на постаментах.

Во многих публикациях подробно описаны взаимоотношения древнего общества и высших сил. Боги учат людей земледелию, обработке камня, металла, а также строительству. Возведение храмов тем более не могло обходиться без указаний богов. Сохранилась статуя Гудеа – царя г. Лягеш (2144–2124 гг. до н. э.), где он представлен в роли архитектора: правитель держит на коленях плиту с четко и геометрически правильно изображенным планом храма. На плите – план возведенного им храма в честь бога Нингирсо, который правитель получил от него самого. Процесс строительства обожествляется, его мы можем наблюдать и на государственной печати. Выражалось это в изготовлении символических реплик орудий из драгоценных материалов. А. Оппенхейм в работе «Древняя Месопотамия. Портрет погибшей цивилизации»¹ уделяет большое внимание исследованию религии государства. В своих работах он показывает изображения и статуи божеств. Роль божественного изображения в культовой жизни святилища была двойной: оно служило центром обрядов жертвоприношения и фигурировало на всех церемониях, демонстрировавших связь города с покровительствующим ему божеством – как в храме, так и за его пределами. Взаимоотношения идола со святилищем, в котором он восседал на своем пьедестале в целле, повторяли в основном взаимоотношения царя и его двора, а, в конечном счете, царя и города.

Именно недостаточной изученностью проблемы религиозных обрядов при строительстве храмов в Месопотамии обусловлена цель данной публикации – проследить этот путь от начала до конца, от задумки и выбора места до укладки последнего кирпича. Для достижения цели необходимо решить следующие задачи: 1) выяснить, как возникла идея строительства храмов нового облика, поскольку первые храмы в эпоху Аль-Убейд являлись небольшими четырехугольными зданиями типа «вавилонского дома», а впоследствии они трансформируются в большие монументальные здания; 2) изучить, кто выбирает и

выделяет землю для строительства храма и создает план храмового здания – царь и священники или архитекторы, создававшие эту форму, или же это религиозная санкция собственно бога храма; 3) исследовать, как священнослужители и цари использовали веру своего народа и их любовь к богу для строительства этих храмов; 4) проследить эволюцию архитектурных форм храмовых зданий до аккадской эпохи.

Источниками для изучения месопотамской религии, если употребить термин *grosso modo* («в общей форме»), служат археологические и письменные памятники. Археологические источники – развалины зданий и других построек, служивших некогда культовым целям (алтари, храмы, храмовые башни), и обожествляемые предметы в самом широком понимании этого слова (от всякого рода культовых изображений до амулетов). Из археологических источников понятно, что строительство храма было религиозным процессом. Что касается той части иконографического материала, которая могла бы пролить больше света на месопотамскую религию (рельефы, печати, глиняные диски), то здесь, в первую очередь, на память приходят повествовательные изображения, иллюстрирующие историю подвигов того или иного божества. Больше сведений мы можем получить из письменных источников. Выделяют три типа клинописных текстов (а также некоторые другие группы текстов и отрывки) – молитвы, мифы и тексты, соединенные с ритуалом. В месопотамской религиозной практике молитвы всегда были связаны с сопутствующим им ритуалом, который тщательно прописывался в конце молитвы, в разделе, адресованном либо самому молящемуся, либо совершающему богослужение жрецу – регламентировались движения и жесты, характер жертвоприношения, его время и место. Мифы часто давали ложную информацию. Тексты, связанные с ритуалом, перечисляли, часто весьма детально, отдельные акты ритуала, молитвы и формулы, которые нужно было произносить (они либо даются полностью, либо приводятся только их начальные слова), необходимые подношения, жертвенные приспособления и т. п.

Мы говорим о храме как о явлении цивилизации и основном месте поклонения в Месопотамии, месте для проведения ритуалов и церемоний². Появление первых «храмов» на поселениях связано с началом процесса сельскохозяйственных работ и относится к V тыс. до н. э. Эти храмы назывались шумерским словом 'E', по аккадски – Бетти ('Bitu'), что означает место богов, место

¹ Oppenheim A. L. Ancient Mesopotamia... P. 48–70.

² Омар С. М. Жертвоприношения в религии. С. 6.

статуи бога¹. Строительство этих храмов было связано с социально-экономическим и культурным развитием проживающего здесь населения. В храмах совершались религиозные обряды с целью защиты людей от природных катаклизмов, капризов погоды и нестабильности, часто испытывающих людей в Месопотамии. Религиозные ритуалы были обращены к богам. Люди хотели договориться с ними путем взаимных уступок и просили о плодородии земли и усмирении природных явлений, осложняющих их жизнь. Шумеры считали, что люди могут проиграть эти природные явления через ритуалы в соответствии со своими представлениями, и что боги, которые создали характер погоды, могут изменить и природные явления в соответствии с желанием человека².

Исследуя вопрос религиозных построек древней южной Месопотамии, нельзя не заметить, что некоторые храмы представляют собой не одно, а целый комплекс строений. Ярким примером являются храмы города Урука (четвертый слой) и храм И-Энна в городе Нипур. Данное явление связано с особенностями культурного развития цивилизации.

До сих пор спорным является вопрос источника строительного материала для храмов. В записках правителей, в частности Гудеи, есть упоминания о том, что камни были привезены из страны Оман. Дерево, по всей вероятности, доставлялось из Верхней Месопотамии. Отмечается, что этот вопрос правители решали самостоятельно, не прибегая к помощи богов. Самостоятельность царей в архитектурном вопросе впервые проявляется в период третьей династии Ура, когда они начали закладывать в фундаменты храмов и дворцов и свои статуи, а не только статуи божеств. Эти факты свидетельствовали о постепенном снижении влияния богов на светскую жизнь древнего общества.

В ранние периоды не было долгих и сложных ритуалов строительства, как и позже, в эпоху рабовладельчества в южной Месопотамии. Появились основы храмов в городах Эреду и Ур с традицией строительства здания друг на друге и скамьи жертвоприношений. Скамьи также найдены в некоторых храмах³. Несмотря на отсутствие письменных свидетельств о религии, можно установить, что религиозная церемония (ритуал) в шумерскую эпоху преобладает во многих городах⁴.

Большинство древних религиозных ритуалов Месопотамии делятся на две части. Первая из них – индивидуальная – осуществляется одним человеком. Это молитва и бесплатная работа людей на земле храма для бога с просьбами получения разных благ – здоровья, детей, работы и т. д. Вторая часть – это коллективные ритуалы по строительству, ремонту, уборке храма, и тоже бесплатные. Например, царь объявляет населению города о проведении каких-либо работ, узнав об этом, собираются и жители окрестных населенных пунктов, поскольку у каждого есть свои просьбы к богам⁵. В этих работах иногда участвовал и царь вместе с членами своей семьи. Проследив путь строительства храма от начала до конца, можно довольно четко выделить в организации ритуальных действий три этапа. На первом этапе проводятся традиционные ритуальные действия, выработанные многими поколениями; на втором – ритуалы, которые должны осуществляться только в определенное время года; на третьем – религиозные обряды, которые проводились с верой во «владельца здания» – Бога храма.

Большинство исследователей описывают, что указание царю построить храм и план этого храма давались во сне. После этого выбирался соответствующий месяц и день начала строительства⁶. Чаще всего оно начиналось в третий месяц года (март)⁷. Процесс строительства храма проходил в несколько этапов. На первом этапе земли под застройку люди расчищали от тростника, пальм, травы, потом это сжигали. Следующий этап – освящение места под фундамент. Для этого сначала на землю выливались жидкие вещества, такие как масло, молоко, алкоголь и вода, которая считалась «небесной», затем сюда выливалась кровь жертвенных животных – коз и овец. Считалось, что дым от сожжения и запах жертвенных животных, поднимаясь к небу, сообщают богам о начале строительства. О жертвоприношениях, по мнению Суад Мухамад, говорит найденный клинописный текст и слово в нем 'Siz-kor', которой с шумерского означает «жертва». Процессы расчищения и освящения земли проводили священники и царь. Слово 'A-SH-AB' в переводе с шумерского и слово 'isirpu' в переводе с аккадского означают «очищение»⁸. Третий этап – закладка фундамента, в основание которого кладется статуя царя. После этого начиналось строительство здания. Во время отделочных работ на входе

¹ Аль-Асуад Х. Б. Литература плача... С. 124.

² Адель Х. Общество древнего Ирака. С. 256.

³ Аль-свах Ф. Первое приключение ума... С. 251.

⁴ Аль-свах Ф. Религия человека. С. 68–70.

⁵ Бакир Т. Древний Ирак. С. 407.

⁶ Ханун Н. Храмы и кладбища... С. 74–75.

⁷ Бахар А. Зиккураты в Месопотамии. С. 7.

⁸ Кримар С. Н. Вавилонские легенды. С. 85.

укреплялся символ семи богов – значок глаза – ‘Sbeto’¹. Например, при раскопках мозаичного храма, датированного 3500–3000 гг. до н. э. в г. Урук прослеживались все этапы ритуала: огнем была расчищена площадь под здание, а затем построили фундамент высотой 2 м из кирпича с глиной, и на фундамент были положены каменные плиты, на которых начали строить храм².

Эти ритуалы, зародившись в глубокой древности, на некоторых территориях Ирака сохранились до настоящего времени. Например, при строительстве дома люди закладывают в фундамент голову жертвенного животного, чаще всего козы, и до сих пор используют круглую иконку, чтобы отогнать зависть и злых духов от нового здания.

В эпоху расцвета культуры (2600–2500 гг. до н. э.) в строительной традиции появились некоторые изменения. Во-первых, во время укладки краеугольного камня храма стали класть немного меда. Во-вторых, при археологических раскопках храмов в иракских городах были обнаружены статуи в основе фундаментов уже по четырем углам. В-третьих, во время молитвы стали использовать музыкальные инструменты.

Цари Месопотамии часто строили новый храм на месте старого, поскольку земля под ним уже была освященной и сохраняла эту святость³. В качестве примера можно привести записи царя г. Лагаш Гудеа, повествующие в подробностях о практиках и ритуалах начала строительства нового храма или восстановления ветхого или разрушенного. История Гудеа сохранила описание строительства храма бога Нин-гирсу:

Бог говорит на своем месте:
бога и божества говоря;
Создание моего дома придет поток,
Посаженное в просторных полях хватит надолго для вас,
Каналы (реки) будут переполнены вокруг вас,
На холмах, которых не поднимается вода,
Вода поднимется для вас,
Летом выльется много воды для вас,
Она будет тянуть много шерсти для вас,
В тот день заполнит его,
День, когда вы кладете руку на ... моего дома,
Я положу ноги на ... горы, где живет дух севера,
И как человек, с огромной силой,
Ветер северной горы, где ветер будет дуть к вам,
Будет ли работа одного человека больше, чем работа двух человек,

¹ Ал-Маджди Х. Шумер. С. 323–324.

² Кримар С. Н. Вавилонские легенды. С. 50–55.

³ MacKay, D. Cities of ancient Iraq. P. 77.

Ночью свет луны будет светить для вас,
Дом будет построен для вас и будет светить высоко в ночи

(перевод автора А. Абеда)⁴.

Со времени правления Гудеа появились и новые ритуалы, о которых свидетельствуют обнаруженные клинописи при раскопках г. Лагаш во время строительства храма ‘Nnch-riso’: во время закладки первого кирпича в основание храма произносилась молитва – ‘SLG4-NAM-TAR’, что в переводе с шумерского языка означает ‘семь благословений’. Эту молитву должны были слушать все:

Так же как маленький ребенок слушает мать.
Очищенная земля города,
Храмы, очищенные огнем,
Храм Nnch-riso очищенный
На очищенной земле.
Во время работы никому не попадало
И никого не секли кнутом.
Мать никогда не ударит сына,
Тело сегодня не будет похоронено в городе,
Алькала не будет играть на арфе грустную мелодию.

Женщине сегодня нельзя страдать в городе.
Нация стала равной своей госпоже,
И рабы стали равными своим хозяевам
(перевод автора А. Абеда)

По-новому стали укладывать и статуи: сначала их начали класть в корзины, а затем уже в корзинах – в фундамент. Окончание строительства жители города должны были праздновать семь дней, чтобы в городе преобладали мир и спокойствие.

Царь Ур-наму (2006–2113 гг. до н. э.), пришедший после Гудеа, добавил новые ритуалы. Вокруг храма стали возводить стены – Тимус, защищающие религиозную область от других строений, домов, площадей. Это традиция сохранялась до эпохи Набу-Наида (555–539 гг. до н. э.)⁵. Набу-Наид с особенной любовью рассказывает в своих надписях, как ему являлось во сне то или другое божество и повелевало начать работу в том или ином храме страны, как он, следуя новому ритуалу и обычаю, изменил форму статуй для фундамента. Прежние статуи изготавливались из дерева или керамики и изображали царя, преклоненного на одно колено. Теперь же статую отливали из бронзы и изображали царя стоящим вытянуто, держащим в поднятых руках чашу

⁴ Абду Ал-салам А. Скульптура Шумерской эпохи. С. 49.

⁵ Али М. М. Храмы в древней цивилизации... С. 122.

(корзину), где будто бы должна лежать глина для строительства¹.

Во времена правления следующего царя Шульги изменения коснулись положения статуй. При раскопках храма Анана-Иштар в г. Нипур в фундаменте была найдена статуя из дерева для царя Шульги, но стоящая как во времена Набу-Наида, но только не в корзине, а в кирпичном коробе. В другой части фундамента этого же храма были обнаружены вместе семь статуй, стоящие в таком же кирпичном коробе². Некоторые клинописи содержат сведения о том, что царь приходит ночью в храм, чтобы поблагодарить бога за план храма, данный ему во сне, и рассказывал богу свои будущие планы. Ценные строительные материалы (золото, серебро, дерево) привозили из соседних стран. Новым стал и обряд завершения строительства: специальным маслом с запахом (на шумерском 'IGIS', по-аккадски самну, 'Samnu') стали поливать двери, чтобы отогнать злых духов. Первым входил в храм царь, чтобы помолиться и попросить у бога счастья и вечного блага для города. Затем приносили в жертву домашних животных и хлебные дары.

Когда строили новый храм на месте старого или реставрировали старый, то применяли новые ритуалы и обряды. Храм мог быть разрушен в связи с природными явлениями или войной. Старые стены сносили до фундамента. Священник садился на колени перед храмом, начинал играть на арфе и читать песнопение, чтобы успокоить гнев богов:

Вы не должны оставить меня
Инки не должны оставить меня
Успокойся, вы не должны оставить меня
Вы должны вернуться ко мне
Грустно и всегда слезы
Может это успокоит твое сердце
Поймите меня как сердце матери,
Поймите меня как добрый отец
Поймите меня, что мольба и низкопоклонство
для богов

(перевод автора А. Абеда)³.

После этого начинали строить новый храм: закладывали первый камень, ночью разбрасывали вокруг пшеницу, поджигали факелы и играли на барабанах (Shaco – Maco) и приносили жертву для главных богов – Анну в г. Урук и Ин-Лиль в г. Нипур. Перестройка старых храмов производи-

лась тоже в марте месяца с ночи и до утра или с утра до ночи. Эти обряды должны были показать разницу между старым и новым храмом, как разницу между радостью и горем⁴.

Анализируя строительство храмов и обряды, сопровождающие его на протяжении длительного времени, мы видим, что каждый раз все изменения происходят с началом правления нового царя. Храмы, построенные в честь одного и того же божества в разных городах, часто имели разную форму, и строительство сопровождали разные обряды. Хотя, по мнению ученых, в древности люди считали, что именно боги указывали царю место строительства и давали план нового храма.

В отличие от этих исследователей, у меня несколько иное мнение по поводу процесса строительства храма: переводы клинописей нужно не просто читать и давать описание, надо проводить глубокий анализ содержания этих текстов, и тогда выводы получаются несколько иные. Действительно, народ древней Месопотамии был уверен, что его жизнь проходит именно благодаря богам, поэтому они считали своим долгом благодарить этих богов. Этой благодарностью могли быть молитва и построенный храм.

Цари решили использовать эту веру народа в богов, чтобы укрепить свое влияние и подчинять народ своей воле. Именно для этого они говорили народу, что бог приходит к ним во сне и дает план и указывает место строительства нового храма. На самом же деле именно сами цари были «архитекторами» храмов. Здесь они объединили политику и религию, вынуждая верующих слушать царей «по велению богов», собирать пожертвования и исполнять обеты.

Месяц март также не случайно был выбран для начала строительства. В этот сезон собирали урожай (пшеницу), и шелуху использовали в качестве примеси к глине как строительный материал. К тому же в этот месяц погода всегда была ясная, солнечная, глина быстро высыхала. В марте у крестьян освобождалось время от сельскохозяйственных забот, и строительные работы велись практически добровольно, т. к. каждый житель хотел отблагодарить богов за собранный урожай.

Иногда новые храмы строились на фундаменте старых (как, например, в г. Урук); но это делалось с той целью, чтобы сократить обряды и время, т. к. не надо было уже расчищать территорию и совершать долгие ритуалы, и приносить жертвы, как при строительстве нового храма. Это все просчитывали и придумывали цари, а поскольку

¹ Аль-свах Ф. Религия человека. С. 49.

² Аль-свах Ф. Первое приключение ума... С. 76.

³ Аль-Асуад Х. Б. Литература плача... С. 127.

⁴ Ал-Маджди Х. Шумер. С. 100–103.

при восстановлении разрушенных храмов людьми двигало покаяние перед богами и вина за разрушение святилища, они работали бесплатно. Этим тоже можно объяснить, что люди с нетерпением ждали марта, чтобы построить новое святилище, просить богов прийти в него и искупить все грехи.

Таким образом, можно сделать некоторые выводы.

1. Идея развития храмов всегда возникала в сознании и культуре народов и их правителей, и эта идея принадлежала самому человеку, который впоследствии становился предводителем (царем) этого народа. Изначально, по нашему мнению, боги не принимали участия в создании идеи (плана, оформления, ритуалов) храма. Первые храмы Древней Южной Месопотамии служили местом для поклонения и ничем не отличались от домов Древнего Вавилона. Например, храмы в период Аль-Убейд представляли собой четыре стены, площадь вокруг них и простые помещения. Однако с течением времени архитектура и технология строительства храмов начала изменяться, поскольку роль правителей начала усиливаться. Для того чтобы показать свое могущество, они начинают усложнять архитектуру храмов, делая их более величественными. Они начали импортировать строительные материалы, такие как древесина и некоторые виды камня, из других земель за пределами Междуречья, которые они стали использовать в изготовлении статуй, обелисков и мебели для религиозно-обрядовой практики. В этом был политический смысл: цари для усиления своего могущества эти изменения преподносили народу от имени богов, а на самом деле это не было божественным велением. Все изменения вносились намеренно царями. Это можно проследить на примере храмов IV слоя г. Урук и храмов г. Нипур и г. Ур.

2. Этот же политический смысл прослеживается и в выборе места строительства и планировке храмов. Их правители выбирали совместно с архитекторами и жрецами храмов. Наглядным примером является храм И-Энна в г. Нипур. Сначала, во время царствования Ур-Намму (2112–2004 гг. до н. э.), это был обычный небольшой храм, затем он был отреставрирован его сыном царем Шульги (2047–2094 гг. до н. э.). Важнейшие перестройки храма были осуществлены во времена Древневавилонского царства (1894–1595 гг. до н. э.) и Касситского периодов (657–1157 гг. до н. э.), после чего его площадь стала составлять 190х330 м, а стены были утолщены до 10–13 футов. Он приобрел величественный и могущественный вид.

3. С усилением положения царей и жрецов также происходила и эволюция ритуалов. Это можно проследить по обелискам и скульптурам. Первоначально при строительстве небольших храмов делали обычные фундаменты. В процессе строительства в основание храма или царского дворца стали устанавливать статуи богов («статуи фундамента»). Этот ритуал был объявлен как повеление богов и был соединен с уже существовавшими религиозными обрядами в строительстве храмов и дворцов.

Новыми ритуалами стало и вхождение в храм. По окончании строительства царь был первым человеком, входящим в храм. Родственники царя могли стать верховными служителями храмов. Например, дочь царя Нирама-Сина Ан-мин-ана служила верховной жрицей храма Син в г. Ур, а другая дочь Тутта – Набшом – служила жрицей одного из храмов г. Нипура.

4. Цари использовали веру народа в богов для того, чтобы задействовать их как бесплатную рабочую силу в строительстве храмов, где они культивировали идеи тесной связи царей с богами, что обеспечивало им покорность народов и возможность продолжать свое правление в течение долгого времени. В то же время некоторые цари не стали выполнять все ритуалы при строительстве храма. Например, царь Шульги не стал располагать свою статую в основании большого храма в Уре. Нарушил ли он этим закон Бога? Он хорошо понимал, что это все делают сами цари, а не боги им указывают. Своей опорой он сделал воинов, с их помощью он решал многие вопросы. И у власти он находился 48 лет (2096–2046 гг. до н. э.).

В шумерскую эпоху храмов строили значительно больше, в аккадское время больше внимания уделяется гражданской архитектуре, которая была уже далека «от снов царей».

В заключение еще раз отметим, что религия отражалась на всей жизни людей древней Месопотамии и архитектуре в том числе, она была двигателем искусства, науки и всех сфер общества. Боги были абсолютно реальны для людей, их не воспринимали как что-то сверхъестественное.

Список литературы

1. Абду Ал-салам, А. Скульптура Шумерской эпохи (на араб. языке) / А. Абду Ал-салам. – Мосул, 2005. – 49 с.
2. Адель, Х. Общество древнего Ирака (на араб. языке) / Х. Адель. – Багдад: Техно-принт, 2006. – 256 с.

3. Али, М. М. Храмы в древней цивилизации Месопотамии (на араб. языке) / М. М. Али. – Багдад: Техно-принт, 1975. – 215 с.
4. Аль-Асуад, Х. Б. Литература плача в древней Месопотамии (на араб. языке) / Х. Б. Аль-Асуад. – Мосул: Техно-принт, 2002. – 130 с.
5. Ал-Маджди, Х. Шумер (на араб. языке) / Х. Ал-Маджди. – Оман, 1998. – 324 с.
6. Аль-свах, Ф. Первое приключение ума – Сирия (на араб. языке) / Ф. Аль-свах. – Дамаск: Техно-принт, 1996. – 76 с.
7. Аль-свах, Ф. Религия человека (на араб. языке) / Ф. Аль-свах. – Дамаск: Техно-принт, 2002. – 84 с.
8. Бакир, Т. Древний Ирак (на араб. языке) / Т. Бакир. – Лондон, 2009. – 406 с.
9. Бахар, А. Зиккураты в Месопотамии (на араб. языке) / А. Бахар. – Багдад: Техно-принт, 1999. – 170 с.
10. Кримар, С. Н. Вавилонские легенды (на араб. языке) / С. Н. Кримар. – Багдад: Техно-принт, 1981. – 230 с.
11. Омар, С. М. Жертвоприношения в религии (на араб. языке) / С. М. Омар. – Багдад: Техно-принт, 2005. – 420 с.
12. Ханун, Н. Храмы и кладбища в Месопотамии (на араб. языке) / Н. Ханун. – Дамаск: Техно-принт, 2006. – 216 с.
13. MacKay, D. Cities of ancient Iraq / D. MacKay. – Baghdad: Techno print, 1952. – 325 p.
14. Oppenheim, A. L. Ancient Mesopotamia: portrait of a dead civilization / A. L. Oppenheim. – Baghdad: Techno-print, 1980. – 480 p.

Сведения об авторе

Амир Абед Наджм Абед – аспирант кафедры археологии и истории первобытного общества Удмуртского государственного университета.
lemelon@inbox.ru

*Bulletin of Chelyabinsk State University. 2015. № 16 (371).
History. Issue 65. P. 9–16.*

CEREMONIES DURING THE CONSTRUCTIONS OF ANCIENT TEMPLES IN SOUTHERN MESOPOTAMIA

Abed Amir Najm Abed

a post-graduate student in Udmurt State University. lemelon@inbox.ru

The article deals with the issues of ritual activity in the construction and restructuring of the ancient temples in Southern Mesopotamia. The author, applying archaeological and written sources, estimates the complexity of the system of rituals that were used in the construction of the temples. Religious beliefs were reflected in all spheres of life of ancient Mesopotamia's population, including architecture. The construction of temples was a multi-valued event, the success of which took both engineering skills, and techniques of artistic modeling, and strict adherence to the set of religious rules. Mesopotamian rulers, calling themselves the representatives of the gods, led the construction process, laying a complex system of rituals. Their traces remain in the material sources (as is seen by the results of archaeological works in Iraq), and in the written heritage – in songs and stories. Complexity of the system of rituals and necessity of their consistent implementation were firmly rooted in the minds of citizens, helping to strengthen the rulers' power and deification.

Keywords: Mesopotamia; temple; religion; archeology; Iraq; Uruk.

References

1. Abdu Al-salam A. *Skul'ptura Shumerskoj jepohi* [Sculpture of the Sumerian era]. Mosul, 2005. 49 p. (In Arabic).
2. Adel' H. *Obshhestvo drevnego Iraka* [Society of ancient Iraq]. Bagdad, Tehno-print Publ., 2006. 256 p. (In Arabic).

3. Ali M.M. *Hramy v drevnej civilizacii Mesopotamii* [The temples of the ancient civilization of Mesopotamia]. Bagdad, Tehno-print Publ., 1975. 215 p. (In Arabic).
4. Al'-Asuad H.B. *Literatura placha v drevnej Mesopotamii* [Literature of the tears in ancient Mesopotamia]. Mosul, Tehno-print Publ., 2002. 130 p. (In Arabic).
5. Al-Madzhdhi H. *Shumer* [Schumer]. Oman, 1998. 324 p. (In Arabic).
6. Al'-svah F. *Pervoe prikljuchenie uma – Sirija* [The first adventure of the mind – Syria]. Damask, Tehno-print Publ., 1996. 76 p. (In Arabic).
7. Al'-svah F. *Religija cheloveka* [Religion of humanity]. Damask, Tehno-print Publ., 2002. 84 p. (In Arabic).
8. Bakir T. *Drevnij Irak* [Ancient Iraq]. London, 2009. 406 p. (In Arabic).
9. Bahar A. *Zikkuraty v Mesopotamii* [Ziggurats of Mesopotamia]. Bagdad, Tehno-print Publ., 1999. 170 p. (In Arabic).
10. Krimar S. N. *Vavilonskie legendy* [Babylonian legends]. Bagdad, Tehno-print Publ., 1981. 230 p. (In Arabic).
11. Omar S. M. *Zhertvoprinoshenija v religii* [The sacrifice in religion]. Bagdad, Tehno-print Publ., 2005. 420 p. (In Arabic).
12. Hanun N. *Hramy i kladbishha v Mesopotamii* [Churches and cemeteries in Mesopotamia]. Damask, Tehno-print Publ., 2006. 216 p. (In Arabic).
13. MacKay D. *Cities of ancient Iraq*. Baghdad, Techno print Publ., 1952. 325 p.
14. Oppenheim A. L. *Ancient Mesopotamia: portrait of a dead civilization*. Baghdad, Techno-print Publ., 1980. 480 p.

УДК 39 (511.131) (045)
ББК (63.521 (664.1)

И. А. Косарева

ВОДЗИМОНЬИНСКАЯ ПОДГРУППА СОБСТВЕННО-ЮЖНЫХ УДМУРТОВ

В основу статьи положены полевые исследования, проведённые при поддержке РГНФ.
Грант № 06-01-18129-е.

Впервые излагаются сведения, полученные в ходе полевых изысканий автора, проведённых в последние годы. Новый полевой этнографический материал позволяет вычленить невыявленное ранее этнографическое подразделение удмуртского народа и определить его культурную специфику. Этнографическая подгруппа собственно-южных удмуртов, проживающая в западной части Вавожского района, на границе с Кировской областью, вблизи р. Вятки, была сформирована в результате взаимодействия собственно-южных удмуртов и переселенцев с правого берега р. Вятки. Своеобразие традиционной культуры водзимоньинской подгруппы отразилось в предметах одежды, головных уборах и их названиях, способах узорного ткачества и украшениях. Обращает на себя внимание отсутствие перевязи в наборе традиционных украшений водзимоньинских удмуртов, хотя у соседней, относящихся к завятским, можгинско-малопургинским удмуртам и калмезам, перевязь была неотъемлемой частью праздничного облачения.

Ключевые слова: водзимоньинская подгруппа; собственно-южные удмурты; традиционная культура; украшения из серебряных монет.

Этнографическая подгруппа водзимоньинских удмуртов проживает на западе Вавожского района, в деревнях, расположенных вокруг с. Водзимонье, по берегам р. Седмурча (левый приток р. Валы) и её притокам. На севере ареал подгруппы ограничивает р. Вала, её несколько заболоченные в данной местности берега и старицы. На западе водзимоньинские удмурты отделены лесным заболоченным массивом и р. Вяткой от земель шошминских удмуртов. На востоке леса отделяли водзимоньинских удмуртов от можгинско-малопургинской подгруппы, а на юге – от севернокизнерской. Исследования, посвящённые этой подгруппе, были проведены в деревнях: Старая Бия, Новая Бия, Зямбайгурт, Монья и в с. Водзимонье.

Деревни, населённые водзимоньинскими удмуртами в наши дни, это: Старая Бия, Новая Бия, Зямбайгурт, Монья, Квачи, Квашур, Новое Водзимонье, Сиктан (последняя деревня почти заброшена) и с. Водзимонье. Из названий деревень видно, что в формировании этой подгруппы принимали участие воршудные группы Бия и Монья.

Как удалось выяснить в ходе полевых исследований автора в 1982 г., до появления в конце XIX – начале XX в. одежды из пестряди и фабричной ткани, имеющей модернизированный покрой, водзимоньинские удмурты носили белые холщёвые рубахи с центральным нагрудным

разрезом. Декоративное оформление нагрудного разреза водзимоньинских рубах было близко тому, как оформляли свои рубахи бесермяне, субэтнос, происхождение которого связано и с удмуртским, и с тюркским (булгаро-чувакским) компонентами.

В бесермянской женской белой холщёвой рубахе перпендикулярно к нагрудному разрезу нашиты сплетённые из толстых красных льняных нитей рельефные полосы *изма*, в промежутках между которыми вышиты разноцветным шёлком кривой стёжкой с чёрным контуром геометризованные изображения дерева *трет*. Иногда можно встретить и другие мотивы, но древовидный – самый распространённый. Очевидно, что такая традиция имеет тюркские корни. Термин *изма* происходит, видимо, из тюркских языков. В частности, башкиры обозначали словом *изу* нашивки из лент, полосок цветной ткани вокруг нагрудного разреза старинных женских рубах¹. У казанских татар *изу* – нагрудное украшение². Название вышивки *трет* (если не от удм. *тырет* ‘заполнение’, что вполне вероятно) может также быть производным от чувашского *турат* ‘побег, отросток’, что вполне соответствует мотиву бесермянской вышивки. Нижняя часть нагрудного

¹ Шитова С. Н. Народная одежда башкир. С. 153.

² Валеев Ф. Х. Народное декоративное искусство Татарстана. С. 70.

разреза бесермянской рубахи имеет мысовидное завершение из полос вышивки, подчеркнутое нашивками из красной фабричной ткани.

В рубахах водзимоньинских удмуртов место плетёных нашивок *изма* занимают полосы рельефной вышивки, выполненной разноцветными нитями (чередуются полосы разных цветов – красного, зелёного, жёлтого, голубого). Между ними ритмично повторяются простёганные чёрной нитью швом «роспись» фигуры. В ряде образцов они своими очертаниями близки схемам бесермянской вышивки *трет*, выполненной в упрощённом виде. Иногда они включают участки, выполненные косой стёжкой и шитьём «в прикреп» позументной нитью. Вещи, в которых вышивка выполнена шёлковой нитью, окрашенной природными красителями, декорированы с большой тщательностью. Эти фрагменты – остатки изношенных вещей. Но известна заготовка такой вышивки, выполненная шерстяными нитями, окрашенными анилиновыми красителями, относящаяся к концу XIX в., а, возможно и к рубежу веков. Она осталась невостребованной: в этот период одежда из пестряди, приближенная своим покроем к городскому платью, вытеснила белые холщёвые рубахи с традиционной вышивкой. Нижняя часть нагрудного разреза водзимоньинских рубах имеет мысовидное завершение, не столь декоративно акцентированное, но ясно читаемое.

Традиционным для удмуртов старейшим покроем рубах был прямой туникообразный, со сдвинутым вправо нагрудным разрезом. Он сохранился у косинских удмуртов и унинских калмезов. У слободских удмуртов он уцелел в девичьих рубахах благодаря нашивке-оберегу, не позволившей его изменить¹. Кроме того, этот покрой известен у луговых марийцев (он сохранился в Яранском уезде и в части сопредельных территорий Царевококшайского уезда) и считается более ранним по отношению к разрезу, расположенному по центру рубахи, получившему у марийцев широкое распространение благодаря чувашскому культурному влиянию². Этот же покрой бытовал у коми, до того, как женская традиционная одежда была вытеснена характерным для северных русских сарафанным комплексом. Он был присущ мужским рубахам коми³. Очень существенно, что данный покрой применяли при изготовлении одежды из белого холста, декорированной традиционной вышивкой. Он представ-

ляется старейшим покроем, возникшим в очень отдалённые времена и сохранившимся благодаря консерватизму, проявляемому по отношению к нательной одежде.

Совершенно очевидное сходство покроя и декоративного оформления нательной одежды бесермян и водзимоньинских удмуртов имеет под собой историческую основу. Русские письменные документы XIV – начала XVII в., данные диалектологии и топонимики свидетельствуют о том, что бесермяне до переселения на север, в причепецкие районы, проживали в соседстве с завятскими удмуртами, в Заказанье, на территории, входящей в состав бывшей Арской дороги⁴. Интересно было бы сравнить водзимоньинские и бесермянские рубахи с рубахами завятских удмуртов. Но традиционные рубахи завятских удмуртов, сохранившиеся до нашего времени, претерпели модернизацию, выразившуюся, во-первых, в отказе от белого холста и связанной с ним вышивки и в переходе к использованию пестряди с красным фоном; во-вторых, в изменении покроя в сторону приближения к городской одежде. В целом костюм завятских удмуртов, как кукморских, так и шошминских, отразил сильное тюркское влияние⁵.

Наряду с материалом о традиционных рубахах значительный интерес для нашего исследования представляют данные о традиционных женских головных уборах. Для завятских и собственно-южных удмуртов было характерно большое сходство многосоставных женских головных уборов. Комплект предметов, надеваемых на голову, включал маленькую косынку, головное полотенце с декоративными концами-назадниками, *айшон* или *ашъян* с берестяным каркасом и квадратным холщёвым покрывалом. При этом в такой комплект у собственно южных удмуртов входила ещё налобная повязка, а у завятских удмуртов этой вещи не было. У водзимоньинских, как у всех собственно южных удмуртов, налобная повязка была, и её называли *йыршетдур* (от *йыр* 'голова', *кышет* 'платок', *дур* 'край', 'кромка') 'край головного платка'. Это название отличалось от распространённого у собственно южных удмуртов названия *йыркерттэт* или *йыркерттон* (от удмуртских слов *йыр* 'голова', *керттэт*, *керттон* 'повязка', 'то, чем повязывают').

Собственно южные удмурты обозначали женское головное полотенце заимствованным от

¹ Косарева И. А. Традиционная женская одежда... С. 67.

² Молотова Т. Л. Марийский народный костюм. С. 15.

³ Белицер В. Н. Очерки по этнографии народов коми. С. 44.

⁴ Гришкина М. В., Владыкин В. Е. Письменные источники по истории удмуртов... С. 25–27; Трефилов Г. Н. Бесермяне по письменным источникам. С. 313.

⁵ Косарева И. А. Традиционная женская одежда... С. 156.

тюркок словом *чалма*. В то же время завятские удмурты сохранили для обозначения головного полотенца исконное удмуртское название *йыркышет*. (Молодуха завятских удмуртов надевала под этот головной убор ещё небольшой платочек.) Водзимоньинские удмурты уже не помнят, как у них называлось женское головное полотенце. Однако название налобной повязки *йыришетдур* < **йыркышетдур* 'край, кромка *йыркышета*' указывает на то, что забытое название женского головного полотенца водзимоньинских удмуртов – *йыркышет*, близкое термину, сохранённому завятскими удмуртами.

Термин, обозначающий налобную повязку, указывает, наряду с другими материалами по одежде и данными диалектологии, на историческую связь этой небольшой группы с завятскими удмуртами, скорее всего, с их шошминской подгруппой, проживающей по отношению к другим завятским выше по течению р. Вятки, ближе к ареалу водзимоньинских удмуртов.

Интересной особенностью одежды водзимоньинских удмуртов является использование в праздничной женской одежде пестряди с узором *кеж пужы* 'хрустящий узор'. При создании такой ткани нити основы при покраске завязывали в узлы, и в узлах нити не прокрашивались. При переплетении с нитями утка непрокрашенные участки нитей основы образовывали цветные пятна с неровными, словно бы рваными, очертаниями. Подобный способ декорирования ткани особенно характерен для народов Средней Азии. Он хорошо известен собственно южным и закамским удмуртам, и, по всей видимости, с давних пор. Несомненно, что он появился у них благодаря контактам с тюрками¹.

Очень существенно, что диалектологи выделяют особый относящийся к срединным водзимоньинский говор². По данным С. А. Максимова, для удмуртов, проживающих в деревнях вокруг с. Водзимонье, характерен ряд специфических языковых особенностей, отличающих их речь от речи соседей. Это отсутствие «избыточных» аффрикат, иное распределение аффрикат в слове; иной, чем в других срединных говорах, показатель возвратного глагола; наличие в лексике тюркизмов, фонетические особенности которых характерны для завятских удмуртов. Особенности говора населения, проживающего в бассейне р. Седмурча, вокруг с. Водзимонье, убеждают ди-

алектологов в том, что в его формировании приняли участие не только собственно южные, но и завятские (скорее всего, шошминские) удмурты, испытавшие интенсивное тюркское воздействие³.

Этнографические материалы, такие как особенности покроя и декоративного оформления женских рубах, название налобной повязки, распространение приёма, создающего на ткани рисунок *кеж пужы*, – всё это свидетельствует об участии в формировании водзимоньинского населения как собственно-южных, так и завятских удмуртов, и о тюркском культурном влиянии. Эти данные материальной культуры согласуются с материалами диалектологии.

Для населения деревень, расположенных вокруг с. Водзимонье, был характерен особый специфический комплекс нагрудных украшений из нашитых на ткань монет. Это небольшое, располагаемое около шеи украшение *чыртыул* (*чырты* 'шея', *ул* 'низ') и большое, нашитое на единую основу, располагаемое ниже – *сюмсазь* (*сюмыс* 'сыромятная кожа', *азь* 'перед'). Обнаружить подлинные предметы в ходе полевых исследований не удалось. К счастью, ещё были живы информаторы, помнившие названия предметов и давшие их словесное описание.

Интересно и удивительно, что перевязи в наборе украшений данной подгруппы не было. Водзимоньинские удмурты не заимствовали ни *камали* – перевязь шошминских и кукморских удмуртов, ни *бутмар* – перевязь, характерную для многих подгрупп собственно южных удмуртов. Объяснить это можно некоторой изолированностью их ареала от мест бывшего контактирования с тюрками.

Спецификой узорного ткачества водзимоньинских удмуртов было использование при создании ковров выборной техники со свободно провисающими нитями цветного, формирующего орнамент утка. В то же время для ковроделия собственно южных удмуртов более свойственно применение переборной техники, при которой из нитей основы выделен дополнительный зев, формирующий мелкие рубчики на поверхности ткани, прижимающие узорные нити утка и не дающие им провисать.

Брачные связи водзимоньинских удмуртов ограничивались ареалом этой небольшой подгруппы. На южной границе их ареала располагались деревни севернокизнерских удмуртов: д. Косая Можга и её выселок Вильгурт. С жителями этих населённых пунктов в обозримом прошлом водзимоньинские удмурты также поддерживали

¹ Белицер В. Н. Народная одежда удмуртов... С. 109.

² Насибуллин Р. Ш., Максимов С. А., Семёнов В. Г., Отставнова Г. В. Диалектологический атлас удмуртского языка. Вып. 1. С. 44.

³ Информация получена из беседы с С. А. Максимовым.

брачные отношения, но с более отдалёнными деревнями севернокизнерских удмуртов брачных отношений не было.

В переписи 1716 г. можно опознать только четыре деревни, имеющих отношение к водзимоньинской подгруппе. Все они входили в сотню *Бегайки Ямеева*, включившую также и часть деревень *калмезов*:

Водзи Монья (18 дворов, 73 человека) – с. Водзимонье Вавожского района.

Деревня по речке Седмурчи (13 дворов, 53 человека) – неясна судьба этой деревни, сохранилась ли она под каким-то названием или была оставлена жителями, понятно только одно, что её жители – представители водзимоньинской подгруппы.

Седмурчи-Монья (19 дворов, 84 человек) – д. Монья (жители называют её Старой Моньей) Вавожского района;

Седмурчи-Бия (9 дворов, 26 человек) – Старая Бия Вавожского района.

Интересно, что расположенная поблизости д. Косая Можга (Косы Можга) деревня севернокизнерских удмуртов, входила в другую административную единицу – сотню Тохтарки Иванова.

Особенности традиционной культуры, рассмотренные выше, позволяют на данном новом этнографическом материале выделить подгруппу водзимоньинских удмуртов. Эти этнографические данные подтверждаются и материалами новейших диалектологических исследований, обнаруживших заметную языковую специфи-

ку населения деревень, расположенных вокруг с. Водзимонье.

Список литературы

1. Белицер, В. Н. Очерки по этнографии народов коми / В. Н. Белицер // Тр. ин-та этнографии. Новая сер. – М.: Изд-во АН СССР, 1958. – 322 с.
2. Белицер, В. Н. Народная одежда удмуртов (материалы к этногенезу) / В. Н. Белицер // Тр. ин-та этнографии. Новая сер. – М.: Изд-во АН СССР, 1951. – 142 с.
3. Валеев, Ф. Х. Народное декоративное искусство Татарстана / Ф. Х. Валеев. – Казань, 1984. – 171 с.
4. Гришкина, М. В. Письменные источники по истории удмуртов в IX–XVII вв. / М. В. Гришкина, В. Е. Владыкин // Материалы по этногенезу удмуртов. – Ижевск, 1982. – С. 3–43.
5. Косарева, И. А. Традиционная женская одежда периферийных групп удмуртов / И. А. Косарева. – Ижевск, 2000. – 226 с.
6. Молотова, Т. Л. Марийский народный костюм / Т. Л. Молотова. – Йошкар-Ола, 1992. – 109 с.
7. Трефилов, Г. Н. Бесермяне по письменным источникам / Г. Н. Трефилов // Вопр. фин.-угор. языкознания. – Ижевск, 1967. – Вып. IV. – С. 310–318.
8. Шитова, С. Н. Народная одежда башкир / С. Н. Шитова // Археология и этнография Башкирии. – Уфа, 1968. – Т. 3. – С. 124–146.

Сведения об авторе

Косарева Ирина Алексеевна – кандидат исторических наук, доцент кафедры истории искусств и художественно-педагогического моделирования Института искусств и дизайна Удмуртского государственного университета.

ira.kosareva.60@mail.ru

*Bulletin of Chelyabinsk State University. 2015. № 16 (371).
History. Issue 65. P. 17–21.*

VODZIMONIA SUBGROUP OF SOUTHERN UDMURTS

This article is based on field research conducted with the support of Grant № 06-01-18129-e.

I. A. Kosareva

Candidate of Historical Sciences, Associate Professor, the Department of Art History and Pedagogical Modeling, Institute of Arts and Design, Udmurt State University (Izhevsk). ira.kosareva.60@mail.ru

The article presents some unique information obtained lately by the author during the field research. The new field ethnographic material allows singling out an earlier unidentified ethnographic division of the Udmurt people and determining its cultural specificity. The ethnographic subgroup of southern Udmurts, settled in the western part of Vavozh area on the border of Kirov region, near the river Vyatka, was formed as a

result of interconnection of southern Udmurts and settlers from the river Vyatka's right bank. The peculiarity of Vodzimononia subgroup's traditional culture was reflected in garments, headwear and its names, methods of weaving and ornaments. It is noteworthy that there were no slings in the set of traditional ornaments of Vodzimononia Udmurts, although their neighbors, who belonged to Zavyatskiy, Mozhginsky-Malopurginskiy Udmurts and the Kalmezs, used a sling as an integral part of their festive attire.

Keywords: Vodzimononia subgroup; southern Udmurts; traditional culture; ornaments made of silver coins.

References

1. Beliser V. N. Oчерки po этнографии народов коми [Essays on Komi ethnography]. *Trudy instituta jetnografii* [Transactions of the Institute of Ethnography]. Moscow, 1968. 322 p. (In Russ.).
2. Beliser V. N. Narodnaya odezhda udmurtov [Udmurts' ethnic clothing]. *Trudy instituta jetnografii* [Transactions of the Institute of Ethnography]. Moscow, 1951. 142 p. (In Russ.).
3. Valeev F. H. *Narodnoe dekorativnoe iskusstvo Tatarstana* [Ethnic decorative art of Tatarstan]. Kazan, 1984. 171 p. (In Russ.).
4. Grishkina M. V., Vladikin V. E. Pismennye istochniki po istorii udmurtov v IX–XVII vv. [Written sources about the history of the Udmurts in IX–XVII cent.]. *Materiali po etnogenezu udmurtov* [Materials about Udmurt ethnogenesis]. Izhevsk, 1982. Pp. 3–43. (In Russ.).
5. Kosareva I. A. *Traditsionnaya zhenskaya odezhda periferiyh grupp udmurtov* [Traditional female clothing of peripheral Udmurt groups]. Izhevsk, 2000. 226 p. (In Russ.).
6. Molotova T. L. *Mariyiskiy narodniy kostyum* [Mari ethnic costume]. Yioshkar-Ola, 1992. 109 p. (In Russ.).
7. Trefilov G. N. Besermiane po pismennim istochnikam [The Besermyans after written sources]. *Voprosy finno-ugorskogo jazykoznanija* [Questions of Finno-Ugric linguistics], iss. IV. Izhevsk, 1967. Pp. 310–318. (In Russ.).
8. Shitova S. N. Narodnaya odezhda bashkir [Bashkirs' ethnic clothing]. *Arheologiya i etnografiya Bashkirii* [Archaeology and ethnography of Bashkortostan], vol. 3. Ufa, 1968. Pp. 124–146. (In Russ.).

УДК 39 (511.131) (045)
ББК (63.521 (664.1)

И. А. Косарева

ГРАХОВСКО-ЮЖНОКИЗНЕРСКАЯ ПОДГРУППА СОБСТВЕННО-ЮЖНЫХ УДМУРТОВ

Статья подготовлена при поддержке РГНФ. Грант № 06-01-18-129-е.

Впервые излагаются данные, позволяющие вычленить этнографическую подгруппу собственно-южных удмуртов, проживающую в юго-западной части Удмуртии. В её формировании приняли участие две группы мигрантов: продвинувшиеся с востока носители культа Булды, близкие по культуре алнашско-киясовским удмуртам, и переселившиеся с запада выходцы из земель завятских удмуртов. В традиционной культуре граховско-южнокизнерской подгруппы возник причудливый сплав черт, традиционных для алнашско-киясовских и завятских удмуртов. Подгруппа обладает особенностями традиционного костюма и женских украшений. Для неё характерна своя специфика предметов народного искусства, декоративного оформления головных полотенец, ковров и прялок. У выявленного на этнографическом материале подразделения диалектологи выявили особые граховский и кизнерско-можгинский говоры южноудмуртского наречия. Диалектологические материалы подтверждают данные этнологических исследований.

Ключевые слова: граховско-южнокизнерские удмурты; собственно-южные удмурты; носители культа Булды; перевязь; традиционное удмуртское ткачество.

Удмурты граховско-южнокизнерской подгруппы населяют деревни Граховского района, южной половины Кизнерского района, а также несколько населённых пунктов в верховьях р. Умяк (левый приток р. Вятки), на южной окраине Можгинского района (д. Малый Кармыж, д. Ерошкино, с. Нынек) и деревню Енабердино сопредельного с Граховским Менделеевского района Татарстана.

Исследования, позволившие обнаружить эту подгруппу, были проведены в деревнях *Кизнерского района*: Удмуртский Сармак, Нижняя Чабья, Синяр Бодья, Старая Бодья, Гучин Бодья, Саркуз, Новый Трык, Старый Кармыж, Поляково, Макан Пельга, Арвазь Пельга, Новый Мултан, Короленко (Старый Мултан), Асинер, Айшур, Верхняя Тыжма, а также в с. Кизнер; в деревнях *Граховского района*: Лолошур-Возжи, Порым, Верхняя Игра, Старая Игра, Мишкино, Нижние Юраши, Старые Ятчи, Поршур, Яги-Какси, Нижние Адам-Учи, Байтуганово; в деревнях *Можгинского района*: Малый Кармыж, Ерошкино и в с. Нынек; в *Менделеевском районе Татарстана*: в д. Енабердино.

На востоке и северо-востоке соседями граховско-южнокизнерских удмуртов являются удмурты алнашско-киясовской подгруппы; на севере – удмурты севернокизнерской подгруппы; на юге граница ареала подгруппы совпадает с границей этнической территории удмуртов; на западе гра-

ховско-южнокизнерские удмурты соседствуют с кукморской подгруппой завятских удмуртов, отделённой от собственно-южных удмуртов р. Вяткой.

На территорию граховско-южнокизнерской подгруппы из земель алнашско-киясовских удмуртов в направлении с востока на запад распространился культ *Булды*. Святые места *Булды* выявлены в *Граховском районе*: около д. Яги-Какси, около д. Старые Ятчи, около д. Нижние Юраши (последнее святилище является действующим); в *Кизнерском районе*: около д. Удмуртский Сармак, около д. Поляково, около д. Арвазь-Пельга. Кроме того, священник Н. Блинов в своей работе 1898 г. «Языческий культ вотяков»¹ упоминает святилище *Булды* у д. Вожи Староятчинской волости. Скорее всего, это та деревня, которая в наши дни носит название Лолошур-Возжи. По-видимому, в данном случае автор подразумевал известное действующее поныне святилище около д. Нижние Юраши, равноудалённое как от Нижних Юрашей, так и от д. Лолошур-Возжи. Он упоминает также святилища около д. Айшур Васильевской волости, около деревень Аргабаш и Бемьж.

Заселяя территорию Граховского и Кизнерского районов, осваивая земли в бассейне р. Умяк, носители культа *Булды* создавали новые святилища. Левый берег р. Умяк пригоден для земле-

¹ Блинов Н. Языческий культ вотяков. С. 42–47.

деляя только в нижнем течении и вдоль левого притока – р. Адамки. Эти земли и были освоены переселенцами. Здесь и появились новые святилища: у д. Яги-Какси и у д. Нижние Юраши.

Правый берег р. Умяк освоен удмуртами граховско-южнокизнерской группы от нижнего течения до истоков. В низовьях реки было расположено святилище у д. Старые Ятчи. Выше по течению существовало упомянутое Н. Блиновым святилище у д. Бемыж на р. Бемыжке, притоке р. Умяк. Ещё выше по течению, на высоком мысу у впадения в р. Умяк её правого притока р. Ишек расположено святилище, посещаемое в недавнем прошлом жителями трёх деревень: Поляково, Макан-Пельга, Старый Кармыж. В этом заброшенном ныне святилище сохранились две огромных священных сосны. Их кроны возвышаются над окружающим лесом и хорошо видны издалека. Выше по течению р. Ишек, в двух километрах от д. Арвазь-Пельга, сохранилось другое заброшенное святилище. В нём уцелела огромная старая священная липа. Она имела три ствола на одном основании. Один ствол засох и обвалился, два других живы. Ещё выше по течению р. Ишек находилось упомянутое Н. Блиновым святилище у д. Айшур. Мои информаторы о нём уже не вспомнили.

У истоков р. Лубянки, левого притока р. Вятки, существует д. Старый Аргабаш, неподалёку от которой, по свидетельству Н. Блинова, располагалось ещё одно святилище Булды. Южнее располагалось святилище Булды около д. Удмуртский Сармак. Это самое западное святилище, расположенное неподалёку от р. Вятки.

Но на территорию граховско-южнокизнерской подгруппы, помимо мигрантов из восточных территорий, носителей культа Булды, мигрировали и участвовали в её формировании и переселенцы с правого берега р. Вятки, представители кукморских и шошминских удмуртов. Последней крупной миграцией было переселение в 1930 г. от раскулачивания и безлесья целого ряда семей из д. Ошторма Юмья Кукморского района. Они основали на территории Кизнерского района деревню Сюлонер Юмья.

Но были в прошлом и не такие многолюдные миграции, их поток не иссякал. Выходцы с правого берега р. Вятки активно участвовали в формировании рассматриваемой южноудмуртской подгруппы. М. Г. Атаманов выявил здесь присутствие населения, связанного с семьёй воршудными (Воршуд – божество, покровитель родственных семей) группами, расселёнными на правом берегу р. Вятки. Этот исследователь отметил и

быструю ассимиляцию переселенцев. Их потомки через одно-два поколения полностью сливались с местным левобережным населением¹.

Неслучайно в сельских музеях здесь можно встретить вещи, традиционные для костюмных комплексов завятских удмуртов, а на народных праздниках можно видеть женщин в традиционных костюмах кукморских и шошминских удмуртов с соответствующими наборами украшений из нашитых на ткань серебряных монет. Эти наборы украшений включают нагрудник *чыртыкыч* (*чырты* ‘шея’, *кыч* ‘петля’) и перевязь *камали* (образовано от чувашского слова со значением ‘серебро’).

Очень показателен тот факт, что комплексы нагрудных украшений граховско-южнокизнерских удмуртов конструктивно близки вещам алнашко-киясовской подгруппы. Они также включают широкую перевязь и массивное нагрудное украшение, закруглённое снизу. Название этого главного, основного в наборе украшений предмета заимствовано у переселенцев с правого берега р. Вятки. Его обозначают завятским термином *чыртыкыч*. Интересно, что один предмет из набора украшений граховско-южнокизнерских удмуртов повторяет название, характерное для завятских удмуртов (*чытрыкыч*), а другое украшение – перевязь – обозначено термином (*бутьмар*), характерным для алнашко-киясовской подгруппы. В данном случае терминология очень показательно отражает процесс формирования подгруппы из двух групп мигрантов.

Традиционным рубахам *дэрем* граховско-южнокизнерских удмуртов, сохранившимся до нашего времени, свойственен модернизированный покрой: они имеют широкую оборку, пришитую на уровне бёдер, кокетки на груди и спине, пышные рукава со сборкой в верхней части и у небольшого манжета. При этом они сохраняют архаичный элемент – небольшие квадратные ластовицы у основания рукава. Наиболее ранние из сохранившихся изделий изготовлены целиком из клетчатой ткани домашнего производства. Поздние вещи целиком сшиты из фабричных тканей.

Штаны граховско-южнокизнерской подгруппы, как и у алнашко-киясовских удмуртов, имели покрой с так называемым «широким шагом» – широкую вставку между штанинами. Такой тип покроя, как известно, был характерен для кочевых народов, так как он наиболее удобен при верховой езде.

Народному искусству граховско-южнокизнерских удмуртов присущи некоторые специфиче-

¹ Атаманов М. Г. От Дондыкара до Урсыгурта... С. 77, 79.

ческие явления. Узорные концы их головных полотенец более массивны, чем у других групп. Для концов, выполненных в браной технике, заполненных строгим красно-белым узором, состоящим из изломанных линий вертикальной направленности, характерны разноцветные вставки, выполненные в выборной технике. Во многих выявленных вещах эти вставки повторяют орнаментальные фигуры *зарни пужы* 'золото узор', характерные для вышивки косинских удмуртов, воспроизводящие своими очертаниями бегущего соболя.

В ковроделии распространены композиции узоров, построенные из раппортно повторяющихся очень крупных разноцветных восьмилучевых розеток на тёмном фоне, без других дополнительных деталей. Вещи с таким художественным решением характерны исключительно для данной подгруппы.

Прялки граховско-южнокизнерских удмуртов имеют более широкое донце, чем это обычно характерно для удмуртских прялок, и более сочную резьбу. В то время как орнаментации удмуртских прялок вообще свойственна комбинация гладких и покрытых мелкими параллельными нарезками, словно заштрихованных параллельными линиями, участков с небольшими вкраплениями выемчатой резьбы, прялки граховско-южнокизнерских удмуртов включают большие участки, орнаментированные глубокой трёхгранно-выемчатой резьбой.

По данным новых полевых диалектологических исследований на территории подгруппы распространены граховский и кизнерско-можгинский говоры южноудмуртского наречия. Рубеж между алнашским и граховским говорами соответствует рубежу между алнашско-киясовской и граховско-южнокизнерской подгруппами; межа, разграничивающая кизнерско-можгинские и срединные говоры, проходит примерно там же, где и граница между граховско-южнокизнерской и севернокизнерской подгруппами¹.

Интересно, что граховский и кизнерско-можгинский говоры южноудмуртского наречия отличаются лексические заимствования из завятских говоров².

Диалектологические материалы, таким образом, в основном согласуются с выводами, базирующимися на этнографических данных.

По материалам переписи 1716 г. земли граховско-южнокизнерских удмуртов относились к

¹ Насибуллин Р. Ш., Максимов С. А., Семёнов В. Г., Отставнова Г. В. Диалектологический атлас удмуртского языка. Вып. 1. С. 39–41.

² Информация получена из беседы с диалектологами Р. Ш. Насибуллиным и С. А. Максимовым.

Сотне Андрея Байтемирова, а две деревни входили в сотню Тохтарки Иванова. Граница между сотнями проходила как раз по р. Люге. Сопоставить с современными населёнными пунктами в *сотне Андрея Байтемирова* можно следующие деревни:

Верхний Юграш (2 двора, 12 человек) – д. Горные Юраши Граховского района

Нижний Юграш (3 двора, 17 человек) – д. Нижние Юраши Граховского района

Старая Игра (10 дворов, 42 человека) – д. Старая Игра Граховского района

Сарамак Пельги (12 дворов, 48 человек) – д. Удмуртский Сарамак Кизнерского района

Макан Пельги (14 дворов, 88 человек) – д. Макан-Пельга Кизнерского района

Старой Ятчи (6 дворов, 28 человек) – д. Старые Ятчи Граховского района

Карамыш Пелги (11 дворов, 44 человека) – д. Старый Кармыж Кизнерского района

Варваж Малыя Пельги (4 двора, 19 человек) – д. Арвазь-Пельга Кизнерского района

Малой Пельги, а Карамыш-Пельги (8 дворов, 30 человек) – д. Малый Кармыж Можгинского района.

деревня по речке Бемыж-Пельге (2 двора, 12 человек) – с. Бемыж Кизнерского района

Адам-Учи (4 двора, 16 человек) – д. Нижние Адам-Учи или Русские Адам-Учи или Средние Адам-Учи (последняя деревня исчезла с лица земли, но она существовала ещё 1970-е гг.) Граховского района³.

В сотне Тохтарки Иванова:

Малый Трык (11 дворов, 46 человек) – д. Новый Трык Кизнерского района

Трык Омга (11 дворов, 52 человека) – д. Старый Трык Кизнерского района⁴.

Итак, граховско-южнокизнерская подгруппа существует на ограниченной территории в юго-западной части удмуртского ареала. Она сформирована двумя встречными потоками переселенцев: с востока – носителями культа *Булды*, близкими по культуре алнашско-киясовским удмуртам, и выходцами с запада, с правого берега р. Вятки. Ярким своеобразным явлением духовной культуры этой подгруппы является культ *Булды*, святилища которого создавались по всей территории расселения граховско-южнокизнерской подгруппы. Подгруппа обладает своими особенностями традиционного костюма и женских украшений. Для неё характерна своя

³ ЦГАДА. Ф. 350. Д. 1061. Л. 518 об., 520, 524 об., 530, 532, 536, 552 об., 558 об., 561 об., 568, 570 об., 599 об.

⁴ ЦГАДА. Ф. 350. Д. 1061. Л. 615 об., 619.

специфика предметов народного искусства, декоративного оформления головных полотенец, ковров, прялок. Диалектологи выявили здесь особые граховский и кизнерско-можгинский говоры южноудмуртского наречия.

Список литературы

1. Атаманов, М. Г. От Дондыкара до Урсыгурта. Из истории удмуртских регионов / М. Г. Атаманов. – Ижевск: Удмуртия, 2005. – 215 с.

2. Блинов, Н. Языческий культ вотяков / Н. Блинов. – Вятка, 1898. – 104 с.

3. Насибуллин, Р. Ш. Диалектологический атлас удмуртского языка / Р. Ш. Насибуллин, С. А. Максимов, В. Г. Семёнов, Г. В. Отставнова. – Вып. 1. – Ижевск: НИЦ «Регулярная и хаотическая динамика», 2009. – 259 с.

Сведения об авторе

Косарева Ирина Алексеевна – кандидат исторических наук, доцент кафедры истории искусств и художественно-педагогического моделирования Института искусств и дизайна Удмуртского государственного университета.

ira.kosareva.60@mail.ru

*Bulletin of Chelyabinsk State University. 2015. № 16 (371).
History. Issue 65. P. 22–25.*

GRAKHOV- SOUTH KIZNER SUBGROUP OF SOUTHERN UDMURTS

This article is based on field research conducted with the support of Grant № 06-01-18129-e.

I. A. Kosareva

Candidate of Historical Sciences, Associate Professor, the Department of Art History and Pedagogical Modeling, Institute of Arts and Design, Udmurt State University (Izhevsk). ira.kosareva.60@mail.ru

The paper presents some unique data which allow singling out a subgroup of ethnographic southern Udmurts who live in the South-West of Udmurtia. Its formation involved two groups of migrants: the followers of Bulda Cult from the East, culturally close to the Alnashi-Kiyasovo Udmurts, and the natives of Zavyatsky Udmurt lands, who had migrated from the West. The traditional culture of Grakhov-South Kizner subgroup gave rise to a quaint fusion of features, traditional for Alnashi-Kiyasovo and Zavyatskiy Udmurts. The subgroup has unique features of traditional costumes and women's jewelry. It is characterized by its own specific objects of folk art, and those of the decoration of head towels, carpets and spinning wheels. Having studied the ethnographic material of the sub-group, the dialectologists identified specific Grakhov and Kizner-Mozhginsky subdialects of the southern Udmurt dialect. Dialectological materials confirm the data of the ethnological research.

Keywords: Grakhov-Southern-kizner Udmurts; southern Udmurts; followers of Bulda cult; sling; traditional Udmurt weaving.

References

1. Atamanov M. G. *Ot Dondykara do Ursyгурта. Iz istorii udmurtskih regionov* [From Dondykar to Ursyгурt. From the history of Udmurt regions]. Izhevsk, Udmurtiya, 2005. 215 p. (In Russ.).
2. Blinov N. *Yazycheskij kult votyakov* [Votyaks' pagan cult]. Vyatka, 1898. 104 p. (In Russ.).
3. Nasibullin R. Sh., Maksimov S. A., Semionov V. G., Otstavnova G. V. *Dialektologicheskij atlas udmurtskogo iazyka* [Dialect atlas of the Udmurt language], iss. 1. Izhevsk, NIS "Reguliarnaia i haoticheskaya dinamika" Publ., 2009. 259 p. (In Russ.).

УДК 39(=512.153/154)
ББК 63.5 (2 Рос)

Ш. Н. Исянгулов

БАШКИРО-КЫРГЫЗСКИЕ ЭТНОГЕНЕТИЧЕСКИЕ СВЯЗИ

Рассматривается проблема выявления башкиро-кыргызских этногенетических взаимосвязей в период средневековья. Об общих корнях отдельных башкирских племен и древних кыргызов свидетельствуют древнетюркские и башкирские генеалогические легенды. По китайским источникам, один из братьев превратился в лебедя, другого звали Цигу, третьего – Тюрк. По мнению исследователей, первый из братьев – предок лебединцев, второй – древних кыргызов, а третий – древних тюрков. Близкие к этим легенды сохранились у башкир племени Юрматы. По башкирской легенде, сын Юрми-хана женился на лебеди, также у него было четверо сыновей. Новый этап башкиро-кыргызского взаимодействия относится к периоду экспансии Кыргызского каганата во второй половине IX – начале X вв. Об этих событиях писал персидский автор Гардизи. Упоминание Караханидских правителей в шежере башкир-табынцев, существование в XVII в. на Енисее Табынской земли – свидетельствуют о кыргызских корнях племени Табын в составе башкир.

Ключевые слова: башкиры; кыргызы; древние тюрки; этнические связи; легенда; племя; шежере.

Древнетюркские генеалогические легенды, зафиксированные в китайских источниках, в сопоставлении с другими источниками позволяют вести речь о башкиро-кыргызских этногенетических взаимосвязях. По одной из таких легенд, предки древних тюрков-тукюе происходили из владетельного дома Со, обитавшего на севере от хуннов. Вождь рода Апанбу имел 70 (или 17) братьев. У одного из них – Ичжинишиду – было четыре сына. Первый из них превратился в лебедя, второй царствовал между реками Афу и Гянь под именем Цигу, третий правил при реке Чуси, четвертый – Надулу-шад принял имя Тукюе (Турк). Десять сыновей Надулу-шада «прозывались по дому матерей»¹. Еще Н. А. Аристов предположил, что древние тюрки-тукюе после переселения в Алтай разделились на четыре части. Сюжет с превращением в лебедя он сопоставил с этническим названием куу-кижи (лебединцы-челканцы, входящие ныне в состав северных алтайцев) и писал, что старший сын Ичжинишиду был родоначальником племени куу (лебедей). Цигу (или Ки-ко), по его мнению, китайская транскрипция имени кыргыз (в китайском языке буква р отсутствует). Таким образом, родоначальники племен Куу (лебедь), Кыргыз (Цигу) и Тукюе (Турк) оказывались родными братьями². Точка зрения Н. А. Аристовой получила признание и принята с некоторыми уточнениями многими исследователями.

У башкир племени Юрматы сохранилась легенда: «Однажды на охоте единственный сын Юрми-хана хотел подстрелить лебедя, но тот обернулся прекрасной девушкой. Юноша женился на ней, и их потомки образовали племя Юрматы»³. Имеются и другие варианты данной легенды. По записям Р. Г. Кузеева, Юрмый был ханом юрматынцев и имел четырех сыновей: «У Юрмый-хана был единственный сын. Сын имел олатая (деда). Сын остался ханом. Он был очень молчалив. Олатая (дед) посылает их на работу, надеясь, что там он заговорит. Там один гусь загоготал. Сын Юрмыя убил его. И он сказал: “Если ты молчишь, то жив будешь, если заговоришь, то умрешь”. От него пошел род Юрматы»⁴. В одном из шежере юрматынцев некто Аккош (лебедь) является внуком Юрматы-бия, сыном Аккучкара (буквально – белого барана)⁵. Все это говорит в пользу того, что башкиры-юрматынцы и юрмийцы являлись потомками древнетюркского племени куу (лебедь).

И китайский источник, и башкирская легенда свидетельствуют о существовании счета родства (и, скорее всего, традиции передачи этнонима) по материнской линии. Некоторые матриархальные пережитки у башкир племени Юрматы сохранились вплоть до XVIII–XIX вв.⁶

¹ Бичурин Н. Я. (Иакинф). Собрание сведений... С. 221–222.

² Аристов Н. А. Заметки об этническом составе... С. 278–280.

³ Башкирское народное творчество. Т. 2. Предания и легенды... С. 117.

⁴ Научный архив Уфимского научного центра Российской академии наук (НА УНЦ РАН). Ф. 116. Оп. 1. Д. 63. Л. 185, 188.

⁵ Башкирские шежере... С. 40, 47; Башкирские родословные... С. 50.

⁶ Башкирские шежере... С. 184.

«Молчаливость» Юрмый-хана, скорее всего, также объясняется отображением в легенде пережитков древнетюркских традиций. Возможно, тюркские каганы как сакральные правители и отличались «молчаливостью». Об этом можно догадываться, изучая китайские источники. «Молчаливость» верховных правителей древних тюрков была обусловлена затворническим характером их жизни. О редком появлении, в частности, хазарских, тогузгузских и кимакских каганов перед вельможами и народом писали арабо-персидские авторы.

Удивительная схожесть в обеих легендах (число сыновей, превращение в лебедя или женитьба на лебедь, матрилинейность рода, «молчаливость» хана) позволяет утверждать о древнетюркских корнях башкирских племен Юрматы и Юрми. Вообще, древнее племя куу (лебедей), скорее всего, является одним из самых древних этнических пластов в истории башкирского народа. Возможно, данный этнический массив появился на Южном Урале в ходе экспансии Первого Тюркского каганата во второй половине VI в. К древнетюркским словам «куу», «кува», «кугу», «куб» (лебедь), возможно, также восходят башкирские этнонимы «кувакан», «кудей», «кубалак», «кубау»¹. Таким образом, древнетюркские и башкирские генеалогические легенды свидетельствуют, что существовала общая субстратная основа раннекыргызской и раннебашкирской (как и раннетюркской) культур, хронологически относящаяся к периоду до середины VI в.

В китайских источниках кыргызы были известны под следующими названиями: гэгунь, гяньгунь, кигу, цигу, гегу, хэгусы, хягас с III в. до н. э.² В 201 г. до н. э. гяньгуней покорил хуннский шаньюй Модэ. Кыргызы, продвинувшись на север, смешались здесь с динлинами и обосновались в Минусинской котловине. В 554 г. государство Цигу было завоевано древними тюрками. После падения каганата кыргызы были разбиты уйгурами. Древним кыргызам были подчинены так называемые «лыжные тукое», одним из племен которого было «дубо»³. Возможно, башкирский этноним «табын» восходит к этому племени. Ведь еще в начале XVII в. на левом берегу Енисея в предгорьях Саянского хребта между Тубинской землей и киргизами, то есть хакасами,

находилась отдельная Табынская земля⁴. Данный факт свидетельствует, с одной стороны, об этнических связях табынцев с тубо (дубо), с другой стороны, с кыргызами (хакасами). Но полностью отождествлять табынцев с теми и другими также не следует. Скорее всего, табынцы входили в сферу влияния хакасов.

Кыргызы в 840 г. разгромили Уйгурский каганат, после чего часть уйгуров ушла в Восточный Туркестан, где стала известна под именем тугузгузов. Уже в 841–842 гг. кыргызские войска, преследуя уйгуров, захватили часть Джунгарии, ворвались в Восточный Туркестан, а в марте 843 г. взяли города Бейтин (Бешбалык), Аньси (Куча) и дошли вплоть до Кашгара. Экспансия кыргызов в Восточный Туркестан была относительно кратковременной, и к началу X в. кыргызы вернулись на прежнюю свою этническую территорию. Вполне возможно, что именно в этот период табынцы (дубо) в составе кыргызских войск появились в Семиречье и вошли в контакт с усуню-караханидскими этническими массивами. Дело в том, что в этногенетической истории башкир племени Табын прослеживается связь с древними усунями и Караханидами⁵.

Часть уйгуров бежала на запад. Преследуя их, кыргызы к середине IX в. вышли к Среднему Иртышу, постепенно приближаясь к Уралу, где столкнулись с землями древних башкир. В верховьях реки Урал и на Среднем Иртыше раскопаны курганы древнехакасской (древнекыргызской), так называемой тюхтятской, культуры IX–X вв. В частности, памятники, раскопанные на территории Челябинской области, состоят из могил, обложенных вокруг камнями. Они содержат остатки захоронений в виде трупосожжения и сопоставляются с памятниками тюхтятской культуры, принадлежавшей кыргызам⁶. О проникновении кыргызов в Западную Сибирь вплоть до Урала, об их взаимосвязях с кимакскими племенами написано достаточно много. Скорее всего, в IX–X вв. во время кратковременных походов кыргызов этноним (политоним) «кыргыз» получил широкое распространение в Центральной Азии. Л. Р. Кызласов, ссылаясь на работу Р. Г. Кузеева, полагал,

¹ Кузеев Р. Г. Происхождение башкирского народа... С. 256; Хисамитдинова Ф. Г. Словарь башкирской мифологии... С. 52.

² Яхонтов С. Е. Древнейшие упоминания названия «киргиз»... С. 110–120.

³ Бичурин Н. Я. (Иакинф). Собрание сведений о народах, обитавших в Средней Азии в древние времена... С. 354.

⁴ Потапов Л. П. Происхождение и формирование хакасской народности... С. 98, 107; Вайнштейн, С. И., Долгих, Б. О. К этнической истории хакасов... С. 93–97; Позднее табанцы (или табынцы) вошли в состав хакасов. Ныне составляют сеок табан бельтиров в составе хакасов. См.: Тюркские народы Сибири... С. 547.

⁵ Кузеев Р. Г. Происхождение башкирского народа... С. 246–252.

⁶ Мажитов Н. А., Султанова, А. Н. История Башкортостана. Древность. Средневековье... С. 228.

что проникновение в Башкирию таких родо-племенных групп, как кахас, киргиз, ун, сарыг, ас, а также табын, относится к IX–X вв. и связано с экспансией хакасов (кыргызов) в западном направлении¹. Как известно, в некоторых деревнях современного Гафурийского района Республики Башкортостан, населенных башкирами рода кесетабын, имеется подразделение «кахас», что следует связывать с хакасами². Несомненным является одно: часть так называемых западных табынцев появилась в Башкирии задолго до начала XIII в.³

О встрече башкир с древними кыргызами оставил важное сообщение персидский автор XI в. Абу Саид Абд ал-Хай бен аз-Заххак бен Махмуд Гардизи: «Причина объединения киргизов под властью своего начальника была следующая. Он происходил из славян и был одним из славянских вельмож; когда он жил в стране славян, туда прибыл посол из Рума; этот человек убил того посла... [Итак], тот начальник в споре убил посла и по необходимости должен был покинуть страну славян. Он ушел оттуда и пришел к хазарам; хазарский хакан хорошо обращался с ним до своей смерти. Когда на престол сел другой хакан, он обнаружил нерасположение к пришельцу; тот был вынужден удалиться, ушел и пришел к Башджурту. Этот Башджурт был одним из хазарских вельмож и жил между владениями хазаров и кимаков с 2000 всадников. Хазарский хан отправил к Башджурту человека, требуя, чтобы он прогнал славянина; тот поговорил об этом со славянином; славянин отправился во владения <...>, с которыми он находился в родстве. По дороге он прибыл в одно место между владениями кимаков и тугузгузов; хан тугузгузов поссорился со своим племенем и рассердился на них; [многих из] них убили; [остальные] рассеялись и по одному или по два стали приходиться к славянину. Он всех принимал и оказывал им добро, так что их набралось много. Он послал человека к Башджурту, заключил с ним дружбу и этим усилился; после этого он произвел нападение на гузов, многих из них убил, многих взял в плен и собрал много денег, частью благодаря грабежам, частью благодаря пленным, которых он всех продал в рабство. Тому племе-

ни, которое собралось около него, он дал имя киргиз»⁴. В рассказе о войнах между тугузгузами и киргизами победе последних дают достаточно ясные хронологические ориентиры. Эти события произошли в 820–840-х гг., а уйгуры, бежавшие в Восточный Туркестан, в арабо-персидских источниках стали известны под именем тугузгузов. Текст Гардизи свидетельствует, что, скорее всего, во второй половине IX в. башкиры заключили союз с древними кыргызами. Тем самым они оказывались врагами уйгуров, огузов, кимаков и кипчаков. Интересным является и правдивое отображение пути, ведущего из страны славян в землю хазар (Поволжье), оттуда – в Башджурт (то есть к башкирам в Южное Приуралье), затем к кимакам (Средний Иртыш), далее через Алтай на Енисей к кыргызам⁵.

Среди башкирских племен имеется и племя «киргиз». Р. Г. Кузеев полагал, что киргизы пришли в Башкирию в составе кыпчакской волны в XIII–XIV вв. По преданиям, древняя родина киргизов находилась далеко в «сибирской стороне». Р. Г. Кузеев предполагал, что башкирские киргизы являются потомками енисейских (древних) кыргызов⁶. В шежере башкир племени киргиз, опубликованном в 1913 г. в журнале «Шура» бугульминским учителем А. Халимовым, отмечалось, что «родоначальника киргизских башкир называли «Куркод-ата», (происходящего) из киргизского юрта из потомков Саида (из рода Магомета); (он жил) на Бухарской дороге, у моря Сыр»⁷. В связи с упоминанием в шежере Куркод-ата Р. Г. Кузеев и С. М. Абрамзон пришли к выводу о контакте племени киргиз с огузами⁸. Между тем Д. М. Исхаков выдвинул предположение, что вместо «Куркод» следует читать «Куркоз», то есть «Кыргыз». Он не исключал возможности миграции киргизов в Башкирию в домонгольский период. Им также было установлено, что башкирская Киргизская волость в XVIII в. состояла из тюб (подразделений): аю, байсары, чикир. Эти этнонимы известны среди тянь-шаньских киргизов племен адигине, солто, чегир⁹. Все это позволяет

⁴ Бартольд В. В. Сочинения... С. 46–47.

⁵ Кызласов Л. Р. История Южной Сибири в средние века... С. 120.

⁶ Кузеев Р. Г. Происхождение башкирского народа... С. 339–340.

⁷ Абрамзон С. М. Киргизы и их этногенетические и историко-культурные связи... С. 63.

⁸ Кузеев Р. Г. Происхождение башкирского народа... С. 340; Абрамзон, С. М. Киргизы и их этногенетические и историко-культурные связи... С. 63.

⁹ Исхаков Д. М. О ранних этапах этнической истории групп татар и башкир с локальным самоназванием «кыргыз» и «елан»... С. 520–521.

¹ Кызласов Л. Р. История Южной Сибири в средние века... С. 120.

² Камалов А. А., Камалова, Ф. У. Атайсал... С. 179.

³ В частности, существование в ряде деревень современного Гафурийского района Республики Башкортостан (населенных башкирами рода кальсир-табын) родовых подразделений под названием «уранкай» (См.: Камалов, А. А., Камалова, Ф. У. Атайсал... С. 180, 181), свидетельствует о появлении данных групп в составе кыпчаков и кыпчакизированных групп в первой половине XI в.

ставить вопрос о связи башкир племени Киргиз с тянь-шаньскими киргизами.

Между тем проблема этногенетической связи между енисейскими кыргызами и тянь-шаньскими киргизами до сих пор остается нерешенной. Однако несомненным является и то, что какие-то носители этнонима «кыргыз» появились на Тянь-Шане именно в период экспансии Кыргызского каганата в IX–X вв. В то же время, скорее всего, этническое ядро тянь-шаньских киргизов составляли потомки древних тюрок и племен теле, продвинувшихся к Саяно-Алтаю и попавших в IX–X вв. под влияние Кыргызского каганата¹. В период «кыргызского великодержавия» на западном Алтае и в Восточном Казахстане в результате смешения кыргызов, кимаков, уйгуров и других появились новые племена. Об одной из таких культур говорится в персидском сочинении конца X в. «Худуд ал-алам»: «Каркар(а)-хан – еще одна область, принадлежащая кимакам, и жители ее напоминают по [своим] обычаям хырхызов»². Исследователи обратили внимание на близость названия этой области Кимакского каганата к этнониму «киргиз»³. Можно предположить, что и башкирское племя Киргиз является одним из подобных образований, испытавших влияние Кыргызского каганата и перенявшего этноним.

Таким образом, древнетюркские генеалогические легенды в сопоставлении с башкирскими преданиями и легендами позволяют утверждать об общих этногенетических корнях башкир и кыргызов. Эта субстратная общность относится к периоду до VI в. Во время экспансии Кыргызского каганата на запад в IX–X вв. кыргызы вновь столкнулись с башкирами, о чем свидетельствует и персидский автор Гардизи.

Список литературы

1. Абрамзон, С. М. Киргизы и их этногенетические и историко-культурные связи / С. М. Абрамзон. – Л.: Наука, 1971. – 404 с.

2. Аристов, Н. А. Заметки об этническом составе тюркских племен и народностей / Н. А. Аристов // Живая старина. – 1896. – Вып. 3–4. – С. 277–456.

3. Бартольд, В. В. Сочинения / В. В. Бартольд. – М.: Наука, 1973. – Т. 8. – 724 с.

4. Башкирские родословные / Сост., предисл., поясн. к пер., пер. на рус. яз., послесл. и указ.

¹ Абрамзон С. М. Киргизы и их этногенетические и историко-культурные связи...

² Материалы по истории киргизов и Киргизии... С. 44.

³ Петров, К. И. Очерк происхождения киргизского народа... С. 49–50.

Р. М. Булгакова, М. Х. Надергулова. – Уфа: Китап, 2002. – 480 с.

5. Башкирские шежере / Сост., пер. текстов, введ. и коммент. Р. Г. Кузеева. – Уфа, 1960. – 304 с.

6. Башкирское народное творчество. Предания и легенды. – Уфа, 1987. – Т. 2. – 576 с.

7. Бичурин, Н. Я. (Иакинф). Собрание сведений о народах, обитавших в Средней Азии в древние времена / Н. Я. Бичурин. – М.; Л.: АН СССР, 1950. – Т. 1. – 383 с.

8. Вайнштейн, С. И. К этнической истории хакасов (Бельтирский шаманский бубен с изображением домашних оленей) / С. И. Вайнштейн, Б. О. Долгих // Совет. этнография. – 1963. – № 2. – С. 63–67.

9. Исхаков, Д. М. О ранних этапах этнической истории групп татар и башкир с локальным самоназванием «кыргыз» и «елан» / Д. М. Исхаков // Тюркология-88: тез. докл. и сообщений V Всесоюз. тюркологич. конф. – Фрунзе: Илим, 1988. – С. 520–522.

10. Камалов, А. А. Атайсал / А. А. Камалов, Ф. У. Камалова. – Уфа: Китап, 2001. – 544 с.

11. Кузеев, Р. Г. Происхождение башкирского народа. Этнический состав, история расселения / Р. Г. Кузеев. – Уфа: ДизайнПолиграфСервис, 2010. – 560 с.

12. Кызласов, Л. Р. История Южной Сибири в средние века / Л. Р. Кызласов. – М.: Высш. шк., 1984. – 167 с.

13. Мажитов, Н. А. История Башкортостана. Древность. Средневековье / Н. А. Мажитов, А. Н. Султанова. – Уфа: Китап, 2009. – 496 с.

14. Материалы по истории киргизов и Киргизии. – М.: Наука, 1973. – Вып. 1. – 280 с.

15. Научный архив Уфимского научного центра Российской академии наук (НА УНЦ РАН). Ф. 116. Оп. 1. Д. 63. Л. 185, 188.

16. Петров, К. И. Очерк происхождения киргизского народа / К. И. Петров. – Фрунзе: Илим, 1963. – 148 с.

17. Потапов, Л. П. Происхождение и формирование хакасской народности / Л. П. Потапов. – Абакан, 1957. – 308 с.

18. Тюркские народы Сибири. – М.: Наука, 2006. – 678 с.

19. Хисамитдинова, Ф. Г. Словарь башкирской мифологии / Ф. Г. Хисамитдинова. – Уфа: ИИЯЛ УНЦ РАН, 2011. – 420 с.

20. Яхонтов, С. Е. Древнейшие упоминания названия «киргиз» / С. Е. Яхонтов // Совет. этнография. – 1970. – № 2. – С. 110–120.

Сведения об авторе

Исянгулов Шамиль Наилевич – кандидат исторических наук, старший научный сотрудник Института истории, языка и литературы Уфимского научного центра РАН.
isangul-schamil@rambler.ru

*Bulletin of Chelyabinsk State University. 2015. № 16 (371).
History. Issue 65. P. 26–31.*

BASHKIR-KYRGYZ ETHNO-GENETIC CONNECTIONS

Sh. N. Isyangulov

Candidate of Historical Sciences, Senior Fellow Researcher of the Institute of History, Language and Literature, Ufa Science Centre of the Russian Academy of Sciences. isangul-schamil@rambler.ru

The article is devoted to the problem of identifying Bashkir-Kyrgyz ethno-genetic relationships. The common roots of certain Bashkir tribes and ancient Kyrgyz clans are seen in Old Turkic and Bashkir genealogical legends. According to Chinese sources, one of the brothers turned into a swan, one was named Zigo, the third was called Turk. According to researchers, the first of the brothers is the ancestor of the Lebed tribe, the second is that of ancient Kyrgyzs and the third is that of ancient Turks. Similar legends have been preserved in the Bashkir tribe of Urmati. The Bashkir legend says that the son of Urmi Khan married a swan, he also had four sons. A new stage of Bashkir-Kyrgyz interaction started in the period of expansion of the Kyrgyz Khaganate in the second half of IX – early X century – those events were written about by the Persian author Gardizi. The mention of the Qarakhanid rulers in the genealogy of Tabyn Bashkirs and the existence of Tabyn land on the Yenisei in XVII century indicate the Kyrgyz roots of the Tabyn tribe in the composition of the Bashkirs.

Keywords: *the Bashkirs, the Kyrgyz, ancient Turks, ethnic ties, legend, tribe, genealogy.*

References

1. Abramzon S.M. *Kirgizy i ih etnogeneticheskie i istoriko-kulturnye svyazi* [The Kirgiz and their ethno-genetic and historical-cultural ties]. Leningrad, Nauka, 1971. 404 p. (In Russ.).
2. Aristov N.A. *Zametki ob etnicheskom sostave tyurkskikh plemen i narodnostey* [Notes on the Ethnic Composition of Turkic Tribes and Ethnic Groups]. *Zhivaya starina* [Live antiquity], 1896, iss. 3–4, pp. 277–456. (In Russ.).
3. Bartol'd V.V. *Sochineniya* [Works]. Moscow, Nauka Publ., 1973. 724 p. (In Russ.).
4. *Bashkirskie rodoslovnye* [Bashkir Genealogies]. Ufa, Kitap Publ., 2002. 480 p. (In Russ.).
5. *Bashkirskie shezhere* [Bashkir Genealogies]. Ufa, 1960. 304 p. (In Russ.).
6. *Bashkirskoe narodnoe tvorchestvo. Predaniya i legendy* [Bashkir Folklor, Legends]. Ufa, 1987. 576 p. (In Russ.).
7. Bichurin N.Ya. (Iakinf) *Sobranie svedeniy o narodakh, obitavshikh v Sredney Azii v drevnie vremena* [The Collection of Data on Peoples Inhabiting Central Asia in Ancient Times]. Moscow; Leningrad, the Academy of Sciences of the USSR Publ., 1950. 383 p. (In Russ.).
8. Vajnshtejn S.I., Dolgih B.O. *K etnicheskoj istorii hakasov (Bel'tirskij shamanskij buben s izobrazheniem domachnih oleney)* [Concerning ethnic history of Khakasses (The Beltir shamanic drum with the image of domestic reindeer)]. *Sovetskaya etnografiya* [Soviet ethnography], 1963, no. 2, pp. 63–67. (In Russ.).
9. Ishakov D.M. *O rannih etapah etnicheskoj istorii grupp tatar i bashkir s lokal'nym samonazvaniem «kyrgyz» i «elan»* [About the early ethnic history of groups of Tatars and Bashkirs with the local ethnonym Kyrgyz and Elan]. *Tjurkologiya–88. Tezisy dokladov i soobshhenij V Vsesojuznoj tjurkologicheskoy konferencii* [Turkology-88. Theses of reports and messages of the V all-Union Turkological conference]. Frunze, Ilim Publ., 1988. Pp. 520–522. (In Russ.).
10. Kamalov A.A., Kamalova, F.U. *Atajsaj* [Atajsaj]. Ufa, Kitap Publ., 2001. 544 p. (In Russ.).
11. Kuzeev R.G. *Proiskhozhdenie bashkirskogo naroda. Etnicheskij sostav, istoriya rasseleniya* [The Ethnic Origin of the Bashkirs. Ethnic Composition and History of Settling]. Ufa, DizaynPoligrafServis Publ., 2010. 560 p. (In Russ.).

12. Kyzlasov L.R. *Istoriya Juzhnoj Sibiri v srednie veka* [The History of southern Siberia in the Middle ages]. Moscow, Vysshaya shkola Publ., 1984. 167 p. (In Russ.).
13. Mazhitov N.A., Sultanova A.N. *Istoriya Bashkortostana. Drevnost'. Srednevekov'e* [The History of Bashkortostan. The Antiquity. The middle ages]. Ufa, Kitap, 2009. 496 p. (In Russ.).
14. *Materialy po istorii kirgizov i Kirgizii* [Materials on the history of the Kyrgyz and Kyrgyzstan], iss. 1. Moscow, Nauka, 1973. 280 p. (In Russ.).
15. *Nauchnyj arkhiv Ufimskogo nauchnogo centra Rossijskoj akademii nauk* [Archives of Ufa Science Centre, the RAS]. The Number of the Collections 116. The Bordereau within the Collections 1. The Individual File 63. The Document Page 185, 188. (In Russ.).
16. Petrov K.I. *Ocherk proishozhdeniya kirgizskogo naroda* [Essay on the origin of the Kyrgyz people]. Frunze, Ilim Publ., 1963. 148 p. (In Russ.).
17. Potapov L.P. *Proiskhozhdenie i formirovanie khakasskoj narodnosti* [The origin and formation of the Khakass nation]. Abakan, 1957. 308 p. (In Russ.).
18. *Tjurkskie narody Sibiri* [The Turkic peoples of Siberia]. Moscow, Nauka Publ., 2006. 678 p. (In Russ.).
19. Khisamitdinova F.G. *Slovar' bashkirskoj mifologii* [A Dictionary of Bashkir Mythology]. Ufa, 2011. 420 p. (In Russ.).
20. Yahontov S.E. Drevnejshie upominaniya nazvaniya «kirgiz» [The oldest mention of the name “Kyrgyz”]. *Sovetskaya etnografiya* [Soviet ethnography], 1970, no. 2, pp. 110–120. (In Russ.).

История России и ее регионов

УДК 930; 316.6
ББК 63.3 – 284.2

М. Ф. Ершов

ВДАЛИ ОТ ДОМА: СОЦИАЛИЗАЦИЯ ПОДРОСТКОВ В ГОРОДАХ ЗАУРАЛЬЯ СЕРЕДИНЫ XIX – НАЧАЛА XX ВЕКА

В дореволюционной России подросток вне семьи не был исключительным явлением. В ряде случаев подростки были вынуждены жить без родителей при получении образования или работая по найму. Это вело к тому, что они отличались высокой долей ответственности, положительной мотивацией к труду, стремлением к грамотности и приобщению к европейским культурным стандартам. Для подростков были характерны как разрыв с нормами предыдущего поколения, так и традиционная ориентация на внеличностные ценности. Начало самостоятельного существования для них обычно было связано с дорогой к новому месту жительства. Данные типичные психологические черты оказали заметное влияние на последующее историческое развитие России. В качестве источников о жизни мальчиков-подростков использованы мемуары о детстве и автобиографическая проза писателей.

Ключевые слова: менталитет; мир детства; общественная психология; повседневность; провинция.

Одним из последствий Великих реформ стал быстрый рост численности населения России. Тот демографический переход, которой во второй половине XIX – начала XX в. переживала наша страна, привел к временному увеличению доли несовершеннолетних в общей структуре населения¹. Специалисты по исторической демографии фиксируют абсолютные показатели, но пока еще в незначительной мере учитывают культурное «наполнение» мира детства этого периода. Между тем именно поколениям демографического перехода и предстояло создавать новую Россию: Россию без крепостного права, без разделения на сословия, а потом и без самодержавия и капиталистических отношений.

Их социализация, которая проходила в это динамичное время, опосредованно повлияла на дальнейший ход исторического развития нашего Отечества. Нет особой необходимости доказывать, что молодое поколение лучше восприимчиво ко всему новому. Однако для такого восприятия в дореволюционной России в большинстве случаев требовалось пространственное соприкосновение с носителями нового. Мир традиционной культуры, как известно, был предрасположен к стабильности, столичный мир, напротив, ориентировался на динамику. Свообразным культурным посредником между ними выступала провинция.

Роль такого посредника возрастала на периферийных и малоосвоенных землях. К их числу от-

носилась территория Зауралья. Цель настоящей публикации состоит в предварительном выявлении тех значимых ценностей, коими постепенно стали руководствоваться лица подросткового возраста, оказавшиеся в городах Зауралья вне родительского дома. Базу источников составили опубликованные и архивные мемуары, связанные с историей дореволюционного Зауралья. Они дают нам возможность увидеть детское восприятие не только привычных семейно-бытовых отношений, но и большого мира непростой социальной действительности.

Открытие этого мира начиналось обычно с путешествия. Подросток, как правило, мальчик вынужденно отправлялся куда-либо из родного дома. Это могла быть дорога к месту учебы или даже к месту работы. Достаточно часто родители, занятые работой или службой, не имели возможности сопровождать своего ребенка. Они могли отправить подростка в самостоятельное путешествие, передоверив минимальный контроль за ним своим знакомым (обычно крестьянам), занятым извозом, или даже посторонним лицам.

Свои впечатления о путешествиях оставили многие авторы мемуаров. Яркие эмоции от дороги сохранились в памяти будущего архимандрита Антонина (Капустина). Окончив Долматовское духовное училище в 1830 г., он ехал поступать в Пермскую семинарию. Когда после нескольких дней пути мальчик увидел, как «вдруг при повороте дороги открылся в голубой синеве белокаменный Екатеринбург», то у него «как будто сле-

¹ Миронов Б. Н. Социальная история России периода империи (XVIII – начало XX вв.). Т. 1. С. 191–193.

зы подступили к груди». Великолепный город на фоне синееющего Уральского хребта привел юного путешественника в «восхищение и страх». Из семинарии ему для встречи с родителями приходилось ездить по маршруту Пермь – Екатеринбург – Далматов – Шадринск – Батурино, а после окончания каникул снова возвращаться на место учебы¹.

Образ Екатеринбурга и дороги к нему также присутствует в автобиографических текстах Д. Н. Мамина-Сибиряка и П. П. Бажова. Первый из них оставил детальные описания жестоких бурсацких нравов в Екатеринбурге и своих детских путешествий на попутных подводах². В 1889 г. в десятилетнем возрасте отправился на учебу в Екатеринбургское духовное училище П. П. Бажов. Будущему автору «Малахитовой шкатулки» повезло. От Сысертского завода до Екатеринбурга его сопровождали мать и отец. Однако затем главному герою его автобиографической повести «Далекое – близкое» осваиваться в горном Екатеринбурге также пришлось самостоятельно³. После нескольких лет обучения этим двум будущим уральским писателям еще предстояло обучение в Пермской семинарии, сопровождаемое неизбежными длительными переездами.

Естественно, что все эти переезды, нахождение в малознакомом поселении были невозможны без помощи со стороны других людей. В силу необходимости подросток рано начинал поиск межличностных контактов, облегчавших ему жизнь. Родственные, конфессиональные, земляческие связи оказывались для социализирующейся личности максимально значимыми. В автобиографическом произведении П. П. Инфантьева «Возвращение со святок (Рассказ из школьных воспоминаний)» описано путешествие гимназистов зимой в канун Крещения. Чтобы успеть к началу занятий, им надо было проехать из Зауралья на санях до города Троицка 240 верст. Старшим в этой компании стал пятнадцатилетний подросток. В дороге он заботился об остальных детях: девочках Мане, Анюте, Наде и младшем брате Саше. Всем его подопечным было по 10–11 лет⁴.

Вышеописанное путешествие не есть досужие домыслы провинциального литератора. Более того, рассказ П. П. Инфантьева является хорошей иллюстрацией неписаных правил коллективных поездок учащихся того времени. В таких путешествиях самого старшего называли «подряд-

чиком». Остальные члены группы сдавали подрядчику деньги за дорогу, а он, в свою очередь, расплачивался с ямщиками, организовывал на «станках» (остановках) обед, чай и ночлег, следил за поклажей. В воспоминаниях М. В. Андреева, хранящихся в фондах Тобольского историко-архитектурного музея-заповедника, присутствует описание такой поездки на каникулы семинаристов и епархиалок домой в Курганский округ. Безопасность учащихся подростков отчасти обеспечивалось тем, что они ехали «по веревочке». Крестьяне, занятые извозом, передавали своих пассажиров на «станках» только своим хорошо знакомым сменщикам⁵. Нетрудно заметить, что организация поездок детей в точности копировала те отношения, которые существовали в дороге и у взрослого населения⁶.

Иерархические отношения «старшие-младшие» существовали не только во время поездок. Со стороны старших у учащихся были распространены, с одной стороны, обычаи защиты и покровительства, а с другой – произвол по отношению к младшим. Отношение к ябедкам в учащейся среде было крайне негативным, вплоть до физической расправы. Несомненно, что истоки такого поведения лежат в толще традиционной культуры. Её разрушение содействовало развитию духа свободомыслия и индивидуальных способностей у учащихся.

Очень хорошо раскрепощение сознания описано в мемуарах выходца из крестьян Н. М. Чукмалдина (1836–1901 г.). Для того чтобы помочь неграмотному отцу, избранному сельским старшиной, собирать подати, 11-летний Микола научился считать на счетах. Вместе с отцом он отправлялся в Тюмень сдавать деньги в окружное казначейство. Мальчика поразили размеры города: «Уж такой-то он большой, что страсть! Идешь, идешь по улицам – и конца не видно. А какие дома большие да высокие!» В 15 лет Николай Чукмалдин поступил в приказчики к тюменскому купцу Решетникову, где и началось приобщение талантливого подростка к образованию, общественной деятельности и городской культуре⁷.

Подросток, уехавший на заработки в город, получал по деревенским меркам неплохие деньги и имел шанс «выбиться в люди». Однако в самом городе он, как правило, сохранял низкий социальный статус. Приведем один из примеров. В 1912 г. на заработки в Шадринск перебрался И. В. Шавкунов. Шел ему в ту пору двенадцатый

¹ Российский государственный архив древних актов (РГАДА). Ф. 834. Оп. 4. Д. 1118. Л. 18–24.

² Мамин-Сибиряк Д. Н. Рассказы, Легенды. Из далекого прошлого. Воспоминания... С. 365–458.

³ Бажов П. П. Соч. в 3 т... Т. 3. С. 438.

⁴ Инфантьев П. П. Сибирские рассказы... С. 121–147.

⁵ Тобольский историко-архитектурный музей-заповедник (ТИАМЗ). КП. 12222. Л. 1–4.

⁶ Ершов М. Ф. Очерки провинциального мира Зауралья... С. 17–43.

⁷ Чукмалдин Н. М. Мои воспоминания... С. 34, 70–89.

год. Вначале на фабрике Бутакова Ваня Шавкунов получал 6 рублей, половину из них он тратил на квартиру и харчи, половина оставалась на одежду и карманные расходы. Затем мальчик устроился конюхом-дворником к купцу М. Ф. Зарубину, как и ранее получая 6 рублей в месяц, но еда и жилье были уже хозяйские. Через год И. Шавкунов оказался в самых благоприятных условиях, став кучером у городского головы: отдельная комната, форменная одежда, щедрые чаевые от седока, которых с избытком хватало для жизни; жалование же в сумме 12 рублей в месяц высылалось отцу в деревню¹.

Городские реалии, которые тешили самолюбие мальчика, могли крайне болезненно восприниматься другими выходцами из села. Разлука с семьей, заработки, которые меньше, чем у коренных горожан, необходимость денежных трат, которые отсутствовали в деревне, низкий социальный статус и неизбежные жилищные проблемы порождали множество негативных эмоций. При этом чувство отчужденности развивалось у новоприбывшего параллельно с возрастанием чувства собственной значимости. Впрочем, подобная расщепленность сознания была характерна не только для сельских подростков, перебравшихся в город. Развитие капиталистических отношений, рост имущественной и социальной дифференциации означали эрозию прежнего упорядоченного традиционного мира.

Емкую характеристику такого распада дал в свое время И. Гурвич: «Пока занятия всех членов семьи были одинаковы, до тех пор узы кооперации тесно связывали их в одно целое. Доходы семьи, являющиеся плодом коллективного труда её членов, составляли поэтому коллективную семейную собственность. Власть «большака» основывалась на его большой опытности и на его административных способностях. Когда изменившиеся условия жизни заставили семью обращаться для получения доходов к самым разнообразным источникам, старый семейный строй был потрясен до основания. Плотник, работавший целое лето в каком-нибудь отдаленном городе, не являлся уже активным членом семейной кооперации. С другой стороны, доход плотника был больше дохода его старшего брата, который по-прежнему продолжал наниматься на сельскохозяйственные работы в соседних местностях; благодаря этому дух индивидуализма восстал против прежнего порядка»².

¹ Борисов С. Б. Шадринск XVIII–XIX вв. ... С. 22–23.

² Цит. по: Зотова О. Н., Новиков В. В., Шорохова Е. Б. Особенности психологии крестьянства... С. 46, 145.

В воспоминаниях П. П. Бажова есть характерный эпизод. Мальчик при въезде в Екатеринбург видит красиво одетых щегольских ездоков, управляющих пролетками, покрытыми лаком. Однако оказывается, что «все эти замечательные запряжки – просто извозчики, которых может нанять каждый. И среди них есть совсем бедные люди, на которых всё хозяйское. Разберись тут!»³. Стремление к осознанию новых реалий у пытливой личности могло порождать тягу к образованию, охоту к перемене жительства, вплоть до бродяжничества.

Так, например, Вс. Иванов, будущий известный советский писатель, в подростковом и юношеском возрасте сменил много профессий и мест жительства. Работая в типографии г. Кургана, он уже успел вкусить яд тщеславия от своей первой публикации и даже получил письмо от А. М. Горького. По этому случаю работники типографии «решили выпить и чтоб – вдрызг!». Для начала были пропиты голенища сапог начинающего литератора. Ценность воспоминаний Вс. Иванова заключается в выявлении неоднозначности провинциальных процессов. С одной стороны – типография, в которой «зверски» пили, а с другой – в быстрорастущем Кургане была достаточно насыщенная культурная жизнь⁴.

Наличие культурных противоречий, особенно сильных в провинции, создавало своеобразное поле напряжения, в котором у подростков формировались личная ответственность, высокая мотивация к труду, стремление к получению грамотности и приобщению к европейским культурным стандартам. Для них также были характерны как разрыв с нормами предыдущего поколения, так и ориентация на внеличные ценности. В условиях нарастания кризиса традиционной культуры высвобождение социальной энергии шло по различным направлениям. Подростки, которые сумели достаточно рано привыкнуть к относительно самостоятельному существованию, по мере взросления начинали реализовывать различные жизненные сценарии. Их диапазон был достаточно широк: от обыденного существования до рискованного предпринимательства, творческого самовыражения или радикального переустройства общества.

Список литературы

1. Бажов, П. П. Дальнее – близкое: повести, очерки, статьи, выступления / П. П. Бажов. – Свердловск, 1989. – 384 с.

³ Бажов П. П. Указ. соч. ... С. 138.

⁴ Иванов Вс. Собр. соч. в 8 т. Т. 8. С. 196, 274–277.

2. Борисов, С. Б. Шадринск XVIII–XIX вв.: очерки истории повседневности / С. Б. Борисов. – Шадринск: Исеть, 2004. – 112 с.
3. Ершов, М. Ф. Очерки провинциального мира Зауралья: города и люди конца XVIII – начала XX вв. / М. Ф. Ершов. – Ханты-Мансийск: Информ.-издат. центр, 2010. – 299 с.
4. Зотова, О. Н. Особенности психологии крестьянства (прошлое и настоящее) / О. Н. Зотова, В. В. Новиков, Е. Б. Шорохова. – М.: Наука, 1983. – 168 с.
5. Иванов, Вс. Собрание сочинений : в 8 т. / Вс. Иванов. – М.: Худ. лит, 1978. – Т. 8. – 784 с.
6. Инфантьев, П. П. Сибирские рассказы / П. П. Инфантьев. – М.: Юная Россия, 1909. – 160 с.
7. Мамин-Сибиряк, Д. Н. Рассказы, Легенды. Из далекого прошлого. Воспоминания / Д. Н. Мамин-Сибиряк. – М.: Правда, 1987. – 464 с.
8. Миронов, Б. Н. Социальная история России периода империи (XVIII – начало XX в.) / Б. Н. Миронов. – М.: Дмитрий Буланин, 1999. – Т. 1. – 548 с.
9. Чукмалдин, Н. М. Мои воспоминания: Избранные произведения / Н. М. Чукмалдин. – Тюмень: Софт-Дизайн, 1997. – 368 с.

Сведения об авторе

Ершов Михаил Федорович – кандидат исторических наук, доцент, заведующий научно-исследовательским отделом истории, археологии и этнологии БУ ХМАО – Югры «Обско-угорский институт прикладных исследований и разработок» (Ханты-Мансийск).

*Bulletin of Chelyabinsk State University. 2015. № 16 (371).
History. Issue 65. P. 32–36.*

AWAY FROM HOME: SOCIALIZATION OF TEENAGERS IN TRANSURALS TOWNS IN THE MID XIX – EARLY XX CENTURY

M. F. Ershov

Candidate of Historical Sciences, Associate Professor, Head of History, Ethnology and Archeology Department in Ob-Ugrian Institute of Applied Research and Development

In pre-revolutionary Russia the teenager out of the family wasn't something extraordinary. In some cases teenagers were compelled to live without parents while getting education or working for hire. It resulted in the teenagers' higher responsibility, positive motivation to work, aspiration to literacy and attachment to the European cultural standards. It was also typical of the teenagers to break up with the rules of the previous generation and to have a traditional inclination to the extra-personal values. The beginning of their independent existence was usually connected with the road to a new place of residence. These typical psychological traits had a profound influence on the subsequent historical development of Russia. The sources about the teenagers' lives are memoirs about childhood, and some authors' autobiographies.

Keywords: *mentality, world of childhood, social psychology, daily occurrence, province.*

References

1. Bazhov P.P. *Dal'nee – blizkoe: Povesti, ocherki, stat'i, vystuplenija* [Near and Far: tales, sketches, articles, performances]. Sverdlovsk, 1989. 384 p. (In Russ.).
2. Borisov S.B. *Shadrinsk XVIII–XIX vv.: Ocherki istorii povsednevnosti* [Sketches of history of daily life]. Shadrinsk, Iset Publ., 2004. 112 p. (In Russ.).
3. Ershov M.F. *Ocherki provincial'nogo mira Zaural'ja: goroda i ljudi konca XVIII – nachala XX vv.* [Sketches of the provincial world of Transurals: towns and people of late XVIII – early XX century]. Hanty-Mansijsk, Informacionno-izdatel'skij centr Publ., 2010. 299 p. (In Russ.).
4. Zotova O.N., Novikov V.V., Shorohova E.B. *Osobennosti psihologii krest'janstva (proshloe i nastojash-hee)* [Features of peasants' psychology (past and present)]. Moscow, Nauka Publ., 1983. 168 p. (In Russ.).
5. Ivanov Vs. *Sobranie sochinenij : v 8 t.* [Selection of Works], vol. 8. Moscow, Hudozhestvennaja literatura Publ., 1978. 784 p. (In Russ.).

6. Infant'ev P.P. *Sibirskie rasskazy* [Siberian stories]. Moscow, Junaja Rossija Publ., 1909. 160 p. (In Russ.).
7. Mamin-Sibirjak D.N. *Rasskazy, Legendy. Iz dalekogo proshlogo. Vospominanija* [Stories and legends. From the remote past. Memoirs]. Moscow, Pravda Publ., 1978. 464 p. (In Russ.).
8. Mironov B.N. *Social'naja istorija Rossii perioda imperii (XVIII – nachalo XX vv.)* [Social History of the Russian Empire in XVIII – early XX century], vol. 1. Moscow, Dmitrij Bulanin Publ., 1999. 548 p. (In Russ.).
9. Chukmaldin N.M. *Moi vospominanija: Izbrannye proizvedenija* [My memories: Selected works]. Tumen, Soft-Dizajn Publ., 1997. 368 p. (In Russ.).

УДК 93/94
ББК 63/3 (2) 61

В. В. Цысь

О ФИНАНСОВО-ДЕНЕЖНОЙ ПОЛИТИКЕ ТОБОЛЬСКОГО КРЕСТЬЯНСКО-ГОРОДСКОГО СОВЕТА И ПОВСТАНЧЕСКОЙ НАРОДНОЙ АРМИИ (1921 г.)

Рассматриваются особенности финансово-денежной политики руководителей Западно-Сибирского крестьянского восстания 1921 г. в г. Тобольске и на территории Тобольского края. Отмечается, что принимаемые повстанцами меры имели много общих черт с политикой, проводимой большевиками. Делается вывод, что особенности вооруженной борьбы заставляли руководителей восстания ограничивать провозглашенные ими либеральные принципы. Указывается, что в период нахождения у власти повстанцев на территории Тобольского края наблюдаются тенденции, связанные с сужением сферы денежного обращения, натурализацией оплаты, централизацией управления финансовыми потоками. Характеризуются предлагавшиеся повстанцами проекты стабилизации денежной системы после прекращения вооруженной борьбы.

Ключевые слова: Западно-Сибирское крестьянское восстание; Тобольский Крестьянско-Городской совет; финансово-денежная политика; свободная торговля; натурализация.

История Западно-Сибирского крестьянского восстания 1921 г. является предметом изучения ряда современных исследователей, в частности В. И. Шишкина, Н. Г. Третьякова, И. В. Курышева, В. В. Цыся и др.¹

Однако далеко не все аспекты данной темы раскрыты с одинаковой полнотой. Недостаточно, на наш взгляд, разработаны вопросы, связанные с внутренней политикой повстанческой власти, одной из сторон которой являются финансово-денежные отношения.

Использование доступных, но слабо вовлеченных в научный оборот источников, прежде всего, материалов выпускавшейся в г. Тобольске с 27 февраля по 7 апреля 1921 г. газеты «Голос Народной Армии», хранящихся в Государственном архиве социально-политической истории Тюменской области протоколов заседания Тобольского Крестьянско-Городского совета позволяет осветить данную проблему.

Как известно, в период военного коммунизма большевики стремились сузить использование денег, добываясь в конечном счете их ликвидации и насаждения прямого продуктообмена. Борьба повстанцев разворачивалась, в том числе и под лозунгами отмены ограничений экономических

свобод, возврата к рыночным отношениям, беспрепятственному перемещению капиталов, товаров, рабочей силы.

Уже на первом заседании высшего органа гражданской власти повстанцев – Тобольского Крестьянско-Городского совета (далее – КГС), распространявшего свои полномочия на территорию Тобольского, Березовского и Сургутского уездов (в современных границах – северная часть Тюменской области, Ханты-Мансийский и Ямало-Ненецкий округа) было решено, что «все денежные знаки, кроме Колчаковских, пользуются правом одинакового хождения»². Речь здесь шла о деньгах четырех типов: «романовских» («никтолаевских»), «керенок», совзнаков образца 1918 г. с символикой Временного правительства («желтые» – по тогдашней терминологии, названные так, вероятно, по цвету номиналов в 1, 25, 100, 1000 руб. или «советские с орлом»), совзнаков образца 1919 г. («с серпом и молотом»).

Исключение из оборота купюр, выпущенных в период нахождения у власти Временного Сибирского правительства и Российского правительства А. В. Колчака, объясняется, скорее всего, стремлением повстанцев максимально дистанцироваться от любых белых режимов. Одним из тезисов их пропаганды являлось утверждение, что диктатура большевиков «хуже колчаковской», «партизаны» же выступают за восстановление

¹ См.: Шишкин В. И. Западно-Сибирский мятеж 1921 года...; *Он же*. Вооруженное сопротивление сибирского крестьянства...; Курышев И. В. Социально-психологический облик и протестное движение крестьянства Западной Сибири...; Третьяков Н. Г. Ликвидация Западно-Сибирского крестьянского восстания 1921 года...; Цысь В. В. Сургут под властью участников Западно-Сибирского крестьянского восстания...

² Государственный архив социально-политической истории Тюменской области (далее – ГАСПИТО). Ф. 4048. Оп. 1. Д. 139. Л. 2об.

прав и свобод, завоеванных народом в феврале 1917 г. и отобранных позднее коммунистами.

Как это часто бывает при смене власти, среди обывателей распространилось предположение о скорой денежной реформе. Однако уже 28 февраля 1921 г. было опубликовано специальное объявление начальника гарнизона и коменданта г. Тобольска, которое должно было успокоить население:

«В виду появившихся вздорных слухов об изъятии из обращения советских денежных знаков, объявляю во всеобщее сведение, что расчетные денежные знаки от 1 р. до 10 000 р. достоинства имеют хождение наравне с другими кредитными билетами соответственного достоинства, находящимися в обращении»¹.

В дальнейшем именно совзнак (возможно, отчасти и «керенки») являлся основной денежной единицей. В данных о пожертвованиях, собранных на нужды Народной армии, специально оговаривалось, что взносы делались «николаевскими». Судя по опубликованным на страницах «Голоса Народной Армии» сведениям, поступавшие в дореволюционной валюте суммы были крайне незначительны.

Сами повстанцы не решились на выпуск собственных денег. Во-первых, для этого не имелось специалистов, запаса качественной бумаги. Во-вторых, сыграла роль краткость пребывания «партизан» в Тобольске. Через месяц на контролируемой повстанцами территории стал обнаруживаться дефицит наличности, о чем сообщала газета «Голос Народной Армии»². При том, что в их руки в уездном казначействе при занятии города попало около 8,6 млн. руб. (в дальнейшем удалось собрать еще 1,32 млн. руб. добровольных пожертвований³), ежемесячные потребности только по выплате пенсий и социальных пособий достигали 4 млн. руб. Ситуация осложнялась еще и тем, что при отступлении коммунисты и их сторонники эвакуировали или сжигали денежные знаки. Например, из Кондинска было вывезено около 1,9 млн. руб., из Реполово – 1,33 млн. руб.⁴, из Сургута – 0,73 млн. руб., из Березова – 2,5 млн. руб.⁵ и так далее.

Если бы власть «партизан» продержалась еще некоторое время, вопрос о выпуске собственных

денег или каких-либо денежных суррогатов приобрел бы актуальность. Падение 8 апреля 1921 г. Тобольска лишило антибольшевистские силы потенциальных возможностей для реализации данного намерения.

Тем не менее повстанцы делали надпечатки на продовольственных карточках с помощью специальных штампов⁶. В соответствующем распоряжении указывалось, что в дальнейшем продукты по карточкам без штампов из потребительских лавок отпускаться не будут. Известно, что различными повстанческими военными и гражданскими структурами были изготовлены и использовались в феврале–мае 1921 г. круглые и гербовые печати, а также угловые штампы. На гербовые печати помещался двуглавый орел без атрибутов царской власти работы И. Я. Билибина (герб Временного правительства в 1917 г.). Однако как выглядели надпечатки на талонах и карточках, нам в настоящее время не известно.

Основным финансовым органом повстанцев первоначально стал уездный финотдел. Почти сразу же Крестьянско-Городской совет постарался взять в свои руки контроль за денежными потоками. По его распоряжению чеки на перечисление средств различным организациям и предприятиям должны были подписываться председателем или заместителем председателя КГС, а также одним из членов Президиума КГС⁷. Куратором деятельности уфинотдела назначается член Президиума КГС И. С. Бронников. Постановлением от 7 марта 1921 г. вся кассовая наличность уфинотдела перечисляется на текущий счет КГС и в дальнейшем на него следовало вносить любые суммы, поступающие в государственные учреждения⁸. Всем организациям предлагалось начать финансовую деятельность с нулевого баланса.

Порядок выплаты пенсий, социальных пособий повстанцы оставили без изменений. Примечательный факт – были сохранены и продолжали выдаваться пособия членам семей красноармейцев (за исключением добровольно вступивших в Красную Армию)! Денежными знаками и продуктами собиралась и выдавалась помощь семьям «партизан». Ее размер колебался от 1500 руб. до 2500 руб. и в каждом конкретном случае определялся специальными комиссиями⁹.

Важное новшество новой власти – введение уравнительной оплаты труда и норм снабжения (15 фунтов муки и 10 фунтов рыбы на горожанина вне зависимости от возраста). Одной из пре-

¹ Центр документации общественных организаций Свердловской области (далее – ЦДООСО). Ф. 41. Оп. 1. Д. 142. Л. 22.

² См.: Голос Народной Армии. Издание Тобольского Штаба Народной Армии (далее – Голос Народной Армии). 1921. 3 апреля.

³ См.: ЦДООСО. Ф. 41. Оп. 1. Д. 142. Л. 203.

⁴ См.: Там же. Л. 214.

⁵ См.: Там же. Л. 277.

⁶ См.: Голос Народной Армии. 1921. 16 марта.

⁷ См.: ГАСПИТО. Ф. 4048. Оп. 1. Д. 139. Л. 15.

⁸ См.: Там же. Л. 170б.

⁹ См.: Там же. Л. 103.

тензий, предъявлявшейся коммунистам, было несоблюдение последними ранее провозглашенных ими же принципов равенства и социальной справедливости, выделение повышенных пайков советским и партийным работникам. Но фактические нормы снабжения населения Тобольска отличались от декларированных. В марте рабочие получили 15 фунтов сбой¹, служащие – 10 фунтов, прочие, в том числе пенсионеры, не получили ничего². Прошел лишь месяц после занятия древней столицы Сибири, как КГС обратился в совет профсоюзов с просьбой разработать вопрос об установлении разницы в снабжении продуктами рабочих и служащих, «живущих на определенные ставки жалованья»³.

Постановлением КГС от 4 марта разрешалась свободная торговля продуктами как сельскохозяйственного, так и фабрично-заводского производства⁴. Это привело к восстановлению розничной торговли в центре повстанческого движения при одновременном росте цен: «За последнее время на Тобольском дровяном рынке замечается особенное оживление. Дров много, но цены на них в прямом смысле бешенные: сравнительно небольшой воз дров стоит 7000 рублей»⁵. В другой заметке сообщалось, что на рынках Тобольска стало возможным приобрести необходимые продовольственные товары: капусту, картофель, молоко, творог, сметану, правда «пока» по очень высокой стоимости⁶. Ранее изъятые у крестьян по продразверстке должны были быть оплачены, но только после «установления связи местного района с центром»⁷, то есть, в конечном счете, после победы над коммунистами.

Нехватка денежных знаков на контролируемой повстанцами территории привела не к их удорожанию, а к возрастанию роли натурального обмена и натурализации заработной платы. За доставку крайне необходимого для учреждений и предприятий Тобольска топлива выплачивалось не только денежное вознаграждение, но и паек. Так, за вывоз от Ивановской заимки 1 куб. сажени (к. с.) дров крестьянин получал 1015 руб., по 1 фунту керосина, мыла и соли, 5 фунтов свежей рыбы; из Михайловки (23 версты от города) – 2700 руб., 2 фунта керосина, 1 фунт

мыла, 2 фунта соли, 10 фунтов рыбы⁸. В конце марта вдвое были увеличены отпускные цены из аптек города на лекарства⁹. 29 марта правлением Обь-Иртышского союза кооперативов принимается постановление «об улучшении положения служащих» путем замены денежной оплаты труда оплатой продуктами первой необходимости¹⁰. Двумя днями позднее аналогичное постановление утверждается собранием городского совета профессиональных союзов¹¹.

Справедливости ради нужно подчеркнуть, что тенденции, связанные с натурализацией обмена, явно наметились в предшествующий период. В одной из статей, помещенной в газете «Голос Народной армии», отказ от приема денег всячески осуждался: «Все честные граждане, все кто искренне ждал избавления от коммунистов, все кто действительно хочет возрождения родины... Все мы должны признать, что предъявление теперь требований на уплату не деньгами, а продуктами, есть помеха в работе нашим учреждениям, а потому мы не должны отказываться от приема денег»¹².

При объявленной свободе торговли и предпринимательской деятельности повстанцы в то же время сохранили нити управления экономикой в руках государства. Это обстоятельство мотивировалось рядом практических и идеологических соображений. Считалось, что запрет на продажу пушнины обусловлен необходимостью «сосредоточения товарообменного и контр-валютного фонда, обеспечивающего получение железа, бумаги, ниток и т. п. с запада, мануфактуры, лекарств, чая и т. п. с востока или из-за границы вообще»¹³. «Народным достоянием» объявляется вся рыба, заготовленная Областьюрыбой, кооперативами и их контрагентами в 1920–1921 гг. Решается продавать на рынках только ту рыбу, которая была добыта «кустарным» способом. Двойственность политики новой власти в указанном отношении выразилась в тезисе: «Свободная конкуренция при соблюдении государственных интересов...»¹⁴.

В одной из редакционных статей повстанческого официоза отмечалось, что при восстановлении торговли России с заграницей «иностранные государства в уплату <...> потребуют от нас не

¹ Сбой – голова, ноги и внутренности заколотого, убитого на мясо животного.

² См.: Голос Народной Армии. 1921. 1 апреля.

³ Там же. 31 марта.

⁴ См.: Там же. 9 марта.

⁵ Там же. 10 марта.

⁶ См.: Там же. 17 марта.

⁷ См.: ЦДООСО. Ф. 41. Оп. 1. Д. 142. Л. 224.

⁸ См.: Голос Народной Армии. 1921. 9 марта.

⁹ См.: ЦДООСО. Ф. 41. Оп. 1. Д. 142. Л. 193.

¹⁰ См.: Голос Народной Армии. 1921. 3 апреля.

¹¹ См.: Там же.

¹² Каспий. Деньги и натура // Голос Народной Армии. 1921. 9 марта.

¹³ Основные задачи кооперации на Тобольском Севере // Голос Народной Армии. 1921. 8 марта.

¹⁴ Голос Народной Армии. 1921. 22 марта.

бумажный денежный хлам, который мы обильно расплодили за годы войны и революции, а определенных реальных (действительных) ценностей», из-за чего нельзя расплыть народное достояние по частным рукам, а «сельскохозяйственное сырье в интересах всего трудового народа должно быть оставлено и будет оставлено в руках хозяйственных объединений трудового народа для восстановления нормального хода всего нашего народного хозяйства в целом»¹. В результате из сферы свободного обмена выпадали важнейшие отрасли экономики региона: сельскохозяйственное производство, добыча и переработка рыбы и пушнины.

Особый интерес представляет аналитическая статья неизвестного автора, укрывшегося под псевдонимом «Сибтоб»². Вначале он приводит краткий обзор истории денег и денежного обращения с древнейших времен, характеризует роль денежных знаков в экономике. Далее предлагаются пути решения вставших перед страной хозяйственных проблем с помощью ряда изменений в финансово-кредитной системе. В частности, в качестве первоочередной задачи намечается фиксация сложившегося рыночного курса бумажного рубля – совзнака. При современном соотношении золотого рубля к совзнаку 1 к 5 000 и общем объеме денежной массы в 2 трлн. руб. запасов золота и ликвидных товаров в стране хватит, чтобы обеспечить стабильность данного соотношения. Одновременное хождение денег разных типов есть временное переходное явление: «Мы должны спокойно смотреть на обращение всех денежных знаков по рыночной цене и понимать, что они некоторое время будут падать. Различие доверия населения к разным знакам лишь укажет порядок их будущего изъятия»³. Вторым шагом, по мнению автора, могло бы стать привлечение государством внешних и внутренних займов под залог металлов и других сырьевых ресурсов. Эти две меры создали бы фундамент для постепенного введения новых денег, имеющих твердое обеспечение драгоценными металлами. Причем будущая эмиссия под текущие государственные расходы предопределяла необходимость начинать реформу с получения займов, а затем уже следовало переходить к фиксации курсовых соотношений бумажного и золотого рубля.

Намеченные преобразования следует признать вполне обоснованными, в какой-то степе-

ни предвосхищавшими изменения в финансово-денежной политике большевиков при переходе к нэпу. За скобками, правда, оставался вопрос о том, будут ли получены иностранные займы без признания старых долгов? Все же нужно указать, что денежная реформа 1922–1924 гг. пошла дальше самых смелых предположений сторонников «советской власти без коммунистов».

Общая тенденция, наблюдавшаяся в течение краткого пребывания повстанческой власти в Тобольске – сужение сферы денежного обращения, натурализация оплаты, централизация управления финансовыми потоками. Суровые реалии вооруженной борьбы заставляли постепенно отходить от провозглашенных либеральных принципов.

Восстановление денежной системы при сохранении ведущей роли государства в сфере обмена – вот магистральный путь, видевшийся идеологами и руководителями повстанческого движения в Тобольском крае. По большому счету они не только не отрицали, но считали необходимыми многие меры, предпринимаемые в экономической жизни большевиками. Повстанцев не устраивали в первую очередь крайности военного коммунизма, злоупотребления на этой почве со стороны советских и партийных работников, а также узурпация власти одной партией, объявившей себя единственной выразительницей воли и интересов народа.

Список литературы

1. Шишкин, В. И. Западно-Сибирский мятеж 1921 года: историография вопроса / В. И. Шишкин // Гражданская война на востоке России: проблемы истории. Бахрушинские чтения 2001 г. : межвуз. сб. науч. тр. – Новосибирск: Новосиб. гос. ун-т, 2001. – С. 137–175.
2. Шишкин, В. И. Вооруженное сопротивление сибирского крестьянства коммунистическому режиму в начале 1920-х годов / В. И. Шишкин // История сталинизма: крестьянство и власть: материалы междунар. науч. конф. (Екатеринбург, 29 сентября – 2 октября 2010 г.). – М.: РОССПЭН, 2011. – С. 129–142.
3. Курышев, И. В. Социально-психологический облик и протестное движение крестьянства Западной Сибири и северного Казахстана в годы Гражданской войны (1918–1921) / И. В. Курышев. – Ишим: Изд-во Ишим. гос. пед. ин-та им. П. П. Ершова, 2010. – 182 с.
4. Третьяков, Н. Г. Ликвидация Западно-Сибирского крестьянского восстания 1921 года: со-

¹ Голос Народной Армии. 1921. 15 марта.

² См.: Сибтоб. К вопросу о денежном обращении // Голос Народной Армии. 1921. 18 марта.

³ Там же.

отношение карательных и политических акций / Н. Г. Третьяков // Тюменский исторический сборник. – Тюмень: Вектор Бук, 2006. – Вып. 9. – С. 267–273.

5. Цысь, В. В. Сургут под властью участников Западно-Сибирского крестьянского восстания 1921 года / В. В. Цысь // Вестн. Нижневарт. гос. ун-та. – 2014. – № 2. – С. 49–53.

Сведения об авторе

Цысь Валерий Валентинович – профессор кафедры истории России Нижневарт. государственного университета, доктор исторических наук.
tsys@intramail.ru

*Bulletin of Chelyabinsk State University. 2015. № 16 (371).
History. Issue 65. P. 37–41.*

ON THE FISCAL AND MONETARY POLICY OF TOBOLSK PEASANT TOWN COUNCIL AND THE PEOPLE'S INSURGENT ARMY

V. V. Tsys

*Doctor of History, Professor of the Department of History of Russia, Nizhnevartovsk State University.
tsysv@rambler.ru*

The article considers the fiscal and monetary policy of the leaders of the West Siberian Uprising (1921) in Tobolsk and Tobolsk area. It is noted that the policies of the insurgents and Bolsheviks had a lot in common. It is concluded that the armed struggles forced the leaders of the Uprising to violate the liberal principles they had enunciated. It is noted that under the rebels' power, Tobolsk area saw the emergence of such tendencies as the narrowing of money circulation, exchange in kind, and centralized management of financial flows. The proposed measures to stabilize the monetary system following the ceasefire are characterized.

Keywords: *The West Siberian Uprising, the Tobolsk Peasant-Town Council, fiscal and monetary policy, free trade, naturalization.*

References

1. Shishkin V.I. Zapadno-Sibirskijmiatezh 1921 goda: istoriografiia voprosa [The West-Siberian Uprising (1921): historiography]. *Grazhdanskaia voina na vostoке Rossii: problem istorii. Bahrushinskie chteniia 2001 g. Mezhevuz. sb. nauch. tr.* [Civil War in the East of Russia: problems of history. Bahrushinskie readings of 2001. Interacademic collection of scientific works]. Novosibirsk, 2001. Pp. 137–175. (In Russ.).

2. Shishkin V.I. Vooruzhennoe soprotivlenie sibirskogo krest'ianstva kommunisticheskomu rezhimu v nachale 1920-h godov [Armed Resistance of Siberian Peasantry against the Communist Regime in the early 1920s]. *Istoriia stalinizma: krest'ianstvo i vlast'. Materialy mezhdunarodnoi nauchnoi konferentsii (Ekaterinburg, 29 sentiabria – 2 oktiabria 2010 g.)*. [History of Stalinism: peasantry and power. Materials of international scientific conference (Ekaterinburg, September, 29th – October, 2nd)]. Moscow, ROSSPEN Publ., 2011. Pp. 129–142. (In Russ.).

3. Kuryshhev I.V. *Sotsial'no-psihologicheskii oblik i protestnoe dvizhenie krest'ianstva Zapadnoi Sibiri i severnogo Kazahstana v gody Grazhdanskoi voiny (1918–1921)* [Socio-psychological features of peasant life and peasant protests in the Western Siberia and Northern Kazakhstan during the 1918–1921 Civil War]. Ishim Publ., 2010. 182 p. (In Russ.).

4. Tret'iaikov N.G. Likvidatsiia Zapadno-Sibirskogokrest'ianskogo vosstaniia 1921 goda: sootnoshenie karatel'nyh i politicheskikh aktsii [Repression of the West-Siberian Peasant Revolt (1921): punitive measures and political moves]. *Tiumenskii istoricheskii sbornik* [Tyumen historical collection], iss. 9. Tyumen, VektorBuk Publ., 2006. Pp. 267–273. (In Russ.).

5. Tsys' V.V. Surgut pod vlast'iuuchastnikov Zapadno-Sibirskogokrest'ianskogovosstaniia 1921 goda [Surgut under the rebel control during the West-Siberian Peasant Revolt 1921]. *Vestnik Nizhnevartovskogo gosudarstvennogo universiteta* [Bulletin of Nizhnevartovsk State University], 2014, no. 2, pp. 49–53. (In Russ.).

УДК 93.94

Ш. Р. Зайнетдинов

СОЦИАЛЬНАЯ СТРУКТУРА ГОРОДА В ПРОЦЕССАХ МОДЕРНИЗАЦИИ РОССИЙСКОГО ОБЩЕСТВА (по материалам переписи населения 1897 и 1926 годов)

Рассматривается проблема влияния социально-экономического развития городов на ход модернизационных процессов в российском обществе до перехода к форсированным темпам коренного обновления всех сторон общественной жизни. При этом особое внимание уделено роли социальной структуры городов в процессе совершения модернизационного скачка и связанных с этим рисков.

Ключевые слова: модернизация; экономика; город; социальная структура; классы; социальные слои; индустриализация; урбанизация; революция; террор.

Важнейшим фактором, определявшим развитие российского общества на рубеже XIX–XX вв., являлось становившееся все более заметным отставание страны по уровню социально-экономического, политического и культурного развития от наиболее передовых государств Западной Европы и Северной Америки. Данное отставание во все большей мере приобретало стадийный характер и представляло собой реальную угрозу дальнейшему существованию России как самостоятельного социокультурного и геополитического образования. В этой связи задачей первостепенной важности становилось совершение модернизационного скачка, достижения в кратчайшие исторические сроки очередной стадии цивилизационной зрелости – индустриального общества.

Необходимость максимального ускорения процессов модернизации с неизбежностью усиливало противоборство сил традиционализма и модернизаторства внутри страны, что, в свою очередь, становилось причиной перманентной социальной напряженности, заключающей в себе реальные риски перерастания постоянно углубляющихся противоречий в социальный катаклизм.

Важнейшим условием ускорения социально-экономического развития России, ликвидации все более усиливавшегося отставания от самых передовых стран мира являлось качественное совершенствование индустриального потенциала. Ввиду того, что именно города становятся основными центрами сосредоточения объектов индустрии – прежде всего, промышленности – они начинают играть ведущую роль в развитии всех сфер общественной жизни, в том числе социальной структуры. Вместе с тем в рассматриваемые годы с особой отчетливостью обозначились противоречия, вызванные противоборством сил традиционализма и модернизаторства, причем имен-

но города стали основным местом столкновения различных социально-политических сил.

В конце XIX – начале XX вв. российское общество находилось на одной из ранних стадий трансформации из традиционного в индустриальное. Убедительным свидетельством этого может служить незначительная доля горожан в составе населения страны. Так, согласно материалам переписи населения 1897 г., на их долю приходилось 13,4 % всех проживающих в империи, а также 24,6 % от общего числа занятых в общественном производстве¹. Далее, о сохранявшихся значительных рудиментах традиционного общества свидетельствует и социально-профессиональная структура городского населения: в первую очередь относительно небольшая доля работников интеллектуального и индустриального труда в общей массе занятых в системе городского хозяйства.

Как показывают материалы переписи населения 1897 г., суммарный удельный вес работников умственного труда в составе самостоятельного населения городов был равен 5,4 %² [7. С. 256–294]. Из этого числа приходилось на долю собственно интеллигенции 2,2 %, работников органов власти и управления – 2,2 %, занятых частным предпринимательством – 1 %³. Далее, среди лиц, занятых в сфере физического труда, самой многочисленной группой были работавшие в кустарно-ремесленных промыслах. Их доля в составе самостоятельного городского населения была равна 32,4 %⁴. Характерно, что аналогичный показатель собственно рабочего класса был равен 25,1 %⁵.

¹ Общий свод по империи... С. 1.

² Указ. соч. С. 256–294.

³ Там же.

⁴ Там же.

⁵ Там же.

Приведенные данные свидетельствуют, что на рубеже XIX–XX вв. значительную часть индустриального сектора экономики российских городов составляло мелкое кустарно-ремесленное производство, где применялась преимущественно рутинная малопроизводительная техника и, соответственно, неквалифицированный ручной труд.

В составе самодеятельного населения городов имела и такая категория, как работники исполнительского труда обслуживания. Их удельный вес был равен 28 %¹. Появление и дальнейшее количественное и качественное развитие названной группы явилось непосредственным результатом усложнения всей системы общественного производства как одного из важнейших свидетельств трансформации общества традиционного, аграрного в индустриальное. Однако наличие крупной доли работников исполнительского труда обслуживания в составе самодеятельного населения городов в немалой степени является следствием методики проведения переписи населения 1897 г., в которой не всегда давалось четкое разделение отдельных социально-профессиональных слоев. В частности, к рассматриваемой категории были отнесены и другие слои населения, например, ку стари.

Одним из главных показателей трансформации российского общества из традиционного, аграрного в индустриальное является все более тесное и многоаспектное взаимодействие хозяйственных систем, а, следовательно, и социальных структур города и деревни. Важным свидетельством развития такого рода взаимодействия выступает появление в составе занятого населения городов различных категорий тружеников села: в первую очередь крестьянства.

Еще одним важным признаком качественных изменений в развитии российского общества является усиление взаимодействия хозяйственных систем, а значит, и социальных структур города и деревни. Одним из результатов такого взаимодействия становится появление в структуре населения городов различных категорий сельского самодеятельного населения, прежде всего, крестьянства. В 1897 г. удельный вес названной группы среди занятых в сфере городской экономики составлял 4,3 %². Данный показатель свидетельствует, что рассматриваемый процесс взаимодействия (как и в целом трансформация российского общества из традиционного в индустриальное) находился на одной из начальных стадий.

¹ Общий свод по империи...

² Там же.

В конце XIX – начале XX в. в социальной структуре России, а значит, и в составе городского населения имелись группы, открыто противопоставившие свои частные интересы интересам общества в целом – деклассированные, а также отбывающие наказание в местах лишения свободы. Удельный вес каждого из названных слоев был равен, соответственно, 1,3 % и 1 %³.

Важнейшей предпосылкой дальнейшего продвижения российского общества по пути цивилизационного прогресса, превращения его из отсталого аграрного в передовое индустриальное является всемерное развитие индустриальных отраслей. Этот фактор обуславливает глубокие положительные сдвиги в социальной структуре: в первую очередь количественный и качественный рост рабочего класса, его индустриального ядра прежде всего.

Как показывают итоги переписи населения 1897 г., доля рабочих, занятых в сфере городского хозяйства, в общей массе рабочего класса страны была равна 28,1 %⁴. Столь незначительный удельный вес одной из ведущих социальных категорий индустриального общества обусловлен рядом объективных и субъективных обстоятельств. С одной стороны, рассматриваемое явление соответствует низкому уровню развития производительных сил в стране. С другой, его появление объясняется наличием серьезных пережитков традиционного общества не только в экономике и социальной структуре, но и в политико-правовой сфере. К числу таких пережитков следует отнести то, что официальная статистика рассматривала население рабочих пригородов, давно слившихся с городами в социально-экономическом отношении, как проживающих в сельской местности.

Как и во всем рабочем классе, среди городских рабочих России на рубеже XIX–XX вв. можно было выделить пять отраслевых отрядов – промышленный, строительный, транспортный, связи, сельскохозяйственный, а также сферы обслуживания.

Наиболее передовым из них, в максимальной степени воплощавшим в себе лучшие качества всей рассматриваемой социальной категории, выступал отряд промышленных рабочих. Материалы переписи населения 1897 г. показывают, что удельный вес названной группы в составе городской части рабочего класса страны в целом

³ Там же.

⁴ Там же; Численность и состав рабочих в России на основании данных Первой Всеобщей переписи населения Российской империи 1897 г. Т. 1–2. С. 2–8

был равен 72,5 %¹. Этот факт служит убедительным свидетельством ведущей роли городов в процессе модернизации народного хозяйства, привнесения на этой основе глубоких перемен во все сферы общественной жизни, в том числе и социальную структуру.

Рабочий класс играет видную роль в процессах качественного совершенствования общества, перехода его на более высокий уровень цивилизационной зрелости, ввиду чего его социально-профессиональный состав в полной мере отражает степень зрелости социальной структуры общества. В первую очередь все это относится к занятым в системе городского хозяйства. В свете всего сказанного убедительным свидетельством нахождения российского общества на одной из ранних стадий трансформации из аграрной стадии в индустриальную выступает небольшой удельный вес других отраслевых групп рабочего класса, также занятых в индустриальном секторе экономики. Данный показатель равнялся, соответственно, у строителей – 6,8 %, транспортников – 9,1 %, связистов – 0,2 %².

О дальнейшем качественном обновлении общества, переходе его на более высокую стадию цивилизационного развития говорит и появление в городах сельскохозяйственных рабочих. В 1897 г. их доля в общей массе городских рабочих составляла 3,6 %³. Сам факт наличия данной группы свидетельствует об усилении влияния модернизационных процессов на развитие российского общества, в частности, на формирование социальных категорий, адекватных индустриальному обществу, а также о взаимопроникновении хозяйственных систем, а, следовательно, и социальных структур города и деревни. Однако незначительная доля сельскохозяйственных рабочих в составе городских рабочих говорит о том, что указанный процесс находился в начальной стадии.

О недостаточно высоких темпах модернизации экономики и социальной структуры российского общества свидетельствует и немногочисленность рабочих сферы обслуживания в городах. Как следует из переписи населения 1897 г., доля названной группы в составе рабочих городов России была равна 7,8 %⁴.

Важнейшим фактором, определяющим место и роль рабочего класса в поступательном движении общества по пути цивилизационного

прогресса, в том числе и совершенствования социальной структуры, является состав каждого из его отраслевых отрядов. В этой связи весьма показательным является то обстоятельство, что на рубеже XIX–XX вв. наиболее крупным внутренним слоем городской части промышленных рабочих в России была самая отсталая их часть – чернорабочие, доля которых равнялась 34,5 %, в то время как аналогичный показатель наиболее передовой группы – машиностроителей и металлистов – составляла лишь 14,1 %⁵.

В рассматриваемый период одной из ведущих отраслей индустриального комплекса страны был железнодорожный транспорт. Вследствие этого рабочие-железнодорожники выполняли функцию одной из передовых сил рабочего класса, а также российского общества в целом. Однако в составе отряда транспортных рабочих, занятых в системе городского хозяйства, самым многочисленным слоем были работавшие на наиболее архаичном виде транспорта – гужевом (49,6 %), в то время как на долю собственно индустриальной группы – железнодорожников – приходилось лишь 40,5 %⁶.

Это служит еще одним и весьма наглядным свидетельством того, что на рубеже столетий экономика страны и транспортная система как ее составная часть находились в стадии трансформации в экономику, производительные силы зрелого индустриального общества.

Урбанизационный процесс, важнейшей составляющей которого является всемерное количественное и качественное совершенствование населения городов, происходит на основе глубоких сдвигов в развитии производительных сил общества в первую очередь в индустриальных отраслях. В этой связи следует подчеркнуть, что период от рубежа XIX–XX вв. и до начала Первой мировой войны отмечен крупными положительными переменами в развитии материально-технической базы экономики России, постепенной, но неуклонной трансформацией ее в материально-техническую базу, адекватную индустриальной стадии цивилизационной зрелости. Причем в первую очередь все сказанное относится к ведущему звену народного хозяйства – промышленности.

Это кардинальное обстоятельство оказало самое положительное воздействие на сдвиги в социальной структуре российского общества, в частности заметно возрос такой показатель ее

¹ Общий свод по империи...

² Там же.

³ Там же.

⁴ Там же.

⁵ Там же; Состав рабочих и прислуги... С. 2–15.

⁶ Там же. С. 256–294; Численность и состав рабочих в России... С. 2–8.

зрелости как мобильность сельского населения. Все это в свою очередь дало заметный импульс процессу урбанизации, что нашло первоочередное выражение в росте абсолютной и относительной численности жителей городов. Например, с 1897 г. по 1913 г. число горожан в России увеличилось на 39,4 %, их доля среди всего населения страны повысилась с 13,4 % до 15 %, аналогичные показатели у жителей села, напротив, уменьшились¹.

Начавшаяся Первая мировая война резко изменила характер социально-экономического развития российского общества, что нашло свое проявление и в процессе урбанизации. Как показывает статистика за 1914–1916 гг., общая численность населения России уменьшилась на 3,4 %, а жителей городов – на 4,2 %, соответственно, удельный вес упал с 15 % до 14,8 %². Таким образом, если в довоенный период темпы роста горожан опережали темпы роста всего населения, то в военные годы картина наблюдалась обратная – количество проживавших в городе уменьшалось быстрее, чем число всех жителей страны.

Подобное положение сложилось главным образом вследствие неудачного для России хода военных действий и потери части территории на западе страны, где городская инфраструктура отличалась наиболее высоким уровнем развития. Данное обстоятельство сыграло резко отрицательную роль в социально-экономическом развитии страны. Утрата территорий с достаточно высоко развитой промышленностью, транспортными артериями, а также другими сферами городского хозяйства заметно ослабила всю экономику России (в первую очередь промышленный потенциал) и в конечном итоге привела к замедлению процессов модернизации.

Неудачный ход военных действий имел и другие отрицательные последствия для страны, в том числе для ее экономики и социальной структуры. Вынужденное переселение значительных масс людей из районов боевых действий вглубь страны в еще большей степени усиливало дезорганизацию народного хозяйства, приводило к снижению жизненного уровня населения, что, в свою очередь, обуславливало резкий рост социальной напряженности в обществе. При этом в самом тяжелом положении оказывались жители городов. В частности, одним из самых негативных последствий увеличения потока беженцев было увеличение доли маргиналов в составе городского

населения. Это обстоятельство сыграло видную роль в усилении противостояния различных социально-политических сил, дальнейшей дестабилизации обстановки в стране.

Именно этот фактор сыграл решающую роль в том, что в результате разразившегося в стране в 1917 г. социального катаклизма к власти в стране пришла леворадикальная партия большевиков, начавшая создавать новую модель общественного развития. Родовыми признаками данной модели выступали концентрация всех рычагов власти как в политике, так и в экономике в руках одного социального слоя – партийно-государственной бюрократии – и определение функции управления в качестве исключительной прерогативы названного социального слоя.

Революционные события 1917 г., а также выход России из войны на условиях, фактически означавших ее поражение, имели одним из своих прямых последствий отпадение от империи части ее бывшей территории, в основном на Западе: Польша (Привислинский край), Прибалтика, а также Финляндия. Процессы качественного обновления жизни общества и как важнейшая их составляющая – урбанизация – в этих районах (прежде всего в Польше и Финляндии) проходили более интенсивно, чем в других регионах Российской империи, в связи с чем потеря их обусловила заметное снижение численности и удельного веса горожан. Так, если в 1897 г. в целом по стране доля городских жителей была равна 13,4 %, то на территории, сопоставимой с территорией СССР до 17 сентября 1939 г. – только 12,3 %. Аналогичный показатель для занятых в общественном производстве составлял, соответственно, 24,6 % и 21,3 %³ [7. С. 256–294].

Кроме того, выход указанных регионов из состава государства способствовал также и уменьшению в социальной структуре российского общества, в том числе и городской его части, доли общественных групп, занятых в отраслях народного хозяйства, развитие которых имело особое значение для социально-экономического развития страны, совершения модернизационного скачка, достижения качественно нового уровня цивилизационной зрелости.

Об этом свидетельствуют следующие данные. В 1897 г. доля занятых в сельскохозяйственном производстве составляла в Европейской России 74,9 %, в то время как в Привислинском крае – 56,6 %⁴ [7. С. 256–294]. В других отраслях народ-

¹ Ежегодник России 1914 г. (год одиннадцатый). С. 57; Состав рабочих и прислуги... С. 1.

² Ежегодник России 1916 г. (год тринадцатый). Вып. 1. С. 11.

³ Общий свод по империи результатов разработки... С. 256–294.

⁴ Там же.

ного хозяйства аналогичные показатели по тем же регионам были равны, соответственно, в обрабатывающей промышленности, горном промысле и ремеслах – 9,7 % и 15,4 %, торговле – 3,7 % и 6,7 %, частной деятельности – 4,2 % и 10,2 %¹. Таким образом, можно констатировать общее ослабление модернизационного потенциала российского общества.

Последовавшая после Октябрьской революции долгая и кровопролитная гражданская война, полностью надуманная, авантюристическая политика «военного коммунизма» стали главными причинами развала производительных сил, экономического и социального коллапса, одним из наиболее тяжких последствий чего стало резкое сокращение численности населения в стране. Так, за 1913–1921 гг. население России (на сопоставимой территории) уменьшилось с 139,3 млн. чел. до 136,8 млн. чел., соответственно, число горожан снизилось с 24,7 млн. чел. до 20,9 млн. чел., их удельный вес упал с 18 % до 15,6 %². Значительно сократилась и численность городского самостоятельного населения, ухудшился его качественный состав. В 1922 г. количество рабочих и служащих в стране уменьшилось по сравнению с 1913 г. примерно в 2,1 раза³.

Необходимость преодоления голода и разрухи, выхода из глубочайшего социально-политического кризиса вынудили руководство партии большевиков отказаться от доказавшей свою полную несостоятельность политики «военного коммунизма» и выработать новый курс социально-экономического и политического развития страны, получивший название новой экономической политики – нэп.

Одной из главных и наиболее неотложных задач нэпа выступала задача придания нового импульса развитию производительных сил, ликвидации голода и разрухи, приведения страны из состояния гражданской войны к состоянию гражданского мира. В связи с тем, что экономика России продолжала сохранять преимущественно аграрный характер, подавляющее большинство населения проживало в сельской местности, основной акцент при разработке и проведении нэпа делался на развитие производительных сил, смягчение социальных противоречий в деревне.

Тем не менее руководство страны не могло не отдавать себе отчета в том, что стабильность новой системы, сохранение ее в качестве моде-

ли общественного развития возможно только при условии решения задачи исторической важности – совершения в самые сжатые сроки модернизационного скачка, превращения страны из отсталой аграрной в передовую индустриальную. В этой связи при разработке и проведении нэпа значительное внимание уделялось развитию экономики и совершенствованию социальной структуры городов.

О влиянии нэпа на сдвиги в социальной структуре городов, а также возможности его использования в качестве долговременной стратегии развития страны можно получить достаточно полное представление при сравнении материалов переписей населения 1897 и 1926 гг.

Как следует из данных переписей, темпы роста городского населения России (на сопоставимой территории) за 1897–1926 гг. составили 199,9 %, в то время как всего населения – 137,2 %, в связи с чем доля горожан выросла с 12,3 % до 17,9 %⁴. При этом темпы роста городского самостоятельного населения были равны 172,4 %, то есть уступали темпам роста всего населения в городах⁵. Быстрое увеличение численности городского населения свидетельствует о дальнейшем совершенствовании производственной и социальной инфраструктуры городов России. Следует отметить, что переселение части жителей села в город является также одним из способов преодоления противоположностей между городом и деревней.

Однако тот факт, что в рассматриваемый период темпы роста всего городского населения были выше, чем его самостоятельной части, говорит о том, что в середине 1920-х гг. городская экономика была не в состоянии предоставить работу всем желавшим ее получить. Этот фактор оказывал негативное воздействие на все аспекты развития российского общества. В частности, он приводил к росту безработицы в городах, причем основную массу безработных составляли мигранты из села. Данное обстоятельство, в свою очередь, вело к увеличению в составе городского населения маргинальных, а также люмпенизированных слоев и, кроме того, углубляло противоречия между жителями городов и сел. Все это вместе взятое обуславливало рост социальной напряженности в стране.

Далее, анализ материалов переписей населения показывает, что в течение 1897–1926 гг. самой быстро растущей группой городского са-

¹ Ежегодник России 1916 г. (год тринадцатый). Вып. 1. С. 11.

² Народное хозяйство СССР. С. 9; Народное хозяйство СССР. 1922–1972 гг. С. 346.

³ Народное хозяйство СССР. 1922–1972 гг. С. 346.

⁴ Всесоюзная перепись населения 1926 г. Т. 34. С. 2–3; Общий свод по империи... С. 1.

⁵ Общий свод по империи... С. 256–294; Всесоюзная перепись населения 1926 г. Т. 34. С. 2–3.

модеятельного населения России была интеллигенция. Ее численность возросла почти в 4 раза, удельный вес поднялся с 2,5 % до 5,8 %¹. Работники высококвалифицированного умственного труда играют первостепенную по важности роль в развитии производительных сил, кардинальном обновлении всей системы общественных отношений в стране. Этот факт свидетельствует о том, что к середине 1920-х гг., по сравнению с рубежом XIX–XX вв., российское общество сделало значительный шаг вперед по пути укрепления экономического и духовного потенциала как одного из решающих условий выхода на передовые рубежи цивилизационного прогресса.

Высокие темпы роста наблюдались и среди работников органов управления и власти. За 1897–1926 гг. их численность в городах выросла примерно в 2,3 раза, удельный вес среди занятого городского населения повысился с 1,9 % до 2,6 %². Развитие городов, совершенствование их производственной и социальной инфраструктуры предъявляют повышенные требования к проблеме управления городами, что, в свою очередь, приводит к росту численности соответствующих групп управленцев. В России на протяжении главным образом 1920-х гг. данный объективный процесс происходил в условиях укрепления административно-командной системы. Это обстоятельство в огромной степени ускоряло темпы роста слоя управленцев. Одновременно та же причина вела к углублению раскола в обществе, что служило тормозом на пути его всестороннего обновления.

К группе работников умственного труда следует отнести также занятых частным предпринимательством. Их число в городах за 1897–1926 гг. возросло на 65,1 %, но удельный вес в составе занятого городского населения остался без изменений – 1 %³. Рост численности городских предпринимателей обусловлен в значительной степени тем, что в 1897 г. в отличие от 1926 г. перепись не выделяла общественные группы по признаку владения ими средствами производства, а также использования наемного труда.

Среди социальных слоев, занятых физическим трудом в сфере городской экономики, быстрее всех увеличивалась численность крестьянства. В течение 1897–1926 гг. темпы роста данной категории составили 239,4 %, удельный вес среди самодеятельного населения городов поднялся

с 4,5 % до 6,2 %⁴. Данная тенденция говорит об ускорении процесса взаимодействия хозяйственных систем города и деревни. Однако в условиях нэпа происходила дальнейшая натурализация крестьянских хозяйств, усиливалась экономическая автаркия деревни.

Одновременно в стране росло аграрное перенаселение, в связи с чем часть трудоспособного крестьянства была вынуждена уходить на заработки в город. Следовательно, отмеченный факт свидетельствует не столько о взаимопроникновении хозяйственных систем города и деревни, сколько о крайне медленном развитии производительных сил в сельском хозяйстве и как результате – дальнейшем обнищании значительных масс крестьянства. Одновременно рассматриваемая тенденция говорит о возрастании доли маргинальных групп в составе населения и города, и села.

Достаточно быстро увеличивалась численность городских рабочих. За период с 1897 по 1926 гг. темпы роста данной группы составили 222,9 %, удельный вес среди самодеятельного населения городов возрос с 27 % до 34,9 %⁵. Рабочий класс, прежде всего его индустриальное ядро, играл важнейшую роль в процессах индустриальной модернизации экономики, преодоления на этой основе отсталости общества. В этой связи то обстоятельство, что темпы роста рабочих в городе были ниже, чем темпы роста крестьян, свидетельствует о том, что восстановление городского хозяйства, прежде всего его индустриального звена, происходило недостаточно активно.

В начале XX в., в том числе и в 1920-е гг., важную роль в развитии экономики России играло кустарно-ремесленное производство. Вместе с тем численность слоя городских кустарей снизилась за 1897–1926 гг. на 40,6 %, удельный вес среди всего занятого населения городов упал с 36,4 % до 12,5 %⁶. Столь быстрое уменьшение числа и доли кустарей не отражает реальных сдвигов в социальной структуре российского общества. В основном данный феномен стал следствием изменения методики проведения переписи населения, о чем уже говорилось выше.

Важным показателем модернизации экономики, изменения всего строя общества является развитие непромышленных отраслей народного хозяйства, в том числе торговли, бытового обслуживания, общественного питания и некоторых других. Этот фактор приводит к увеличению

¹ Общий свод по империи результатов... С. 256–294; Все-союзная перепись населения 1926 г. Т. 34. С. 2–3, 174–178.

² Там же.

³ Там же.

⁴ Там же.

⁵ Там же.

⁶ Там же.

числа и доли рабочих сферы обслуживания. В период 1897–1926 гг. темпы роста названной отраслевой группы были равны 191,4 %, удельный вес в составе самостоятельного населения городов вырос с 21,2 % до 23,6 %¹.

Еще одним элементом социальной структуры российского общества середины 1920-х гг. были безработные. Их численность в городах составляла 894,9 чел., удельный вес среди занятого городского населения равнялся 9,5 %². Перепись 1897 г. не выделяла безработных в качестве самостоятельного слоя. Это не позволяет проследить динамику изменения численности и удельного веса данного слоя. Однако тот факт, что в 1926 г. почти каждый десятый из проживавшего в городах взрослого трудоспособного населения не имел постоянного занятия, указывает на значительные трудности в развитии городского хозяйства, вследствие чего сами города во все большей мере превращались в центры социальной нестабильности.

В структуре городского населения были также деклассированные и преступники. Материалы статистики показывают, что за 1897–1926 гг. численность деклассированных элементов в городах России сократилась на 43,5 %, удельный вес в составе самостоятельного населения городов снизился с 1,5 % до 0,5 %³. Приведенные данные не отражают реальных сдвигов в социальной структуре городов. Так, уменьшение в материалах переписи населения 1926 г. числа и доли деклассированных произошло главным образом вследствие выделения в самостоятельную группу безработных. В целом же война, голод и разруха до небывалых размеров усилили нужду и лишения населения, что в огромной степени способствовало росту числа лиц, ведущих открыто антиобщественный образ жизни. Следовательно, происходило увеличение и доли деклассированных элементов общества.

Абсолютная численность лиц, отбывавших наказание в местах лишения свободы, возросла с 68,7 тыс. до 204,3 тыс. человек или примерно в 3 раза, удельный вес среди всего самостоятельного населения городов повысился с 1,3 % до 2,2 %⁴. Эта тенденция явилась главным образом следствием долгих лет войн, общественных катаклизмов, голода и разрухи, многократно усиливших бедствия самых широких слоев населения и приведших к повышению степени криминогенности общества. Вместе с тем в рассматриваемом явле-

¹ Всесоюзная перепись населения...

² Там же. С. 1–3.

³ Общий свод по империи результатов... С. 256–294; Всесоюзная перепись населения 1926 г. Т. 34. С. 2–3, 174–178.

⁴ Там же.

нии нашла достаточно полное выражение такая глубинная черта административно-командной системы, как репрессивный характер власти.

Исследование тенденций изменения социальной структуры города в период от рубежа XIX–XX вв. и до середины 1920-х гг. показывает, что российское общество прошло сложный и неоднозначный по результатам путь. Наиболее общим итогом стало упразднение традиционной монархической модели общественного развития и создание новой, в принципе способной решить задачу кардинальной важности – проведения в исторически самые сжатые сроки коренного обновления всех аспектов развития общества, вывода его на качественно новый уровень цивилизационной зрелости – индустриальное общество.

Новая модель, возникшая в результате революционного взрыва 1917 г., имела ряд отличительных особенностей, одной из наиболее существенной из которых являлась концентрация всех рычагов власти в руках одного социального слоя – партийно-государственной бюрократии, а также определение насилия в качестве решающего фактора движения общества вперед. При этом новое руководство страны попыталось осуществлять задуманные преобразования, игнорируя интересы и потребности других групп населения. Даная линия пришедшей к власти политической группировки получила название политики «военного коммунизма». Основное содержание данной политики сводилось к тотальному огосударствлению всех аспектов общественной жизни, в первую очередь экономики. Ее основным итогом явилось резкое усиление всех имевшихся в обществе противоречий, перехода их в экстремальную форму социального противоборства – гражданскую войну. При этом в оппозиции новому режиму оказались все социально зрелые и экономически активные группы населения, прежде всего это интеллигенция, предприниматели, большинство средних слоев города и деревни.

Итогом подобного противостояния стал полный коллапс в экономике, окончательная дезорганизация всех сторон общественной жизни, что в перспективе означало неизбежность нового социального катаклизма. Данное обстоятельство вынудило руководство захватившей власть партии большевиков привнести существенное изменение в стратегию развития общества, прежде всего, смягчить режим тотального огосударствления экономики, допустить, хотя и в ограниченных масштабах, элементы органического развития – частную собственность, товарно-денежные отношения и так далее.

Проводимые мероприятия, получившие название нэпа, позволили в самое непродолжительное время придать новый импульс развитию производительных сил как в сельском хозяйстве, так и в индустрии, ликвидировать разруху, привести общество из состояния гражданской войны к состоянию гражданского мира. Однако также достаточно быстро выявилась неспособность нэпа решить главную задачу – в исторически кратчайшие сроки провести коренное переустройство, модернизацию российского общества. Это означало, что уже в середине 1920-х гг. перед страной, ее руководством вновь со всей остротой возникла проблема выработки и осуществления системы мер, способных решить выдвинутую самим ходом истории задачу совершения модернизационного скачка, стремительного выхода на новый виток цивилизационного прогресса.

Список литературы

1. Всесоюзная перепись населения. 1926 г. Союз Советских Социалистических Республик. – М., 1930. – Т. 34. – С. 2–3, 174–178.

2. Ежегодник России 1914 г. (год одиннадцатый). – Пг., 1915. – С. 57.

3. Ежегодник России 1916 г. (год тринадцатый). – М., 1918. – Вып. 1. – С. 11.

4. Народное хозяйство СССР в 1960 г. Стат. ежегодник. – М., 1961. – С. 9.

5. Народное хозяйство СССР. 1922–1972 гг. Юбилейный стат. ежегодник. – М., 1972. – С. 346.

6. Общий свод по империи результатов разработки данных Первой всеобщей переписи населения, произведенной 28 января 1897 г. – СПб., 1905. – Т. 11. – С. 1, 256–294.

7. Состав рабочих и прислуги на основании данных Первой Всеобщей переписи населения Российской империи 28 января 1897 г. – СПб., 1905. – С. 1–15.

8. Численность и состав рабочих в России на основании данных Первой Всеобщей переписи населения Российской империи 1897 г. – СПб., 1906. – Т. 1–2. – С. 2–8.

Сведения об авторе

Зайнетдинов Шамиль Рашитович – доктор исторических наук, старший научный сотрудник, заведующий кафедрой «Философия, история и право» ФГОБУ ВПО «Финансовый университет при Правительстве Российской Федерации» Финансовый университет (Уфимский филиал).

Shamyl2002@rambler.ru

*Bulletin of Chelyabinsk State University. 2015. № 16 (371).
History. Issue 65. P. 42–50.*

ON CITIES' SOCIAL STRUCTURE IN THE MODERNIZATION OF RUSSIAN SOCIETY (APPLIED TO CENSUS OF 1897 AND 1926)

Sh. R. Zainetdinov

Doctor of Historical Sciences, Senior Researcher, Head of the Chair of Philosophy, History and Law in FGOBU VPO "Financial University under the Government of the Russian Federation" Financial University (Ufa Branch). Shamyl2002@rambler.ru

The article deals with the influence of socio-economic development of cities in the course of the modernization process in the Russian society before the transition to the accelerated pace of radical renewal of all aspects of social life. Also, special attention is paid to the role of the social structure of cities in the process of committing a modernization leap and the associated risks.

Keywords: modernization, economy, city, social structure, classes, social strata, industrialization, urbanization, revolution, terror.

References

1. *Vsesojuznaja perepis' naselenija 1926 g. Sojuz Sovetskikh Socialisticheskikh Respublik* [The census of 1926 The Union of Soviet Socialist Republics]. Moscow, 1930. Pp. 2–3, 174–178. (In Russ.).

2. *Ezhegodnik Rossii 1914 g. (god odinnadcatyj)* [Yearbook of Russia in 1914 (the eleventh year)]. Petrograd, 1915. P. 57. (In Russ.).
3. *Ezhegodnik Rossii 1916 g. (god trinadcatyj)* [Yearbook of Russia in 1916 (the thirteenth year)], iss. 1. Moscow, 1918. P. 11. (In Russ.).
4. *Narodnoe hozjajstvo SSSR v 1960 g. Stat. ezhegodnik* [The national economy of the USSR in 1960. Yearbook]. Moscow, 1961. P. 9. (In Russ.).
5. *Narodnoe hozjajstvo SSSR. 1922–1972 gg. Jubilejnyj stat. Ezhegodnik* [The national economy of the USSR. 1922–1972. Anniversary article. Yearbook]. Moscow, 1972. P. 346. (In Russ.).
6. *Obshhij svod po imperii rezul'tatov razrabotki dannyh Pervoj vseobshhej perepisi nasele-nija, proizvedennoj 28 janvarja 1897 g.* [The Empire's total set of results of the processing of the data of the first general census of population, conducted on 28 January, 1897], vol. 11. Saint Petersburg, 1905. Pp. 1, 256–294. (In Russ.).
7. *Sostav rabochih i prislugi na osnovanii dannyh Pervoj Vseobshhej perepisi naselenija Rossijskoj imperii 28 janvarja 1897 goda* [The composition of the workers and the servants on the basis of the first general census of the population of the Russian Empire, January 28, 1897]. Saint Petersburg, 1905. Pp. 1–15. (In Russ.).
8. *Chislennost' i sostav rabochih v Rossii na osnovanii dannyh Pervoj Vseobshhej perepisi naselenija Rossijskoj imperii 1897 g.* [The number and composition of workers in Russia on the basis of the first general census of the population of the Russian Empire in 1897], vol. 1–2. Saint Petersburg, 1906. Pp. 2–8. (In Russ.).

УДК: 008 (09): 94 (470.5) «1920/1930»

З. Р. Сабирова

НЕКОТОРЫЕ АСПЕКТЫ ПРОВЕДЕНИЯ «КУЛЬТУРНОЙ РЕВОЛЮЦИИ» В СОВЕТСКОЙ РОССИИ: РЕГИОНАЛЬНЫЙ ОПЫТ

Преобразования в культурной сфере всегда являются зеркалом общественно-политических преобразований любого государства. Показательна в этом отношении «культурная революция» в Советской России в 20–30-е гг. XX в. Для исследователей проблема развития этой важной сферы жизни общества представляет несомненный интерес, который питается возникающими периодически национальными, политическими, религиозными конфликтами на постсоветском пространстве. Особенно это касается национальных регионов. В статье основное внимание уделено проблемам образования у башкир в первое советское 20-летие, так как именно система образования дает тот фундамент знаний и представлений, навыков и характера поведения человеку, который он использует на протяжении всей своей жизни. Мы считаем, что процессы «культурной революции» у башкир отражают в целом проблемы, которые возникли и у других нерусских народов в период «культурной революции», а также ее итоги.

Ключевые слова: культурная революция; система образования; Урал; башкиры; БАССР.

Постперестроечное время в истории нашей страны напоминает в какой-то степени период после революций 1917 г. и Гражданской войны – смена политического режима, экономический хаос и разруха, а затем медленное «нащупывание» политического, социально-экономического, культурного курсов. С той лишь разницей, что ныне наше государство делает это поступательно, что не может не сказаться положительно в целом на обществе.

В одном из своих выступлений В. В. Путин говорил, что «закон может защищать нравственность и должен это делать, но нельзя законом установить нравственность <...> – это, безусловно, проявление тоталитаризма. <...> Мы должны действовать не путем запретов и ограничений, а укреплять прочную духовно-нравственную основу общества. Именно поэтому определяющее значение приобретают вопросы общего образования, культуры, молодежной политики <...> для формирования нравственного, гармоничного человека, ответственного гражданина России. <...> Нужно вернуть школе безусловную ценность. Это значит обновить содержание образования, сохранив при этом, разумеется, наши традиции и преимущества. <...> Поручаю Правительству представить предложения по реализации дистанционного образования на русском языке. <...> В целом речь должна идти о том, чтобы расширять присутствие России в мировом гуманитарном, информационном и культурном пространстве»¹. Совершенно очевидно, что В. В. Путин делает

акцент на основах общего образования (математика, доступный для всех русский язык и культурная составляющая). Подобную линию мы наблюдаем и в принятой федеральной целевой программе «Укрепление единства российской нации и этнокультурное развитие народов России (2014–2020 гг.)». В целом, задачи государства сегодня и в прошлом, на заре советского государства, отличались немногим. Цель состояла и состоит в формировании социально-активных участников культурно-исторического процесса, с той лишь разницей, что в прошлом выполнение этих задач должно было содействовать возвращению советского человека, способного противостоять инакомыслящему капиталистическому обществу, а теперь – интеграции в это общество, но без потери накопленного опыта и знаний.

Как известно, термин «культурная революция» получил широкое распространение в общественной жизни и научной литературе в советское время. Этот процесс рассматривали как одну из важнейших закономерностей построения социализма, в основе которой лежала идея о всеобъемлющей интернациональной культуре, а для этого было необходимо, чтобы все могли говорить, писать, читать, творить на одном языке. Культурная революция способствовала преодолению противоположности между городом и деревней, между людьми физического и умственного труда, росту политической активности масс, приобщению трудящихся к управлению обществом, громадному подъёму производительности общественного труда.

¹ Путин В. В. Система образования...

Нас интересует именно та хронология, согласно которой «новый человек» рассматривался как идеал, в период более 20 лет существования советского режима (20–30-е гг. XX в.), который, по мнению большинства исследователей, собственно, и был периодом культурной революции, проводившейся через сумму ее конкретных составляющих: ликвидация неграмотности населения, распространение общего и специального образования, развитие науки, литературы, искусства и пр., определявших динамику становления советского типа культуры в центре и регионах, в том числе и на Южном Урале¹.

В «Резолюции 10 съезда РКП (б) по национальному вопросу» от 8-16 марта 1921 г. башкиры включены в число народов, по отношению к которым политика царизма заключалась «в том, чтобы убить среди них зачатки всякой государственности, калечить их культуру, стеснять язык, держать их в невежестве»². Эта политика, была основана на исторически сложившемся экономическом неравенстве, которое порождало неравенство национальное. Поэтому партия первой задачей поставила ликвидацию «национального неравенства во всех отраслях общественной и хозяйственной жизни и, прежде всего, планомерное насаждение промышленности на окраинах, путем переноса фабрик к источникам сырья»³. Таким образом, партия выполняла сразу две задачи – во-первых, экономическую; во-вторых, привлекала через первую на свою сторону беднейшие социальные слои нерусской национальности, поскольку именно из них должны были вербоваться рабочие предприятий, а через это пополнялись и ряды пролетариата, и далее – промышленной и рабочей интеллигенции. Предполагалось, что такое положение вещей снимет проблему национального неравенства.

С «немногочисленными местными пролетарскими элементами в ряды промышленной интеллигенции должна была влиться «беднота смешанного профессионально-кооперативного типа», развитие которой должно было идти от кочевого образа жизни к плановой общественной обработке земли и от цехового ремесла к фабрично-заводскому производству»⁴.

Наконец, в «Тезисах V Всебашкирской конференции РКП (б) «Основные организационные задачи партии в БССР» от 19 января 1922 г. мы читаем о необходимости, «пересмотрев соответству-

ющим образом состав работников ЧК, втянуть в работу его работников из башкир, до сих пор не имевших доступа к этому органу, <...> решительно выдвигать на руководящую работу местных башкирских работников, <...> втянуть и широко использовать для советской работы башкирскую интеллигенцию»⁵. В связи с отмежеванием от Валидова части его соратников открывается возможность роста интеллигенции партийной, руководящей, чиновничьей. Шестая конференция вновь акцентирует внимание на этом вопросе: «принимая во внимание громадный недостаток коммунистических сил среди татаро-башкир, а также и вообще квалифицированных работников, привлечь к практической советской работе трудовую советскую татаро-башкирскую интеллигенцию»⁶. Вовлечение коренного населения в состав пролетарских и партийных кадров сыграло положительную роль для укрепления самосознания башкир. Удельный вес башкир в составе Башкирской областной организации ВКП(б) – КПСС в 1925, 1933, 1938 годах составлял соответственно 13 % (938 чел.), 23,3 % (9324 чел.), 21,3 % (4264 чел.)⁷. Хотя в 1925 и 1938 гг. эти показатели были ниже, чем по татарам. В 1929, 1932, 1938 гг. в составе ЦИК и Верховного Совета республики башкир было 30,7 %, 33,7 %, 24,2 % соответственно. И снова показатели снизились в 1938 г. по сравнению с татарами. Очевидно, это связано с нарастанием волны репрессий в 1937–1938 гг.

В Башкирской АССР проведение «культурной революции» было сопряжено с низким уровнем социально-экономического развития, разорительными последствиями мировой и гражданской войн, иностранной интервенции, голодными годами, и, что немаловажно, с тем обстоятельством, что основное население было нерусской национальности. Поэтому, как и в целом по СССР, в реализации задач «культурной революции» правительство использовало ресурсы «старой» интеллигенции⁸. 17 ноября 1922 г. в «Проект о реализации башкирского языка», утвержденный БашЦИК 6 июля 1921 г., были внесены коррективы. В частности указывалось, что в целях облегчения сношений с башкирским населением при всяком учреждении вводится как вспомогательный орган институт переводчиков башкирского языка из числа штатных сотрудников⁹.

Важным законодательным актом культурной революции стал «Декрет о печати», принятый,

¹ Соскин В. Л. Советская культурная политика...

² Образование Башкирской Автономной Советской республики... С. 593–597.

³ Указ. соч. С. 593–598.

⁴ Указ. соч. С. 593–597.

⁵ Указ. соч. С. 627–628.

⁶ Указ. соч. С. 634.

⁷ Юлдашбаев Б. Х. Башкиры и Башкортостан... С. 68.

⁸ Культурное строительство... С. 7; 23.

⁹ История башкирского народа... С. 343.

как предполагалось, первоначально временно, но он никогда не был отменен и превратился в форму цензуры. В соответствии с этим актом и на его основе были приняты декреты, запретившие выход оппозиционных по отношению к большевикам изданий. В результате за период с 1917 по 1920 гг. всего декретами ВЦИК и СНК было закрыто семь печатных изданий. Затем ВЦИК были приняты «Положения о Государственном издательстве» от 18 февраля 1919 г., а также закон о праве народного комиссара просвещения «контролировать деятельность Государственного издательства» от 15 октября 1919 г. В период, когда телевидение пока не было доступно, а население получало информацию из печати, где-то и по радио, эти декреты сыграли важную роль, поскольку теперь партия получила возможность «направлять» мысли населения в определенное русло. В 1923 г. в одном из номеров газеты «Башкортостан» в рубрике «Правительственные дела и газета» Хайдар Лотфи писал, что многие ответственные должности занимают русские, которым безразлична судьба газеты на башкирском языке. Все это связано с тем, что башкирский язык не употребляется в государственных учреждениях. Таким образом, газета поднимала принципиальную проблему – создать национальную газету, преследующую интересы коренного населения. X съезд РКП(б) определил как одну из неотложных задач «помочь трудовым массам <...> развить у себя прессу <...> на родном языке». А на XIII съезде партии было решено «завершить переход прессы нацреспублик на местные языки, добиваться повышения тиража нацпрессы. <...> Специальную финансовую помощь со стороны государства сосредоточить на поддержке национальной печати»¹.

Как видим, политика коренизации была подана «сверху», а не под давлением снизу националистически настроенного коренного населения. В конституции 1925 г. в части 1 статьи 8 отмечалось: «В Башкирской АССР официальными языками являются башкирский и русский языки». В части 1 статьи 7 за гражданами республики признавалось право свободного пользования родным языком на съездах, в суде, управлении, общественной жизни. Национальным меньшинствам обеспечивалось право обучения на родном языке в школе². Политика правительства в деле коренизации аппарата, изучения руководящими кадрами башкирского языка не всегда достигала своих

целей. Так, по данным 70 центральных республиканских учреждений, из 7 965 чел., обязанных изучать башкирский язык, посещали кружки всего 2 246 чел., или 28 %. Аппараты Башнаркомзема, Култпромсоюза, Башсоюза, Башнаркомтруда и Башколхозсоюза никаких мер в деле реализации башкирского языка не принимали. Из областных учреждений и организаций только аппараты БашЦИК, БОК ВКП(б), БашГИЗа и Башнаркомпроса вели делопроизводство по обслуживанию национальных районов преимущественно (на 80–95 %) на родном языке³.

«Культурная революция» затрагивала все стороны жизни народных масс, поэтому в этот процесс были втянуты и техническая, и гуманитарная, и партийно-чиновничья интеллигенция различного уровня, что в целом давало ей как социальному слою возможность не «потеряться» в советской действительности. Исключение составила лишь религиозная интеллигенция, которая, напротив, подверглась в этот период жестоким гонениям⁴. Хотя этот процесс активнее шел среди русского населения⁵.

В сложных условиях оказалась учительская интеллигенция, особенно национальных учебных заведений. Ее старый состав был поставлен перед необходимостью общественно-политической «адаптации» – принять советскую действительность и идти в ногу с проводимыми молодым государством реформами. На первоначальном этапе уже национальная школа стала испытывать некоторые сложности. В Уфимской губернии под «лозунгом» реорганизации, к примеру, 91 медресе (которые по своей программе шли гораздо дальше обычного среднего образования) и 250 мектебе в это время были преобразованы в школы I степени⁶. В республике 85 % учителей национальных школ плохо владели русским языком, испытывали серьезные материальные трудности.

В связи с острым недостатком учительских кадров принимаются меры для подготовки их на курсах⁷. Ускоренная подготовка кадров из местного населения решалась разными путями, широкое распространение получили, помимо курсов, выдвигенства⁸. Поскольку до 1929 г. в Башкирии не было вуза, то подготовка преподавателей и научных работников шла в центральных вузах страны. Реформа всей системы образования, таким образом, полностью преобразила учительскую

¹ История башкирского народа... С. 359.

² Образование Башкирской Автономной Советской республики... С. 821.

³ История башкирского народа... С. 348.

⁴ Культурное строительство в Башкирской АССР... С. 17.

⁵ Указ. соч. док. 105, 107.

⁶ Указ. соч. С. 9.

⁷ Указ. соч. С. 12.

⁸ Указ. соч. С. 170–177.

интеллигенцию, соединив и аккумулировав знания, опыт старого и силы нового поколений. В то же время открывается значительное количество башкирских школ, обучение в которых было построено по принципам единой трудовой школы.

Но первым по значимости элементом культурного «скачка» стала программа введения всеобщего начального образования. Произошел кардинальный поворот от создания условий для добровольного обучения к обязательному начальному, а затем и 7-летнему образованию, закладывалась основа для перехода к всеобщему полному среднему обучению как общемировому цивилизационному стандарту.

В результате культурных преобразований в СССР впервые была создана письменность около 50 народностей, литература издавалась на 89 языках, радиовещание велось более чем на 60 языках народов СССР. В ходе интенсивного расцвета и взаимообогащения национальных культур усиливаются общие черты единой интернациональной культуры.

Стремительное развитие библиотечного дела и ликвидация безграмотности дали доступ не только русским, но и другим национальностям к широкому пласту родной и зарубежной литературы¹. Если в дореволюционной России беднейшие слои общества могли рассчитывать получить только начальное образование, а доступ к литературе имели в основном те, кто обладал хорошей домашней библиотекой или обучался в высшем учебном заведении², то теперь все слои населения были охвачены книжечтением (избы-читальни), книга широко пропагандировалась, любовь к чтению стала одним из достоинств советского человека. И если на заре XX в. у крестьян, казаков, купцов и мещан Южного Урала была налицо большая разница в грамотности между мужчинами и женщинами (в 2 и более раза)³, то теперь женщины получили возможность пройти все ступени образования.

20–30-е гг. XX в. стали временем радикальных бурных перемен и в жизни башкирского этноса, периодом рождения «советской нации башкир», но при этом и ужасного голода начала 1920-х гг. В 1921–1922 гг. Башкирскую АССР, как и соседние районы Урало-Поволжья, поразили голод и эпидемии⁴. Особенно пострадали от голода башкирские хозяйства. Такие кантоны, как Зилаирский

и Тамьян-Катайский, потеряли приблизительно 30–40 % своего башкирского населения⁵. Были констатированы факты поголовного вымирания целых деревень. НЭП пришел в республику позднее, в 1923–1924 гг.⁶. В горно-лесном районе Башкирии (на севере республики – крайний восток и вся западная часть Месягутовского кантона, все левобережье р. Уфимки в Бирском кантоне, территории Уфимского, Стерлитамакского, Тамьян-Катайского и Зилаирского кантонов) в 27 волостях из 771 селения 386 являлись башкирскими, 357 русскими, 6 латышскими и 22 прочими⁷. Интересно, что по многолошадности башкиры стояли третьими после латышей и русских, несмотря на то, что коневодство – традиционный вид хозяйствования для башкир и что в южном подрайоне оно превратилось в продуктивное именно благодаря башкирским хозяйствам⁸. Но частым явлением в этот период стали самовольные захваты башкирских земель. В приказе № 5 ЦИКа Башкирской АССР «О земельных захватах» от 2 марта 1922 г. отмечалось, что обезземеливание башкирского населения «даже достигло размеров, которых не было во времена царизма»⁹. Так, население 9 обследованных волостей горно-лесного района к 1925 г. составляло только 62,2 % от данных 1917 г. Убыль населения в чисто башкирских волостях достигала огромных размеров, часто 2/3 населения обоего пола в 1925 г. против численности 1917 г. «Наиболее пострадавшим оказывается башкирское население, вымершее почти вдвое больше, чем русское, между тем, как анализ элементов естественного движения населения по б.б. Уфимской и Оренбургской губерниям показывает, что в горно-лесных волостях «выживаемость» башкирского населения в прошлом была выше, чем русского»¹⁰.

Не меньшие последствия имел и голод 1932–33 гг., который долгое время замалчивался в литературе, поскольку случился в период развернутой коллективизации и индустриализации страны¹¹. Голод и его последствия вызвали повальное сокращение школ и культурно-просветительных учреждений на всей территории Урала, в том числе и в БАССР, особенно в сельской местности, где проживали в основной своей массе «нацменьшинства».

⁵ Гаврилов М. Г. Хозяйственные итоги... С. 300.

⁶ Там же. С. 5.

⁷ Сахаутдинов Б. Специфические районы Башкирии... С. 36.

⁸ Указ. соч. С. 39.

⁹ Усманов Н. В. Национальная политика большевиков... С. 300.

¹⁰ Сахаутдинов Б. Указ. соч. С. 36.

¹¹ Миронин С. Тайны голода 30-х...; Корнилов Г. Е. Голод 1932–1933 гг. на Урале...

¹ История Башкортостана. 1917–1990-е годы. С. 192.

² Рахматуллина З. Р. Экономика и население провинции... С. 159

³ Там же.

⁴ Исхаков С. М. Динамика жизненного уровня... С. 142; 26. С. 76, 77, 78, 88.

Несмотря на социально-экономические проблемы и демографические потрясения, в целом формирование новой башкирской культуры носило поступательный характер. Именно в этот период был создан башкирский литературно-письменный язык, башкирский театр, башкирские школы с преподаванием на родном языке, налажено книгопечатание и выпуск газет на родном языке – родилась башкирская профессиональная культура. В значительной степени этому способствовал автономный статус Башкортостана и проводившаяся во всем молодом советском государстве культурная революция. В дореволюционный период башкирская культура воспринималась в русле общей тюрко-мусульманской культуры. Этому способствовало и книгопечатание на старотюрки, лексика которого больше тяготела к татарскому. Как известно, одной из основных причин отмежевания лидеров башкирского национального движения от общемусульманского было как раз нежелание раствориться в общей массе тюрко-татар. Таким образом, не отрицая значения фундамента, заложенного в дореволюционный период, заметим, что проведение культурной революции подтолкнуло к действию целый ряд собственно башкирских деятелей и именно для башкир, поскольку проблемы своего народа были им близки и очень понятны: Закира Шакирова, Шайхзаду Бабица, Карима Идельгужина и др. Но в нашей статье речь не идет о конкретных участниках этого процесса, а о том, что это были за процессы.

В каждой республике были и свои проблемы. Башкортостан не был исключением¹. Прежде всего, отметим, что революционные преобразования прямо коснулись алфавита нерусских народов. В частности, башкирский алфавит «скакал» со старотюркского на яналиф, затем на кириллицу. Население не успевало освоить одно написание, как появлялось другое. До сих пор еще есть семьи, где поколение 80–90-летних пишет на латинице или помнит арабскую графику. Но если свой язык, несмотря на «перескакивания» с одного вида алфавита на другой, население использовало, то русским языком овладеть не успевало. Естественно при этом, что в городе, в русскоязычной среде, этого достичь было легче, нежели в деревне. В связи с этим партийные органы стремились направить на работу в сельские районы, особенно в отделы по национальной и культурной работе, тех, кто знает национальный язык.

Какая же сложилась картина? Согласно данным Всероссийской переписи населения 1920 г.,

¹ История Башкортостана. 1917–1990-е годы... С. 215.

процент грамотных у башкир составлял 12 %. Очевидно, российское правительство не учитывало при этом грамотность нерусского населения на родном языке². На Южном Урале насчитывалось 342 национальные школы³. Преобладали коми-пермяцкие, татаро-башкирские и марийские учебные заведения. Обратим внимание, что советское государство с легкостью царского правительства «объединяло» национальные меньшинства на самом важном уровне культурного развития нации – в образовании. Со временем этот тип школ себя изжил. При этом существовавшие за пределами БАССР Свердловский и Троицкий татаро-башкирские педагогические техникумы, а также губернские двухмесячные курсы в г. Троицке не могли решить проблему нехватки педагогических кадров в национальных школах⁴.

В БАССР в 1925 г. в башкирском городском населении 9–49 лет грамотными были 67,7 % мужчин и 41,1 % женщин, в сельском – 49,4 % мужчин и 20,9 % женщин⁵. В целом по СССР, по данным на 17 декабря 1926 г., в населении от 9 лет и старше мы видим следующие показатели: были грамотными 31,8 % башкир, в том числе 46,3 % мужчин и 18,9 % женщин⁶. Эти показатели были ниже, чем у русских, татар, чувашей, мишарей, причем у последних грамотность на родном языке одинаково колебалась как среди мужчин, так и среди женщин в районе 80–100 %. Необходимо указать на прямую зависимость грамотности башкирского населения БАССР от его благосостояния: в высокопосевных волостях процент грамотного населения был значительно выше⁷. Кроме того, помимо грамотных «по-башкирски» и знающих русскую грамоту, перепись 1926 г. выделяла и «грамотных на прочих языках». Среди башкир эта категория составляла немалую долю, и почти всегда это были умеющие читать на старо-тюрки (в силу распространенности этой письменности в учебных заведениях дореволюционного периода).

По материалам школьной переписи 1927 г. число башкирских детей школьного возраста 8–11 лет составляло 53 415 чел. Из них всего в школах обучалось 40 640 детей, в том числе в «сетевых» школах 38 369 детей⁸. Руководство республики, обеспокоенное низкой грамотностью башкир, включило увеличение расходов в

² Рахматуллина З. Р. Экономика и население... С. 159.

³ Латыпов Р. Т. Национальная политика на Урале... С. 321.

⁴ Челябинская область... С. 90–91.

⁵ Народное хозяйство... С. 208.

⁶ Юлдашбаев Б. Х. Башкиры и Башкортостан... С. 35.

⁷ Барсов Н. Н. Грамотность населения БАССР... С. 147–151.

⁸ Хозяйство Башкирии. Уфа, 1928. С. 92.

бюджете БАССР на 1927–1928 гг. в расчете на душу населения в башкирских кантонах с целью «удовлетворения культурно-хозяйственных нужд <...> кантонов, населенных наиболее отсталыми коренными национальностями», рассматривая это как «положительное и нормальное явление»¹. Привлек внимание общества к этому вопросу знаменитый комбриг башкавдивизии М. Л. Муртазин, выступивший на VI Всебашкирском съезде советов². Достаточно отметить то, что преподаватели Башгоспединститута им. К. А. Тимирязева, преобразованного позже в БашГУ, издавали свои научные труды и учебники по различным специальностям на башкирском языке (например, И. Х. Ишмухаметов по химии, С. Г. Качкаев и Ф. З. Асадуллин по математике, Е. Н. Грибанов «Основы радиоэлектроники»)³, несмотря на то, что в 1929–1930 учебном году в составе преподавателей института был только один башкир – З. Ш. Шакиров. К 1932 г. число преподавателей из лиц коренной национальности сильно возросло и достигло 17 % для башкир и 15 % для татар. А в 1934–1935 учебном году преподаватели-башкиры составляли 21 %, а татары – 28 %. Увеличивалось и число студентов-башкир. Если в 1929–1930 учебном году они составляли 7 % учащихся, то в 1930–1931 г. – их стало 16,5 %, а в 1933–1934 г. – уже 60 %. В планах было даже превратить Пединститут в чисто национальный вуз. Но ошибочная политика погони за цифрами, являвшаяся одной из ярких и отрицательных черт советского государства, привела к тому, что уровень знаний студентов-башкир не всегда соответствовал требованиям программы. В итоге во второй половине 30-х гг. от практики приема по национальному признаку отказались, и число студентов из башкир резко сократилось. В последующие предвоенные годы численность учащихся башкир в этом вузе всегда была меньше численности русских и татар⁴. Однако нельзя переоценить тот факт, что 1920-е и особенно 1930-е гг. были периодом интенсивной подготовки специалистов в самых востребованных областях — просвещении, сельском хозяйстве, здравоохранении, управлении и др.⁵

Число техникумов БАССР в 1933 г. составляло 44. Среди учащихся башкир было 30,5 %. Кроме того, к 1934 г. до 5 увеличилось число ВУЗов, численность учащихся в них башкир равнялась

38,8 %, предпочтение отдавали наравне с педагогическим институтом, Кооперативному институту и Высшей сельскохозяйственной коммунистической школе.

Грамотность башкирского населения к этому году повысилась до 67,9 %⁶. Увеличилась в 30-е гг. и башкирская составляющая учительского состава начальных школ и средних школах⁷. Все эти сухие цифры говорят о весьма положительном моменте в жизни нерусских народов края – интеграции и адаптации к новым социокультурным условиям, а значит продолжающейся социализации в новых общественно-политических условиях.

В 1923 г. была образована Уральская область с центром в г. Екатеринбург, в которую до января 1934 г. входили в современных границах Свердловская, Челябинская, Тюменская, Пермская и Курганская области. Абсолютное большинство башкир на этой территории были сельскими жителями⁸. Увеличилось число национальных школ, школ-ликбезов. А с 1928 г. во всех национальных школах стали обучать на родном языке. Обучение русскому языку в таких школах было полностью предоставлено на личное усмотрение учителя. Положительные результаты дал и перевод делопроизводства на национальные языки в национальных районах Урала⁹. В то же время национальные башкирские школы испытывали значительные трудности в этот период. Плохо были обеспечены учебниками, учебными пособиями, школьными принадлежностями. Материальное положение учителей было тяжелым. Низкая заработная плата и частые задержки ее выплаты провоцировали учителей переходить на другую работу, не позволяли им выписывать газеты, журналы¹⁰. В начале 1930-х гг. были попытки решить вопросы о национальном образовании и в других областях РСФСР. Так, например, национальное отделение при Пермском педтехникуме было преобразовано в Пермский татаро-башкирский педтехникум¹¹. Однако этого было, к сожалению, недостаточно. Несколько национальных педтехникумов работали в Шадринске, Троицке, позднее – в Аргаяше и других пунктах Уральской области, а после её разделения – на территории Челябинской и Свердловской областей.

⁶ Социалистическое строительство Башкирии... С. 81–94.

⁷ Там же. С. 84.

⁸ Латыпов Р. Т. Указ. соч. С. 318–319.

⁹ Челябинская область. 1917–1945 гг. Сб. док. и мат... С. 117–118.

¹⁰ Там же. С. 323.

¹¹ Там же. С. 324.

¹ Григорьев Г. В. Местный бюджет... С. 68.

² Муртазин М. Л. Сочинения, выступления... С. 62–63.

³ Ергин Ю. В. У истоков университетского образования... С. 58–59.

⁴ Ергин Ю. В. Указ. соч. С. 58–61.

⁵ Труды Института истории... С. 116.

По данным на 17 января 1939 г. в СССР насчитывалось уже 72,4 % грамотных башкир (81,8 % мужчин и 63,7 % женщин), из них 80,8 % от 9 до 49 лет (88,6 % мужчин и 73,3 % женщин) и 31,7 % - 50 лет и старше (43,1 % мужчин и 23,4 % женщин)¹. А также лица, имеющие высшее образование, – 935 башкир-мужчин и 268 женщин; имеющие среднее образование – 20 853 башкира и 9 475 башкирок².

В городском населении всего в 1939 г. было 312 башкирских мужчин и 80 башкирских женщин, имеющих высшее образование, 11,3 % и 7,6 % соответственно. Наличие среднего образования выявлено у 4 033 башкир и 2 633 башкирок, где численно преобладает группа 25–29 лет, как у мужчин, так и у женщин³.

В сельском населении было 265 башкир и 76 башкирок, имеющих высшее образование (15,4 % и 15,6 % соответственно). В этом случае преобладают 30–39-летние мужчины и 25–29-летние женщины. Число башкир, имеющих среднее образование определялось 9 485 мужчинами и 4 858 женщинами (20,08 % и 19,17 % соответственно)⁴.

Национальный состав студентов и учащихся на 1 000 человек показывает, что в 1927 г. и 1940 г. в высших учебных заведениях обучалось 1,1 и 8,2 башкир соответственно. В средних специальных учебных заведениях – 13,7 и 37,3 башкира соответственно⁵. Цифры потрясающе малы.

Итак, культурная революция в корне изменила систему образования башкир, начиная со смены алфавита, заканчивая методиками преподавания. Ликвидация безграмотности (особенно взрослого населения), исследования в области прикладной лингвистики, открытие национальных школ, развитие национальной литературы явились поворотными вехами в культуре башкир. Однако значительный отход от дореволюционного уровня культуры, когда мусульманское население в своем большинстве читало, писало на родном языке, произошел в результате жесткого партийного контроля и целенаправленной политики государства, не учитывавшей дореволюционное образование нерусского населения, а также в результате идеологического диктата и унификации творчества в русле узкопартийной большевистской идеологии. Так, например, 15 декабря 1931 г. Башобком ВКП(б) принимает резолюцию «О развитии башкирского национального театра», которая положила начало «пролетарской классовой линии»

в искусстве республики, «беспощадной борьбе против реакционно-националистической тенденции», обернувшихся унификацией творческого облика театра, искоренением наиболее самобытных форм национального театра.

С одной стороны, культурная революция играла важную роль в подъеме грамотности всего населения, а также способствовала укреплению позиций технической и гуманитарной интеллигенции, необходимость в которой теперь ощущалась. Но в силу этого же развитие интеллигенции, источники ее пополнения, ее привлекенность к общественной жизни страны стали контролируются партийно-государственным аппаратом. Культурная революция способствовала зарождению новой интеллигенции, советской, а возможность обучения на родном языке породила среди башкирского населения тягу к знаниям. Однако это тенденция сочеталась с интернационализацией воспитания и политики, велась решительная борьба против «националистических тенденций» в вопросе о путях развития башкирской национальной культуры. Естественно, что и «новая» интеллигенция должна была, прежде всего, носить интернационалистский характер. С одной стороны, государство как бы дало интеллигенции возможность развиваться разносторонне и принять всестороннее участие в общественно-политической жизни страны, как на региональном, так и на общегосударственном уровне. С другой стороны, эта возможность должна была сочетаться с поддержкой интеллигенцией новых, советских устоев жизни. В годы репрессий именно интеллигенция – как авангард научной, творческой и технической мысли, народная совесть – подверглась гонениям, высылкам, расстрелам и дискриминации.

Таким образом, стремясь размыть границы общения и созидания между разными народами СССР, правительство в то же время устанавливало новые, «политико-идеологические» границы, что указывает на противоречивость «культурной революции» как в целом в государстве, так и в национальных регионах. Многие местные учреждения культуры содержались за счет добровольных отчислений населения, имели низкую зарплату, большую текучесть кадров, а многие виды культурно-просветительной работы выполнялись на общественных началах. Но задача привлечения в партийные органы и в среду рабочих представителей коренных национальностей была выполнена.

¹ Всесоюзная перепись населения 1939 года... С. 84.

² Там же. С. 86.

³ Население Башкирской АССР... С. 13–14.

⁴ Указ. соч. С. 15–16.

⁵ Народное хозяйство... С. 229.

Список литературы

1. Баишев, И. Н. Развитие школьного образования и особенности его реформирования в Башкортостане в 1917–1930 гг. : автореф. дис. ... канд. ист. наук / И. Н. Баишев. – Уфа, 1997.
2. Барсов, Н. Н. Грамотность населения БАССР (по данным переписи 1926 г.) / Н. Н. Барсов // Хозяйство Башкирии. – 1929. – № 1. – С. 147–151.
3. Всесоюзная перепись населения 1939 года: Основные итоги. – М.: Наука, 1992. – Табл. 19, 20.
4. Гаврилов, М. Г. Хозяйственные итоги / М. Г. Гаврилов // Хозяйство Башкирии. – Уфа, 1927. – № 1–2. – С. 5.
5. Григорьев, Г. В. Местный бюджет Башкирской республики на 1927–1928 гг. / Г. В. Григорьев // Хозяйство Башкирии. – Уфа, 1927. – № 1–2. – С. 68.
6. Ергин, Ю. В. У истоков университетского образования: очерки о предыстории Башкирского государственного университета / Ю. В. Ергин. – Уфа, 2004.
7. История башкирского народа. – Уфа: Гилем, 2009. – Т. 5.
8. История Башкортостана. 1917–1990-е годы. – Уфа: Гилем, 2004. – Т. 1.
9. Исхаков, С. М. Динамика жизненного уровня и перестройка сознания промышленных рабочих Башкирии в годы Гражданской войны (лето 1918–1920 гг.) / С. М. Исхаков // Реформы второй половины XVII–XX вв.: подготовка, проведение, результаты. – М., 1989.
10. Корнилов, Г. Е. Голод 1932–1933 гг. на Урале: факторы и масштабы / Г. Е. Корнилов. – URL: <http://dlib.eastview.com/browse/doc/22444090>. Дата обращения: 02.04.2015.
11. Культурное строительство в Башкирской АССР (1917–1941 гг.). – Уфа, 1985.
12. Латыпов, Р. Т. Национальная политика на Урале в 1920-е – первой половине 1930-х годов / Р. Т. Латыпов // Трагедия великой державы: Национальный вопрос и распад Советского Союза. – М., 2005. – С. 321.
13. Миронин, С. Тайны голода 30-х / С. Миронин. – URL: <http://stalinism.ru/kollektivizatsiya/taunyi-goloda-30-h.html>. Дата обращения: 02.04.2015.
14. Муртазин, М. Л. Сочинения, выступления / М. Л. Муртазин. – Уфа, 2009. – С. 62–63.
15. Народное хозяйство Башкирской АССР. – Уфа, 1967.
16. Население Башкирской АССР. По данным Всесоюзной переписи населения 1939 года. – Уфа, 1941. – Табл. 8.
17. Образование Башкирской Автономной Советской республики. – Уфа: Башкнижиздат, 1959.
18. Путин, В. В. Система образования должна строиться вокруг сильного, одаренного учителя / В. В. Путин. – URL: <http://минобрнауки.рф/новости/2916>. Дата обращения – 03.12.2014.
19. Рахматуллина, З. Р. Экономика и население провинции на закате Российской империи / З. Р. Рахматуллина. – Уфа: Гилем, 2007.
20. Сахаутдинов, Б. Специфические районы Башкирии / Б. Сахаутдинов // Хозяйство Башкирии. – Уфа, 1927. – № 1–2. – С. 36.
21. Соскин, В. Л. Советская культурная политика в Сибири (1917–1920-е годы): очерк социальной истории / В. Л. Соскин. – Новосибирск, 2007.
22. Социалистическое строительство Башкирии за пятнадцать лет. Экономико-статистический справочник. – М., 1934.
23. Толстых, В. И. Культурная революция / В. И. Толстых // Новая философская энциклопедия: в 4 т. – М.: Мысль, 2010.
24. Труды Института истории, языка и литературы Уфимского научного центра Российской академии наук. – Уфа, 2009. – Вып. 3. – С. 116.
25. Усманов, Н. В. Национальная политика большевиков в Автономной Башкирии (конец 20-х – 30-е годы XX века) / Н. В. Усманов // Трагедия великой державы: Национальный вопрос и распад Советского Союза. – М., 2005.
26. Хозяйство башкирии. – Уфа, 1928.
27. Челябинская область. 1917–1945 гг. – Челябинск, 1998.
28. Юлдашбаев, Б. Х. Башкиры и Башкортостан. XX век. Этностатистика / Б. Х. Юлдашбаев. – Уфа, 1995.

Сведения об авторе

Сабирова Зухра Рамилевна – кандидат исторических наук, старший научный сотрудник отдела новейшей истории Башкортостана Института истории, языка и литературы Уфимского научного центра Российской академии наук.

timerbulat2009@mail.ru

*Bulletin of Chelyabinsk State University. 2015. № 16 (371).
History. Issue 65. P. 51–60.*

«CULTURAL REVOLUTION» IN SOVIET RUSSIA: REGIONAL EXPERIENCE

Z. R. Sabirova

Candidate of Historical Sciences, Senior Researcher of the Department of Contemporary History of Bashkortostan Institute of History, Language and Literature, Ufa Scientific Center, Russian Academy of Sciences. imerbulat2009@mail.ru

Transformations in the cultural sphere are always a mirror of social and political transformations of any state. In this respect the “cultural revolution” in Soviet Russia in the 1920-30s is revealing. Problems of the development of this important sector of society is always of great interest to researchers, which feeds occasionally on periodically occurring national, political, and religious conflicts in the post-Soviet space. This is especially true of national regions. The article focuses on the problems of education among non-Russian peoples of the Urals in the first Soviet 20th anniversary, as it is the education system that provides the foundation of knowledge and understanding, skills and behavior of man, which he uses throughout his life. The author argues that the processes of “cultural revolution” of the Bashkirs generally reflect problems, also typical for other non-Russian peoples during the “cultural revolution”, and its results.

Keywords: cultural revolution; education system; Ural; Bashkirs; BASSR (Bashkir Autonomous Soviet Socialist Republic).

References

1. Baishev I.N. *Razvitie shkol'nogo obrazovaniya i osobennosti ego reformirovaniya v Bashkortostane v 1917–1930 gg.* [Development of school education and features of its reform in Bashkortostan in 1917–1930]. Ufa, 1997. (In Russ.).
2. Barsov N.N. Gramotnost' naseleniya BASSR (po dannym perepisi 1926 g.) [Literacy of BASSR population (according to the Census of 1926)]. *Hozjajstvo Bashkirii* [The Economy of Bashkiria], 1929, no. 1, pp. 147–151. (In Russ.).
3. *Vsesojuznaya perepis' naseleniya 1939 goda: Osnovnye itogi* [All Union Population Census of 1939: Main Results]. Moscow, Nauka Publ., 1992. Tabl. 19, 20. (In Russ.).
4. Gavrilov M.G. Hozjajstvennye itogi [Economic results]. *Hozjajstvo Bashkirii* [The Economy of Bashkiria], 1927, no. 1–2, p. 5. (In Russ.).
5. Grigor'ev G.V. Mestnyj bjudzhet Bashkirskoj respubliki na 1927–1928 gg. [Local budget of the Bashkir Republic in 1927–1928]. *Hozjajstvo Bashkirii* [The Economy of Bashkiria], 1927, no. 1–2, p. 68. (In Russ.).
6. Ergin Ju.V. *U istokov universitetskogo obrazovaniya: Ocherki o predystorii Bashkirskogo gosudarstvennogo universiteta* [The origins of University education: Essays on the prehistory of Bashkir State University]. Ufa, 2004. (In Russ.).
7. *Istorija bashkirskogo naroda* [The history of the Bashkir people]. Ufa, Gilem, 2009, vol. 5. (In Russ.).
8. *Istorija Bashkortostana. 1917–1990-e gody* [The History Of Bashkortostan. 1917–1990], vol. 1. Ufa, Gilem Publ., 2004. (In Russ.).
9. Ishakov S.M. Dinamika zhiznennogo urovnja i perestrojka soznaniya promyshlennyh rabochih Bashkirii v gody Grazhdanskoj vojny (leto 1918–1920 gg.) [Standard of living changes and restructuring of the consciousness of the industrial workers of Bashkortostan in the Civil War (summer 1918–1920)]. *Reformy vtoroj poloviny XVII–XX v.: podgotovka, provedenie, rezul'taty* [The reforms of the second half of XVII–XX century: preparation, conduct, results]. Moscow, 1989. (In Russ.).
10. Kornilov G.E. *Golod 1932–1933 gg. na Urale: faktory i masshtaby* [The famine of 1932–1933 in the Urals: the factors and scales]. Available at: <http://dlib.eastview.com/browse/doc/22444090>, accessed 02.04.2015. (In Russ.).
11. *Kul'turnoe stroitel'stvo v Bashkirskoj ASSR (1917–1941 gg.)* [Cultural construction in the Bashkir ASSR (1917–1941)]. Ufa, 1985. (In Russ.).

12. Latypov R.T. Nacional'naja politika na Urale v 1920-e – pervoj polovine 1930-h godov [National policy in the Urals in the 1920s – the first half of the 1930s]. *Tragedija velikoj derzhavy: Nacional'nyj vopros i raspad Sovetskogo Sojuza* [The tragedy of the great power: the national question and the collapse of the Soviet Union]. Moscow, 2005. P. 321. (In Russ.).

13. Mironin S. *Tajny goloda 30-h* [Secrets of the famine of the 1930s]. Available at: <http://stalinism.ru/kollektivizatsiya/taynyi-goloda-30-h.html>, accessed 02.04.2015. (In Russ.).

14. Murtazin M.L. *Sochinenija, vystuplenija* [Composition, performance]. Ufa, 2009. Pp. 62–63. (In Russ.).

15. *Narodnoe hozjajstvo Bashkirskoj ASSR* [The economy of the Bashkir ASSR]. Ufa, 1967. (In Russ.).

16. *Naselenie Bashkirskoj ASSR. Po dannym Vsesojuznoj perepisi naselenija 1939 goda* [The population of the Bashkir ASSR. According to the Soviet census of 1939]. Ufa, 1941. Tabl. 8. (In Russ.).

17. *Obrazovanie Bashkirskoj Avtonomnoj Sovetskoj respublikii* [Education Bashkir Autonomous Soviet Republic]. Ufa, Bashknizhizdat Publ., 1959. (In Russ.).

18. Putin V.V. *Sistema obrazovanija dolzhna stroit'sja vokrug sil'nogo, odarennogo uchitelja* [The education system should be built around strong, gifted teachers]. Available at: <http://minobrnauki.rf/novosti/2916>, accessed 03.12.2014. (In Russ.).

19. Rahmatullina Z.R. *Jekonomika i naselenie provincii na zakate Rossijskoj imperii* [The economy and population of the province at sunset of the Russian Empire]. Ufa, Gilem Publ., 2007. (In Russ.).

20. Sahautdinov B. *Specificheskie rajony Bashkirii* [Specific areas of Bashkiria]. *Hozjajstvo Bashkirii* [The Economy of Bashkiria], 1927, no. 1–2, p. 36. (In Russ.).

21. Soskin V.L. *Sovetskaja kul'turnaja politika v Sibiri (1917–1920-e gody): ocherk social'noj istorii* [Soviet cultural policy in Siberia (1917–1920-ies): social history Essay]. Novosibirsk, 2007. (In Russ.).

22. *Socialisticheskoe stroitel'stvo Bashkirii za pjatnadcat' let* [Socialist construction of Bashkiria in fifteen years]. Moscow, 1934. (In Russ.).

23. Tolstyh V.I. *Kul'turnaja revoljucija* [Cultural revolution]. *Novaja filosofskaja jenciklopedija* [New encyclopedia of philosophy]. Moscow, Mysl' Publ., 2010 (In Russ.).

24. *Trudy Instituta istorii, jazyka i literatury Ufimskogo nauchnogo centra Rossijskoj akademii nauk* [Transactions of the Institute of history, language and literature, Ufa scientific center, Russian Academy of Sciences], iss. 3. Ufa, 2009. P. 116. (In Russ.).

25. Usmanov N.V. Nacional'naja politika bol'shevikov v Avtonomnoj Bashkirii (konec 20-h – 30-e gody XX veka) [The national policy of the Bolsheviks in the Autonomous Bashkortostan (late 20-ies and 30-ies of XX century)]. *Tragedija velikoj derzhavy: Nacional'nyj vopros i raspad Sovetskogo Sojuza* [The tragedy of the great power: the national question and the collapse of the Soviet Union]. Moscow, 2005. (In Russ.).

26. *Hozjajstvo bashkirii* [The Economy of Bashkiria]. Ufa, 1928. (In Russ.).

27. *Cheljabinskaja oblast'. 1917–1945 gg.* [Chelyabinsk region. 1917–1945]. Chelyabinsk, 1998. (In Russ.).

28. Juldashbaev B.H. *Bashkiry i Bashkortostan. XX vek. Jetnostatistika* [Bashkirs and Bashkortostan. XX century. Ethnostatistica]. Ufa, 1995. (In Russ.).

УДК 75.03
ББК 85.118

И. Г. Малкова

ПРОМЫШЛЕННЫЕ ГОРОДА УРАЛА: ОПЫТ РЕГУЛИРОВАНИЯ ГРАДОСТРОИТЕЛЬНОГО РАЗВИТИЯ (1940–1950-е годы)

На основе разноплановых источников и привлечения архивного материала рассматривается исторический опыт регулирования развития городов, роль центральных организаций и местных органов управления в решении проблем послевоенного градостроительства. На конкретном историческом опыте городов Урала раскрываются актуальные вопросы формирования городского пространства, нормотворческо-регламентирующая деятельность Комитета по делам архитектуры при Совете народных комиссаров СССР, усилия по преодолению противоречий между идеалом «советского» «города-ансамбля» и фактическим «поселковым» характером развития промышленных городов Урала.

Ключевые слова: послевоенное градостроительство; города Урала; середина XX в.

Градостроительство послевоенного периода, породившее пространственную среду, характерную для большинства городов России и Урала, до сих пор по-настоящему не стало объектом исторического изучения. Целью данной работы является исследование роли центральных организаций и местных органов управления в решении проблем послевоенного градостроительства. Работа выполнена на основе привлечения разноплановых источников и материалов Российского государственного архива экономики (фонд Комитета по делам архитектуры при СНК СССР), Центрального государственного архива научно-технической документации и архива института Ленгипрогор (ныне институт урбанистики).

Нижней хронологической границей исследования предлагается считать 1943 г., когда было принято решение о создании Комитета по делам архитектуры при Совете народных комиссаров СССР. Исследование завершается концом 1950-х гг., так как к этому времени завершилось формирование системы регулирования градостроительного развития городов, функционировавшей практически без изменений до конца советского исторического периода.

Проблемы градорегулирования в городах Урала и подходы к их решению рассмотрены в контексте общего развития управления отечественным градостроительством в исследуемый период. При изучении отмеченных выше источников были использованы методологические принципы системного и сравнительного анализа и исторических аналогий. В центре внимания оценка характера и степени влияния управленческих воздействий на архитектурно-градостроительное

развитие городов, конкретных решений, степеней их воплощения и полученных результатов.

Данная тема пока не получила достаточного освещения в научной литературе¹.

В 1930-е гг. сохранялась значительная неопределенность с субъектами градорегулирования на общесоюзном уровне, не был создан орган, способный компетентно руководить планировкой и застройкой городов. В 1929 г. в Ленинграде был организован институт «Проектгражданстрой» с подчинением Министерству коммунального хозяйства РСФСР. В 1930 г. институт «Проектгражданстрой» был реорганизован в самостоятельный государственный трест по планировке населенных мест и проектировании государственного гражданского строительства «Гипрогор»². В 1935 г. был введен пост Главного государственного контролера РСФСР по строительству и аналогичные должности в крупных городах³.

В 1943 г. был создан Комитет по делам архитектуры при СНК СССР, призванный осуществлять послевоенное восстановление и реконструкцию городов. В 1944 г. было принято «Положение о главных архитекторах городов», в котором главным архитекторам предписывалось сосредотачивать все проектные работы на местах, создавать архитектурно-планировочные мастерские, отвечать за качество градостроительных решений и их воплощение в натуре. Выполнение решения контролировалось, прежде всего, в областных центрах. Что касается остальных

¹ Опыт исторического исследования отечественного градостроительного законодательства представлен в монографии Вайтенс А. Г., Косенкова Ю. Л. Развитие правовых основ...

² ЦГАНТД. Ф. 46. Оп. 3–7. Предисловие. С. 3.

³ Вайтенс А. Г. Развитие правовых основ...

городов, то даже через 20 лет (данные 1965 г.) должность главного архитектора города была установлена только в 580 городах (из 1806 городов, то есть в 32 % городов). Фактически должности главного архитектора были замещены в 425 городах¹. Многие главные архитекторы не имели необходимого образования, стажа работы и квалификации².

Согласно исследованиям Ю. П. Косенковой, важнейшей для всей истории архитектуры советской эпохи была тема идеального города будущего³. В 1947 г. для главных архитекторов городов было составлено краткое руководство «Планировка и застройка города»⁴. Города по своему хозяйственно-политическому назначению были разделены на группы: административно-политические центры, города ясно выраженного промышленного профиля и города приморские, курортные.

Согласно данному руководству, промышленные города должны раскрывать в своем художественном облике «ведущую тему заботы о советском человеке, отдающем свой труд родине и народу». Особое значение должны иметь магистрали, соединяющие центральные ансамбли города с его главными промышленными районами, они должны стать парадно застроенными привлекательными улицами. Были даны конкретные рекомендации: «предзаводские площади не должны быть мрачными и безликими», «жилым районам промышленного города должен быть придан радостный облик, проникнутый чувством большой заботы о человеке», «следует избегать излишней протяженности жилых улиц во избежание их архитектурного однообразия»⁵.

Особо отмечалось, что «совершенно недопустимо строительство в городах временных бараков и сооружений для размещения строительных рабочих непосредственно на строительных площадках»⁶.

В послевоенный период (1940-е гг.) из всех городов Урала особое внимание Комитет по делам

архитектуры уделял Магнитогорску⁷ и Нижнему Тагилу⁸. На примере этих городов была сделана попытка создать «правильный» город. В данном исследовании на примере третьих-четвертых городов промышленных областей Урала (Златоуст, Миасс, Каменск-Уральский) посмотрим, что из декларируемого удалось воплотить в реальности.

Проект планировки г. Златоуста был впервые разработан в 1939 г., но не был утвержден в связи с началом Великой Отечественной войны. До 1944 г. специального учреждения, ведающего вопросами строительства и архитектуры, в Златоусте не существовало, затем был создан отдел главного архитектора. С октября 1944 г. его руководителем (по совместительству) был главный инженер городского коммунального хозяйства П. А. Сибрин. В связи с увеличением объемов строительства 18 мая 1945 г. была образована самостоятельная структурная единица – управление главного архитектора Златоуста и первым главным архитектором города утверждается П. А. Сибрин⁹.

Ввиду изменений, происшедших за годы Великой Отечественной войны, освоения новых территорий и отступлений от принятых ранее архитектурно-планировочных решений, была произведена корректировка генерального плана и в городскую черту включены земли Нового Златоуста. Но уже к 1952 г. площадь города увеличилась более чем в два раза (от 38 кв. км до 85 кв. км) и вновь потребовался пересмотр плана города.

Таким образом, практически бесконтрольная строительная деятельность промышленных ведомств приводила к неисполнению и частому пересмотру многих положений генеральных планов.

Город Каменск-Уральский вплоть до 1948 г. не имел генерального плана, застраивался хаотично, в угоду производственным интересам. В результате жилые массивы и предприятия оказались рассредоточенными на большой территории (протяженность с запада на восток около 30 км). Часть жилой застройки в городе оказалась в зонах вредного влияния производственных выбросов.

Показательны материалы Госархстройконтроля по результатам обследования качества строительства в г. Каменск-Уральске за 1950 г. Многие нарушения, которые были выявлены по результатам проверки в городе, привели к отстранению от работы ст. инженера-инспектора Госархстройконтроля города Каменск-Уральского М. Н. Позднякова. Также было отмечено, «что он,

¹ РГАЭ. Ф. 5. Оп. 1. Д. 501. Л. 46.

² Из общего количества главных архитекторов городов высшее архитектурное образование имели 189 человек (44 %); высшее инженерно-строительное образование имели – 139 человек (33 %); средне-техническое образование имели – 100 человек (23 %). По стажу практической работы лишь 70 главных архитекторов (16 %) имели стаж работы 10 лет, 102 главных архитекторов (24 %) не имели даже трехлетнего практического стажа.

³ Косенков Ю. Л. Советский город...

⁴ РГАЭ. Ф. 9432. Оп. 1. Д. 296. 69 л.

⁵ РГАЭ. Ф. 9432. Оп. 1. Д. 296. Л. 15.

⁶ РГАЭ. Ф. 9432. Оп. 1. Д. 296. Л. 42.

⁷ РГАЭ. Ф. 9432. Оп. 1. Д. 218, 219, 363, 374.

⁸ РГАЭ. Ф. 9432. Оп. 1. Д. 224.

⁹ Попова О. В., Кузнецов С. Н. Архитектура Златоуста...

несмотря на неоднократные требования о предоставлении диплома об окончании института, не представил никаких документов об образовании, дающих право на исполнение обязанностей инженера-инспектора. Все инженерно-технические работники строительных трестов заводов единодушно отзываются о нем, как о безграмотном в техническом отношении работнике»¹.

Также постфактум создается генеральный план застройки г. Миасса. Еще в 1939 г. в 12 км от города было начато строительство шарикоподшипникового завода. В сжатые сроки были возведены моторный и инструментальный цехи, здание электростанции. В 1942 г. на этой базе начал работу автомоторный завод, с февраля 1943 г. – автомобильный. Обособленно в годы войны развивались еще несколько поселков, которые сложились при промышленных предприятиях (пос. Динамо, Мелентьевка, Первомайский, Дачный, Строителей).

Для размещения эвакуированных, прибывших с оборудованием заводов, сооружалось временное жилье. В 1942 г. было построено 3 деревянных дома и 4 барака. В 1945 г. улица, целиком состоявшая из бараков, получила название Победы.

В мае 1946 г. в город Миасс приезжал автор проекта «Большого Миасса» Р. И. Друбецкий, архитектор института «Ленгорпроект». Предусматривалась застройка площади от автозавода до старой части города с возведением многоэтажных домов с широкими благоустроенными улицами и густой сетью трамвайных путей.

Городская газета не жалела слов, рисуя будущий прекрасный город: «Выходим из ворот центральной проходной автозавода. Как стрела протянулся проспект им. Сталина. Рядом с заводоуправлением расположены советские учреждения, театр, кино, лечебные учреждения, детские сады, ясли, школы. Береговая полоса пруда и реки Миасс совершенно изменятся. Они оденутся в бетон. Где стоят старые деревянные халупки, будут широкие площади, обустроенные красивые зданиями»².

В 1940-е гг. в генеральных планах городов особое внимание было уделено зданиям театра. Так, в экспертном заключении по планировке города Нижнего Тагила (1947 г.) отмечено, что в проекте В. Г. Гельфрейха вызывает «возражение трактовка центральной площади, предусматривающая центральное расположение Дома Союзов, не имеющего ведущего значения и удаленное

рассмотрение театра, являющегося первоочередным объектом»³. Но здание театра так и не было построено в Миассе⁴.

В 1946 г. в Миассе было сдано 20 тыс. кв. м жилья, была построена первая капитальная двухэтажная школа (здание с массивными колоннами, в строительстве которого участвовали военнопленные), велось строительство капитальных домов на центральной улице (ныне пр. Автозаводцев), возведены 4 двухэтажных дома из бруса (для приезжих специалистов), проезжую часть мостили булыжником.

В 1949 г. Комитет по делам архитектуры был ликвидирован. «В связи с ростом городского строительства, необходимостью обеспечить государственное руководство делом планирования и застройки городов и в целях внедрения передовой техники в городское строительство 1 июня 1949 г. Указом Президиума Верховного Совета СССР было образовано Министерство городского строительства СССР»⁵. Уже через 5 лет данное Министерство было преобразовано в Министерство городского и сельского строительства СССР.

Подобные преобразования, «министерская чехарда», утрата градорегулирующих ориентиров и приоритетов привела к тому, что конкретно в Миассе проект «Большой Миасс» осуществлен не был. Вместо развития города в южном направлении и соединения исторической части города и района автомобильного завода в 1950-е гг. формируется новый район города.

В конце 1940-х – начале 1950-х гг. столкновение двух государственных систем застройки городов – через управленческие архитектурно-градостроительные органы и через систему ведомств – приобрело особенно обостренный характер.

В архиве Государственного ракетного центра (ГРЦ) хранится несколько проектов застройки северной части города Миасса. Первый проект был разработан еще в 1951 г. – проект поселка «А». Предполагалось построить его 4–5 этажными домами; кроме того, планировалось 500 домов индивидуальной застройки. В 1954 г. было решение об экономической нецелесообразности заселения северного района Миасса, предполагалось людей расселить в центральной части города.

Второй проект был разработан под строительство завода по производству ракет и ракетных двигателей в 1956 г. Этот проект предусматривал

¹ РГАЭ. Ф. 9510. Оп. 1. Д. 343. Л. 82.

² Завтрашний день Миасса // Миас. рабочий. 1949. 3 нояб. С. 1.

³ РГАЭ. Ф. 9432. Оп. 1. Д. 224. Л. 12.

⁴ См. Малкова И. Г. Города промышленного Урала... С. 162–163.

⁵ РГАЭ. Ф. 9510. оп. 1. Предисловие. Л. 2.

строительство поселка на 80 тысяч человек, 10 % которых должны были проживать в индивидуальном секторе, остальные – в многоквартирных домах. Отведенная по этому проекту площадь – 685 га. На этой территории предусмотрено было также строительство театра, завода фруктовых вод, двух кинотеатров, молокозавода.

В 1958 г. на уже подготовленной стройплощадке несостоявшегося завода по производству ракет и ракетных двигателей решено было разместить СКБ-385 (ныне ГРЦ).

В 1960 г. уже московский институт Гипрогор выполнил новый проект жилого поселка на 45 тысяч жителей. По новому проекту уже половина жителей городка машиностроителей должна была проживать в 4-этажных домах, остальные – в 5-этажных. Территория была разделена не на микрорайоны, а на кварталы. От малоэтажной застройки отказались. Этот проект и был взят за основу¹.

Таким образом, послевоенная профессиональная архитектурно-градостроительная деятельность опиралась на неэффективную организационно-управленческую систему. И даже осознавая серьезные проблемы существующей системы планировки и застройки городов, основные усилия вкладывались в нормотворческую работу по созданию типовых проектов. Фактически, в конце 1940-х гг. государство при формальном

¹ Под покровом Ильмен... С. 108.

сохранении старых формулировок, касающихся целостной застройки городских ансамблей и благоустройства городов, ввело новую парадигму градостроительства – строительно-технологическую. Бурное промышленное развитие и отсутствие градорегулирующих ориентиров серьезно изменило пространство уральского города.

Список литературы

1. Вайтенс, А. Г. Развитие правовых основ градостроительства в России XVIII – начала XXI веков: опыт исторического исследования / А. Г. Вайтенс, Ю. Л. Косенкова. – Обнинск, 2006. – 528 с.
2. Косенкова, Ю. Л. Советский город 1940-х – первой половины 1950-х гг. От творческих поисков к практике строительства / Ю. Л. Косенкова. – М.: УРСС, 2000. – 378 с.
3. Малкова, И. Г. Города промышленного Урала: трансформация культурного пространства (вторая половина XX века) / И. Г. Малкова. – Екатеринбург; Челябинск: Издат. центр ЮУрГУ, 2013. – 249 с.
4. Под покровом Ильмен. Страницы истории Машгородка. – Миасс: Геотур, 1999. – 272 с.
5. Попова, О. В. Архитектура Златоуста / О. В. Попова, С. Н. Кузнецов // Энциклопедия Челябинской области. – Челябинск: Камен. пояс, 2004. – Т. 2. – С. 448.

Сведения об авторе

Малкова Ирина Геннадьевна – кандидат исторических наук, доцент, Южно-Уральский государственный университет, филиал в г. Миассе.
malkovaig@mail.ru

*Bulletin of Chelyabinsk State University. 2015. № 16 (371).
History. Issue 65. P. 61–65.*

INDUSTRIAL CITIES OF THE URALS: AN EXPERIENCE OF CITY DEVELOPMENT REGULATION IN THE 1940S–1950S

I. G. Malkova

Ph. D. in History, Associate Professor, South Ural State University, Miass Branch. malkovaig@mail.ru

The article describes the historical experience of city development regulation on the basis of archives and other historical materials. The role of central organizations and local authorities in solution to the problems of postwar planning is also highlighted. Sharp problems of city space formation, legislation and regulation of The Committee of Architecture under The Council of People's Commissars are described on the basis of historical experience. Moreover, the author shows attempts to overcome contradictions between the ideal of «Soviet» «city ensemble» and the real way of development of industrial cities of the Ural as settlements.

Keywords: *postwar urban planning, Ural cities, mid-XX century.*

References

1. Vaytens A.G., Kosenkova Yu.L. *Razvitiye pravovykh osnov gradostroitel'stva v Rossii XVIII – nachala XXI vekov: opyt istoricheskogo issledovaniya* [Development of the Legal Platform of Urban Development in Russia in XVIII – early XXI century. An Essay on Historical Research]. Obninsk, 2006. 528 p. (In Russ.).
2. Kosenkova Yu.L. *Sovetskiy gorod 1940-kh – pervoy poloviny 1950-kh godov: ot tvorcheskikh poiskov k praktike stroitel'stva* [Soviet City of the 1940s – early 1950s: from Creativity to Building Practice]. Moscow, Editorial URSS Publ., 2000. 378 p. (In Russ.).
3. Malkova I.G. *Goroda promyshlennogo Urala: transformatsiya kul'turnogo prostranstva (vtoraya polovina XX veka)* [Cities of Industrial Ural: Transformation of Cultural Space (Late XX century)]. Ekaterinburg; Chelyabinsk, 2013. 249 p. (In Russ.).
4. *Pod pokrovom Il'men. Stranitsy istorii Mashgorodka* [Under the Cover of Il'men Mountains. Chapters of History of Mashgorodok]. Miass, Geotur Publ., 1999. (In Russ.).
5. Popova O.V., Kuznetsov S.N. *Arkhitektura Zlatoustu* [Architecture of Zlatoust]. *Entsiklopediya Chelyabinskoy oblasti* [Encyclopedia of Chelyabinsk Region], vol. 2. Chelyabinsk, Kamenny poyas Publ., 2004. P. 448. (In Russ.).

УДК 94(47).084.8(470.55)
ББК 63.3(2)6(235.55)

А. В. Сушков, А. В. Береза

СВАСТИКА НА БАШНЯХ МОСКОВСКОГО КРЕМЛЯ: К ИСТОРИИ ОДНОЙ ПУБЛИКАЦИИ В ГАЗЕТЕ «ЧЕЛЯБИНСКИЙ РАБОЧИЙ» В 1951 ГОДУ

Небывалый ажиотаж среди населения Челябинской области, массу слухов и домыслов вызвал фотоснимок, опубликованный в одном из номеров газеты «Челябинский рабочий» в 1951 г. На нем вместо звезды на башне Московского Кремля виднелся небольшой крестик, напоминавший фашистскую свастику. Тщательное расследование, проведенное органами госбезопасности, не выявило чего-либо злого умысла. Тем не менее разразившийся скандал не только был способен парализовать работу издательства и типографии, но и представлял реальную угрозу для местного партийно-государственного руководства.

Ключевые слова: А. Б. Аристов; газета «Челябинский рабочий»; Л. Д. Константиновский; партийно-государственная система власти; г. Челябинск.

Областная газета в период позднего сталинизма играла значительную роль не только в общественно-политической жизни региона, но и в повседневной жизни советских граждан. На ее критические выступления вынуждены были реагировать руководящие работники местных комитетов ВКП(б), исполнительных органов власти, руководители действовавших в области самых различных предприятий, учреждений и ведомств. Нередко по итогам разбирательств «летели» руководящие головы, порой случалось, что «выведенные» в газетных статьях персонажи становились фигурантами уголовных дел. Статья, посвященная доселе никому не известному «простому советскому труженику», мгновенно делала его знаменитым на всю область. И даже обыкновенный технический брак в газете мог вызвать небывалый ажиотаж среди населения с бурным обсуждением этого «события».

В 1951 г. исполнялось тридцать лет со дня выхода первого номера газеты «Челябинский рабочий» – главной областной газеты, органа Челябинского обкома ВКП(б). Незадолго до юбилейной даты, в начале октября 1950 г., первый секретарь обкома партии Аверкий Борисович Аристов подписал постановление бюро обкома с ходатайством перед ЦК ВКП(б) об увеличении периодичности выхода областной газеты с пяти до шести номеров в неделю¹. Просьбу руководство обкома партии мотивировало тем, что

в Челябинскую область центральные газеты доставлялись только на третий-четвертый день, а областная газета, выходящая пять раз в неделю, не имела возможности своевременно информировать население области о происходивших в стране и за рубежом событиях. Подстегивал Челябинский обком партии и тот факт, что многие региональные газеты крупных областей – Ростовской, Горьковской, Куйбышевской, Саратовской, а также отдаленных Кемеровской и Иркутской областей, Алтайского и Хабаровского краев – к тому времени издавались периодичностью шесть номеров в неделю. Аналогичную «привилегию» для себя получила газета северного соседа – орган Свердловского обкома ВКП(б) «Уральский рабочий»². Так что увеличение периодичности своей главной газеты стало для Челябинского обкома в некотором смысле вопросом престижа.

Отдел пропаганды и агитации ЦК ВКП(б), куда на заключение поступило постановление бюро Челябинского обкома, возражать не стал и даже заручился согласием Госснаба СССР на выделение для этих целей дополнительных 120 тонн газетной бумаги в год. Положительное заключение замзавотделом ЦК Л. А. Слепов направил своему непосредственному начальнику – секретарю ЦК ВКП(б) и одновременно заведующему этим отделом М. А. Суслову. В итоге в ноябре Секретариат ЦК ВКП(б) своим постановлением дал добро Челябинскому обкому партии на увеличение с января 1951 г. периодичности «Челябинского рабочего» до шести номеров в неделю³.

¹ Российский государственный архив социально-политической истории (далее – РГАСПИ). Ф. 17. Оп. 119. Д. 130. Л. 52; Объединенный государственный архив Челябинской области (далее – ОГАЧО). Ф. П-288. Оп. 15. Д. 12. Л. 5.

² РГАСПИ. Ф. 17. Оп. 119. Д. 130. Л. 51.

³ Там же. Л. 50–51.

А в начале января на стол А. Б. Аристову лег проект постановления бюро обкома «О 30-летию газеты «Челябинский рабочий»». По случаю круглой даты проектом предусматривалось проведение Челябинским горкомом ВКП(б) совместно с редакцией газеты общегородского собрания и выпуск специального номера газеты. Оставив без изменений вторую часть проекта постановления о выпуске спецномера, Аверкий Борисович чернилами внес правки в первую – повысил статус собрания с городского до областного, сняв при этом с горкома исключительную ответственность за его проведение, а докладчиком предложил утвердить редактора газеты Льва Давидовича Константиновского. Члены бюро согласились с предложением первого секретаря, завизировав проект, после чего постановление считалось принятым путем опроса¹. Празднование тридцатилетия газеты по воле Аристову становилось важным идеологическим мероприятием областного масштаба, и отметить это событие предстояло с большим размахом. Однако праздничное настроение работников «Челябинского рабочего», да и партийного руководства области бесследно исчезло вслед за выходом в свет одного из рядовых номеров газеты.

В январе 1951 г. в СССР отмечалась 27-я годовщина со дня смерти В. И. Ленина. Из ЦК ВКП(б) на места была спущена директива – всем газетам широко осветить «жизнь и деятельность Владимира Ильича Ленина – основателя и руководителя великой партии большевиков и советского государства, вождя и учителя трудящихся всего мира». Бюро Челябинского обкома партии традиционно «предложило» редакторам областных, городских и районных газет выпустить 21 января специальные номера, посвященные этому событию².

Как и предписывалось постановлением бюро обкома, 21 января «Челябинский рабочий» вышел под заголовками: «Под знаменем Ленина, под водительством Сталина – вперед, к победе коммунизма!», «Советский народ свято чтит память В. И. Ленина», «Мы побеждаем под знаменем великого Ленина». Первая страница следующего номера «Челябинского рабочего» за 22 января 1951 г. была посвящена состоявшимся накануне торжественно-траурным мероприятиям. Внизу страницы расположилась небольшая тассовская статья «У мавзолея Ленина», проиллюстрированная традиционным для тех лет снимком с изображением длинной очереди, растянувшейся вдоль

Красной площади к мавзолею. Но не мавзолей, а вид Спасской башни Кремля привлек внимание многочисленных читателей газеты. Разглядывая изображение, многие с удивлением заметили, что на месте рубиновой звезды, венчавшей башню, еле виднеется небольшой крестик, напоминавший фашистскую свастику.

Новость о напечатанной в «Челябинском рабочем» свастике стремительно разлетелась по Челябинску и области. «Впоследствии это получило широкую огласку и послужило поводом к различным кривотолкам», – констатировало спустя месяц в своем постановлении бюро Челябинского обкома ВКП(б). Все жители, и стар и млад, стремились воочию убедиться в достоверности слухов и увидеть неожиданно ставший знаменитым номер газеты. Об иллюстрации в газете судачили рабочие и служащие, школьники и пенсионеры³.

Возмущенные жители принялись сигнализировать об увиденном и услышанном в партийные инстанции, требуя разобраться в небрежности редакции газеты и изъять номер. Некоторые, отвечая на призыв партийной пропаганды не снижать уровень политической бдительности, уже стали придавать случившемуся политический окрас. «Это не только просто ошибка, – писал в заявлении на имя А. Б. Аристову один из жителей Челябинска член ВКП(б) С. П. Подрезов, – а ошибка, имеющая политическое значение». Другие пошли еще дальше и в искажении снимка разглядели происки врагов народа. «Как могло получиться, чтобы враги народа использовали страницы газеты в своих гнусных целях», – негодовал анонимный заявитель в письме к А. Б. Аристову и просил принять необходимые меры⁴.

Если в оценке произошедшего среди населения области имелись некоторые расхождения, то в одном мнения всех без исключения авторов заявлений совпадали: виновного (а возможно, врага) нужно искать в стенах редакции газеты «Челябинский рабочий». Учитывая же то обстоятельство, что газета являлась органом Челябинского обкома партии, а ее ответственный редактор – членом обкома ВКП(б), поиск виновных без особого труда мог перекинуться на партийно-государственное руководство области.

Первый сигнал в Управление Министерства государственной безопасности СССР по Челябинской области поступил на следующий день после выхода газеты – 23 января. По этому фак-

¹ ОГАЧО. Ф. П-288. Оп. 15. Д. 12. Л. 21.

² Там же. Л. 5–6.

³ У мавзолея Ленина // Челяб. рабочий. 1951. 22 янв.; ОГАЧО. Ф. П-288. Оп. 42. Д. 42. Л. 30, 38–39.

⁴ ОГАЧО. Ф. П-288. Оп. 42. Д. 42. Л. 38–39.

ту сотрудники госбезопасности незамедлительно приступили к расследованию.

Следственные мероприятия чекисты начали с изъятия и тщательного изучения всех трех клише, с которых печатался тираж газеты, и самого фотоснимка, присланного ТАСС и отретушированного художником газеты «Челябинский рабочий», по которому было изготовлено клише. Экспертиза установила, что на всех трех клише, с которых печаталась иллюстрация, вместо звезды на башне Кремля виден крест. Каких-либо повреждений или подчисток на клише обнаружено не было. Не было выявлено злого умысла и при исследовании фотоснимка под микроскопом: ретушь по краям звезды, хоть и была наложена грубо ввиду ее малого размера, форму самой звезды не искажила.

На этом оперативники не успокоились и в целях выявления возможных нарушений технологии изготовления клише инициировали следственный эксперимент, в ходе которого с фотоснимка было изготовлено новое клише тех же размеров. Для проведения эксперимента пригласили специалиста, никак не связанного с «Челябинским рабочим». Однако и здесь эмгэбэшников вновь ожидало разочарование: на экспериментальном клише получилось аналогичное искажение кремлевской звезды. В итоге экспертиза пришла к заключению, что «искажение явилось следствием малого размера звезды на оригинале фотоснимка, грубой ретуши граней звезды, наложенной черной тушью, и уменьшения оригинала фотоснимка в 1,6 раза при изготовлении клише»¹. Почему работа ретушера, несмотря на отсутствие доказательств, все же была признана одной из причин искажения снимка, будет сказано ниже.

Последние события не отменили проведение торжественных мероприятий в связи с 30-летием газеты: они пришлись на самый разгар следствия по «делу о свастике». 11 февраля 1951 г. вышел специальный праздничный номер газеты. Редакция получила поздравления от коллег из Свердловска, Перми, Кургана, Чкалова, Уфы и Кеморова². Но настроение, царившее в редакции и типографии «Челябинского рабочего», было далеко не праздничным.

Установив, что искажение не являлось результатом действий злоумышленников, а было

¹ ОГАЧО. Ф. П-288. Оп. 42. Д. 42. Л. 33–34.

² От редакции газеты «Уральский рабочий» // Челяб. рабочий. 1951. 11 фев.; От редакции газеты «Звезда» // Там же; От редакции газеты «Кузбасс» // Там же; От редакции газеты «Красный Курган» // Там же; От редакции газеты «Красная Башкирия» // Там же; От редакции газеты «Чкаловская коммуна» // Там же.

обусловлено простым стечением обстоятельств, сотрудники госбезопасности принялись за выявление тех, кто по должности должен был заметить брак и предпринять соответствующие меры, но этого не сделал. Вот здесь недостатка в виновных не было, и все они были аккуратно перечислены в справке о результатах проведенного расследования, направленной начальником Управления МГБ по Челябинской области полковником Е. В. Рудаковым в обком ВКП(б) на имя А. Б. Аристова. Как было установлено, мастер-цинкограф А. М. Кашин, изготовивший клише, не рассмотрел тщательно ни поступивший к нему ретушированный фотоснимок, ни клише и его оттиск. Получивший от Кашина клише дежурный секретарь редакции А. И. Столяров также не стал тщательно при помощи лупы его просматривать и передал его ответственному секретарю редакции Р. Ф. Шнейвайсу. Тот, в свою очередь, оттиск первой полосы газеты осмотрел невнимательно и, хотя оттиск был выполнен небрежно, замаран краской, подписал полосу к печати. Просматривавшие сигнальный номер газеты заведующий отделом партийной жизни А. Ф. Панов, ответственный за выпуск тиража начальник ротационного цеха М. А. Мейлах и бракер типографии И. М. Завьялов также ничего подозрительного не заметили.

Вполне выглядело бы логичным, если бы ответственность за выпуск разделил руководитель редакции Л. Д. Константиновский, подписавший номер в печать. Но Лев Давидович даже не был упомянут в справке Рудакова. Зато к числу виновных была причислена ретушер «Челябинского рабочего» Т. И. Эллингкриг. И это несмотря на вывод экспертизы, что при ретушировании фотографии не была искажена форма звезды, и на отсутствие эксперимента, доказывающего, что при помощи наложения ретуши каким-либо иным образом можно было предотвратить брак. Причиной тому, скорее всего, послужили анкетные данные Татьяны Исааковны, пробудившие особый интерес сотрудников госбезопасности к ее личности. Как сообщал Е. В. Рудаков в обком партии, «художник-ретушер газеты Эллингкриг Татьяна Исааковна, беспартийная, имеет родственников в США». Попытки отыскать подобный компромат в отношении Л. Д. Константиновского изначально были обречены на провал: его биография тщательнейшим образом проверялась и перепроверялась еще до того, как он возглавил редакцию газеты.

На остальных виновных чекисты так же скрупулезно собрали «компрометирующие сведе-

ния». Но ничего серьезнее партийных взысканий и других «погрешностей» в анкетных данных найти им не удалось. В ходе тщательной проверки было установлено, что секретарь редакции Р. Ф. Шнейвайс в 1937 г. за связь с врагами народа переводился из членов в кандидаты ВКП(б), дежурный секретарь редакции А. И. Столяров в прошлом являлся офицером белой армии, А. Ф. Панов в 1933 г. был исключен из рядов ВКП(б) за зажим критики, а в 1938 г. арестован органами НКВД, но за недоказанностью состава преступления был выпущен на свободу.

На расследование у органов госбезопасности ушел без малого месяц. 21 февраля 1951 г. Е. В. Рудаков подписал информацию в обком о проведенных следственных мероприятиях, и в тот же день вместе с актом экспертизы и другими приложениями она поступила в особый сектор Челябинского обкома ВКП(б)¹.

Партийные инстанции тем временем сложа руки тоже не сидели и со своей стороны пытались разобраться в произошедшем и найти виновных. Тратить много времени на их поиски нужды не было: в халатности, недобросовестном отношении к исполнению служебных обязанностей можно было обвинить каждого, в чьих руках побывал номер газеты до того как попасть на печатный станок, точнее – на ротационную печатную машину. Было очевидно, что принятое недавно решение об увеличении периодичности выхода газеты с пяти до шести раз в неделю значительно повысило нагрузку на всех имевших хоть какое-то отношение к ее появлению на свет: на работников редакции, типографии, органов цензуры. Никто из них просто не заметил ставший сенсацией злополучный крошечный крестик, и в этом заключалась вся их виновность. Но «дело» получило слишком широкую огласку, вызвало крайне негативный резонанс в обществе, и потому не могло быть тихо «спущено на тормозах».

Перед областным руководством – отделом пропаганды и агитации обкома партии, секретарем обкома по пропаганде и агитации А. Е. Степанцом и первым секретарем обкома А. Б. Аристовым – стояла нелегкая задача. Им предстояло найти такое решение, которое бы позволило положить конец спекуляциям на эту тему, строго наказать виновных, дабы удовлетворить всех «жаждущих крови» и не быть обвиненными в «замазывании политических ошибок». Но при этом сделать так, чтобы не развалить редакцию и типографию, которые должны были бесперебойно обеспечивать выход газеты.

¹ ОГАЧО. Ф. П-288. Оп. 42. Д. 42. Л. 33–35.

Спустя ровно месяц после выпуска скандального номера газеты, 22 февраля 1951 г., бюро Челябинского обкома ВКП(б) рассмотрело этот вопрос на своем заседании. Итогом обсуждения стало постановление под наименованием «Об искажении рисунка в газете “Челябинский рабочий”». Констатирующая часть постановления решительно и бескомпромиссно громила редакцию и издательство давно выработанными штампами. «Искажение снимка явилось результатом притупления большевистской бдительности, наличия бесконтрольности и крайне слабого развития критики и самокритики в работе редакции и издательства “Челябинского рабочего”, – отмечалось в постановлении. – Это породило небрежное отношение к выполнению своих обязанностей со стороны ряда сотрудников газеты и работников издательства, которые допускают прямое нарушение установленных для них требований. На ответственных постах типографии есть люди, не внушающие политического доверия, ранее состоявшие во враждебных, контрреволюционных партиях»².

«Прямая вина» за выпуск номера, по мнению бюро обкома, лежала на ответственном секретаре редакции Шнейвайсе, просматривавшем и подписавшем к печати первую полосу газеты. Следом обвинялись «давно уличенная в халтурном отношении к делу» художник-ретушер газеты Эллинкриг, цинкограф Кашин, «с такой же беспечностью и безответственностью» отнесшиеся к делу выпускающий Прокудин и дежурный секретарь редакции Столяров; не заметившие «грубых искажений в снимке» начальник ротационного цеха Мейлах и бракер Завьялов; проглядевший допущенную редакцией ошибку цензор газеты Ульяновский; а также не заметивший искажений в газете его непосредственный шеф – начальник обллита Вилен.

Наиболее резкие обвинения в постановлении прозвучали в адрес главы редакции: «Редактор газеты тов. Константиновский не принимал действительных мер к повышению большевистской бдительности, к усилению контроля за выпуском газеты и к развитию критики и самокритики в коллективе работников редакции и издательства. Тов. Константиновский лично проявил политическую беспечность, подписав к выпуску газету с искаженным снимком».

После таких формулировок следовало ожидать решительные оргвыводы в отношении всех вышеперечисленных. Однако этого не случилось. Своей должности в соответствии с постановле-

² Там же. Л. 30.

нием лишился лишь один человек: «козлом отпущения» был назначен бракер, член ВКП(б) Иван Михайлович Завьялов. В отношении еще троих бюро обкома ограничилось наложением партийных взысканий. Строгий выговор «за халатное отношение к своим обязанностям и притупление большевистской бдительности, что выразилось в разрешении к изданию газеты с искаженным снимком» получил Рафаил Фадеевич Шнейвайс. Выговор был объявлен начальнику Челябинского обллита Алексею Евгеньевичу Вилену «за отсутствие должного контроля со стороны цензуры при выпуске газеты “Челябинский рабочий”».

Выговор был объявлен и ответственному редактору газеты Л. Д. Константиновскому. В представленном на подпись А. Б. Аристову проекте постановления формулировка занимала шесть строк: «за проявленную политическую беспечность и бесконтрольность, за наличие в коллективе работников редакции и издательства фактов потери большевистской бдительности и слабое развитие критики и самокритики, что привело к выпуску в свет газеты “Челябинский рабочий” за 22 января с. г. с крупным политическим искажением снимка “У мавзолея Ленина”». Аристов вычеркнул слова «и слабое развитие критики и самокритики», сочтя, что и без того обвинений в его адрес более чем достаточно¹.

Постановлению бюро обкома была присвоена высшая степень секретности – гриф «особая папка», что означало его отсутствие в подписном экземпляре протокола заседания бюро обкома, с которым знакомился достаточно широкий круг партийно-государственной номенклатуры. Какой-либо надобности в таком особом засекречивании постановления необходимости не было, так как ни местная госбезопасность, ни партийные структуры не смогли выявить преступного замысла работников редакции и типографии. По всей вероятности, это было сделано ввиду слишком бросающегося в глаза контраста между констатирующей и постановляющей частями документа: из принятого решения явствовало, что А. Б. Аристов взял под защиту работников редакции газеты и, прежде всего, ее ответственного редактора.

Непростую ситуацию, в которой оказалась редакция «Челябинского рабочего», усугубило то обстоятельство, что выход в свет злополучного номера газеты по времени совпал с проведением в области отчетно-выборной кампании в партийных структурах власти. Присвоение постановлению бюро обкома ВКП(б) грифа «особая папка»,

а следовательно, его сокрытие от местной номенклатуры привело к тому, что эта самая номенклатура уже по прошествии достаточно длительного времени с момента выхода газеты неустанно проявляла бдительность и бомбардировала местные органы власти вопросами: каким образом фашистская свастика могла оказаться в газете? Письменные вопросы о свастике делегаты состоявшихся в конце февраля – начале марта 1951 г. челябинских городской и областной партконференций адресовали первым секретарям горкома и обкома ВКП(б) – Н. В. Лаптеву и А. Б. Аристову соответственно. На городской партконференции Николай Васильевич Лаптев сообщил, что по поручению бюро обкома партии «специальные органы» провели проверку того, «как произошла эта грубейшая политическая ошибка», и они установили, «что это произошло по техническим причинам без всякого злого умысла работников типографии». Лаптев проинформировал о вынесенных выговорах Константиновскому и Шнейвайсу, а также сообщил, что «наказаны работники типографии, непосредственно виновные в допущении этой ошибки»².

А. Б. Аристов, в свою очередь, на областной конференции проигнорировал поступившую к нему записку с вопросом о свастике и в заключительном слове на нее не ответил. И зря, так как вопрос: «почему был искажен снимок?» — впоследствии был задан из зала напрямую Л. Д. Константиновскому в самый неподходящий момент – во время обсуждения его кандидатуры в состав членов обкома ВКП(б). Редактор, словно нашкандивший ученик, был вынужден оправдываться перед шестью сотнями делегатов: «Была проведена тщательная проверка, которая показала, что никакого злого умысла не было. Получилось по чисто техническим причинам. Вина заключается в том, что когда вышел сигнальный номер, это не заметили и не исправили. В этот день читали газету члены редколлегии, но поскольку я не воспитывал у членов редколлегии достаточной бдительности, бюро обкома партии правильно сделало, что записало мне выговор»³.

Несмотря на пояснения и раскаяния, многие делегаты сочли, что Константиновский не достоин входить в состав пленумов горкома и обкома партии. И если на городской конференции его фамилия была вычеркнута в 31 бюллетене из 454-х, что стало относительно большим, но не самым высоким показателем, то на областной парткон-

² Там же. Ф. П-92. Оп. 6. Д. 286. Л. 206; Ф. П-288. Оп. 15. Д. 1. Л. 225.

³ Там же. Ф. П-288. Оп. 15. Д. 2. Л. 235.

¹ ОГАЧО. Ф. П-288. Оп. 42. Д. 42. Л. 31–32.

ференции он стал бесспорным лидером по числу поданных против него голосов – 54 голоса из 550-ти, намного опередив своего «ближайшего соперника» А. Е. Степанца, получившего 23 голоса «против»¹.

Тем не менее расчет с присвоением грифа «особая папка» в итоге себя оправдал: ажиотаж вокруг свастики постепенно сошел на нет. Руководители редакции сохранили свои посты и продолжали выпускать главную областную газету. Управленческий аппарат был вынужден довольствоваться заверениями, что виновные установлены и понесли заслуженное наказание. А жители города и области погрузились в решение собственных, гораздо более важных для них проблем. Спустя год, когда заведующий административным отделом обкома ВКП(б) неожиданно покончит жизнь самоубийством, когда станут известными обстоятельства кражи денег и документов у второго секретаря Челябинского горкома, всем сполна хватит новых тем для разговоров².

¹ ОГАЧО. Ф. П-92. Оп. 6. Д. 286. Л. 223; Ф. П-288. Оп. 15. Д. 1. Л. 56–57.

² Там же. Ф. П-288. Оп. 73. Д. 236. Л. 26; Оп. 16. Д. 148. Л. 27–28; Сушков А. В., Разинков С. Л. Преступление и наказание... С. 308–314.

Крошечный, трудноразличимый невооруженным глазом крестик, лишь отдаленно напоминавший фашистскую символику, сумел вызвать на Южном Урале целую бурю негодования и заставил заняться историей своего появления на свет серьезные властные структуры. «Дело о свастике» в «Челябинском рабочем» стало очередным свидетельством того, сколь глубокие раны нанесла советскому народу недавно окончившаяся война.

Список литературы

1. Сушков, А. В. Преступление и наказание: причины кадровых перестановок в руководстве города Челябинска в августе 1952 г. / А. В. Сушков, С. Л. Разинков // Личность в истории: теоретико-методологические и методические аспекты. XV всероссийские историко-педагогические чтения : сб. науч. ст. – Екатеринбург, 2011. – Ч. 1. – С. 308–314.

Сведения об авторах

Сушков Андрей Валерьевич – кандидат исторических наук, старший научный сотрудник отдела истории Института истории и археологии УрО РАН (Екатеринбург).
suschkow@mail.ru

Береза Алевтина Владимировна – археограф Объединенного государственного архива Челябинской области.
guogacho@mail.ru

*Bulletin of Chelyabinsk State University. 2015. № 16 (371).
History. Issue 65. P. 66–72.*

SWASTIKA OVER MOSCOW KREMLIN TOWERS: BACK TO THE HISTORY OF AN ARTICLE IN THE NEWSPAPER «CHELYABINSKI RABOCHIY» IN 1951

A. V. Sushkov

Candidate of Historical Sciences, Senior Researcher of the History Department, Institute of History and Archaeology of the Ural Branch of the Russian Academy of Sciences. suschkow@mail.ru

A. V. Beryoza

An archaeography expert of Chelyabinsk Region State Archive. guogacho@mail.ru

The people of Chelyabinsk region were extremely stirred up by a photoshot that appeared in an issue of the newspaper «Chelyabinski Rabochiy» in 1951. There was a tower of the Moscow Kremlin with a cross slightly resembling a swastika instead of a star above it in the picture. That caused a great deal of different rumours and versions there. The thorough investigation conducted by the organs of the state security revealed

no one's evil intention in that case. But the scandal, nevertheless, could have paralyzed the work of the local printers, publishers, and seriously threatened the state and party authorities of the region.

Keywords: *A.B. Aristov, the newspaper «Chelyabinski Rabochiy», L.D. Konstantinovski, party and state system of power, Chelyabinsk.*

References

1. Sushkov A.V., Razinkov S.L. Prestuplenie i nakazanie: prichiny kadrovyykh perestанovok v rukovodstve goroda Chelyabinska v avguste 1952 g. [Crime and punishment: reasons for the staff reshuffle of Chelyabinsk municipality in August, 1952]. *Lichnost v istorii: teoretiko-metodologicheskie i metodicheskie aspekty. XV vserossijskie istoriko-pedagogicheskie chteniya : sb. nauch. st.* [Person in history: theoretical, methodological and methodical aspects. XV All-Russian historical and pedagogical readings: collection of scientific articles]. Ekaterinburg, 2011. P. 1, pp. 308–314. (In Russ.).

УДК 669(470.5)
ББК 63.3(2)

Д. И. Никитин

РАЗВИТИЕ СТАЛЕПЛАВИЛЬНОГО ПРОИЗВОДСТВА В ЧЕЛЯБИНСКОЙ ОБЛАСТИ: ИСТОРИЯ РАЗРАБОТКИ И ВНЕДРЕНИЯ ТЕХНОЛОГИИ РАФИНИРОВАНИЯ СТАЛИ (1959–1965 гг.)

На основе материалов местных архивов, прессы, научных публикаций историков и металлургов проведен анализ развития предприятий качественной металлургии Челябинской области в 1960-х гг. На примерах Челябинского и Златоустовского металлургических заводов подробно рассмотрен процесс разработки и промышленного внедрения технологии рафинирования стали синтетическими шлаками в ковше. Данная технология значительно улучшила качество выплавляемого металла, давала возможность получать легированную сталь в мартеновских печах, а также повышала производительность электропечей и кислородно-конвертерного производства. Показан механизм внедрения инноваций в условиях реформы управления экономикой и отказа от отраслевых министерств в пользу советов народного хозяйства. Уделено внимание последующему совершенствованию и распространению данной технологии на других металлургических предприятиях Советского Союза.

Ключевые слова: история металлургии; 1960-е гг.; семилетка; Челябинская область; сталеплавильное производство; внедрение технологий.

В конце 1950-х гг. в связи с развитием военно-промышленного комплекса и началом освоения космоса резко возросли требования промышленности к качеству стали. Перед советскими металлургами стояла задача наращивать производство металла, содержащего крайне малое количество примесей, газов, неметаллических включений, однородного по свойствам и так далее. Для этого разрабатывались новые способы обработки стали как в сталеплавильных агрегатах, так и вне их. Неизбежное при этом усложнение технологий оправдывалось достигаемым результатом.

Весомый вклад в совершенствование советской металлургии внесли рабочие, инженеры и ученые Челябинской области. На территории области успешно функционировали два крупных предприятия качественной металлургии, производившие специальные марки сталей, сплавов и проката: Челябинский металлургический завод (далее – ЧМЗ), основанный в 1943 г., и Златоустовский металлургический завод (далее – ЗМЗ), построенный в 1902 г.

ЧМЗ за период с 1959 по 1965 гг. наладил выпуск 140 марок стали, увеличил производство легированного металла более чем в 2 раза, а нержавеющей марки стали в 7 раз. Челябинские металлурги впервые разработали и применили новую технологию выплавки 50 марок стали в электропечах¹. Коллектив Златоустовского заво-

да за семилетку освоил выпуск 153 новых марок стали и специальных сплавов. На заводах были внедрены новые технологические процессы, такие как выплавка металла в вакуумных печах, обработка мартеновской стали синтетическим шлаком, электрошлаковый переплав².

На технологии рафинирования металла в ковше жидким синтетическим шлаком, значительно улучшающей свойства стали, остановимся подробно. В трудах историков³ она рассматривается в назывном порядке наряду с другими инновациями сталеплавильного производства. В работах ученых химиков и металлургов⁴ затрагивается только техническая сторона вопроса. Проблема разработки и внедрения данной технологии в научных публикациях не освещена.

Особенностью исследуемого периода является реформа управления, проводимая с 1957 по 1965 гг. и имевшая неоднозначные последствия для народного хозяйства. Произошел отказ от отраслевой системы управления через министерства с переходом к территориальной системе управления через советы народного хозяйства. Министерство черной металлургии СССР было упразднено, совнархозы совместно с предприятиями получили больше свободы в

² ОГАЧО. Ф. П-288. Оп. 163. Д. 179. Л. 84.

³ Черная металлургия...; Запарий В. В. Черная металлургия Урала...; Личман Б. В. Уральская индустрия...

⁴ Финкельштейн Д. Н. Чистота вещества; Дальский А. М. Технология...

¹ Челябинский рабочий. 1966. 9 февраля.

выборе перспективных научных направлений развития.

Рафинирование металла в ковше жидким синтетическим шлаком¹ было предложено выдающимся советским инженером-металлургом А. С. Точинским в 1925 г. Однако промышленное внедрение этого способа началось лишь в конце 1950-х гг., когда ученые Центрального научно-исследовательского института черной металлургии (далее – ЦНИИЧМ) приступили сначала к лабораторным, а затем полупромышленным и промышленным исследованиям совместно с ЧМЗ и ЗМЗ².

Экспериментальные работы были начаты на ЗМЗ в 1958 г. В течение 1958–1959 гг. металлургами Златоуста в сотрудничестве с учеными ЦНИИЧМ было проведено около 500 технологических плавок стали различных марок³. Рафинирование стали в ковше синтетическими шлаками обеспечивало снижение содержания серы в металле до 0,005–0,007 %, повышение его механических и эксплуатационных свойств. Кроме того, появилась возможность получения высококачественных (в том числе легированных) сталей в мартеновских печах, в которых стоимость передела значительно ниже, чем в электродуговых печах. Серьезное повышение производительности достигалось и для электросталеплавильных печей, в которых благодаря внепечной обработке сокращается восстановительный период, а следовательно и общая продолжительность плавки⁴. В перспективе это позволяло снижать вес машин и оборудования и одновременно повышать их долговечность, что оправдывало дополнительные затраты на изготовление синтетического шлака. Значительное улучшение качественных показателей металла в ходе исследований поставило на повестку дня вопрос повсеместного быстрого внедрения новой технологии.

С этой целью еще в 1959 г. руководитель ЦНИИЧМ академик И. П. Бардин и председатель Челябинского совнархоза М. С. Соломенцев (впоследствии – член Политбюро ЦК КПСС) подготовили докладную записку в ЦК КПСС и Совет министров СССР⁵. Правительство страны 29 марта 1960 г. приняло постановление № 333 о внедрении метода рафинирования стали жидким синтетическим шлаком на ЧМЗ и ЗМЗ, предусматривающее также строительство печи для полу-

чения шлаков на Челябинском электрометаллургическом комбинате (далее – ЧЭМК).

Однако, несмотря на пристальное внимание к вопросу на высшем уровне, работы в Челябинске и Златоусте задерживались. В объединенном государственном архиве Челябинской области сохранилось письмо руководителя научных исследований со стороны ЦНИИЧМ С. Г. Воинова, отправленное в Челябинский совнархоз в 1961 г. Процитируем выдержку из него (сохранены авторская орфография и пунктуация. – Д. Н.): «В текущем году проведены исследования мартеновского и конвертерного металла. Качество металла, обработанного синтетическими шлаками, превышает качество электрометалла. В перспективных планах развития металлургии в нашей стране, метод рафинирования металла синтетическим шлаком в ковше предусматривается в широких масштабах, как наиболее реальное средство повышения качества. Однако, Челябинский совнархоз работ, предусмотренных вышеказанным постановлением, в титульный список на 1961 год не включил, техническую документацию не оформил и средств на финансирование их не выделил. Таким образом, работа фактически приостановлена. Прошу вашей помощи»⁶.

В январе 1962 г. Совет министров СССР указал на неудовлетворительное выполнение совнархозом постановления № 333 от 1960 г., местные власти соответствующие выводы не сделали. Данный вопрос несколько раз обсуждался в Челябинском обкоме КПСС в 1962 г. В результате бюро признало, что работа практически не велась. «Руководители совнархоза отнеслись к выполнению постановления безответственно, недооценивая важность и экономическую выгоду внедрения. Руководство заводов не проявило озабоченности в покупке и соблюдении сроков установки оборудования». Строительство и модернизацию печей было решено закончить в 1962 г.⁷

Данное решение обкома металлургии реализовали в конце 1963 г.⁸ Одной из причин задержки можно назвать малоуспешную управленческую реформу – отдел черной металлургии Челябинского совнархоза был перегружен делами, в нем происходили частые кадровые перестановки. Кроме того, использование новой технологии на ЗМЗ не было согласовано с тарифными органами и вызвало удорожание обработанной стали. Из-за сложностей функционирования административно-командной системы сложилась абсурдная

¹ Синтетический шлак – специальный расплав, приготовляемый из извести и глинозема в печах (прим. авт.).

² Лейкин И. М. Производство... С. 219.

³ ОГАЧО. Ф. П-255. Оп. 20. Д. 24. Л. 72.

⁴ Строганов А. И. Увеличение производительности сталеплавильных агрегатов. Челябинск, 1965, с. 48.

⁵ ОГАЧО. Ф. П-288. Оп. 26. Д. 35. Л. 95.

⁶ ОГАЧО. Ф. П-288. Оп. 25. Д. 143. Л. 6.

⁷ ОГАЧО. Ф. П-288. Оп. 26. Д. 35. Л. 18.

⁸ ОГАЧО. Ф. П-255. Оп. 28. Д. 23. Л. 16.

ситуация: улучшение качества металла привело к прямым убыткам на заводе. Материалы по свойствам и себестоимости металла были высланы в совнархоз РСФСР только в сентябре 1964 г., а окончательно вопрос ценообразования был решен в 1965 г.¹ За это время на заводе изготовили около 100 тыс. тонн обработанного металла. Еще одной серьезной проблемой стало слабое продвижение достоинств новой стали среди потенциальных потребителей: ввиду отсутствия заказов в 1965 г. на ЧМЗ при плане в 210 тыс. тонн было выплавлено лишь 162 тыс. тонн (77 %)². Однако главная цель была выполнена – заказчики получили высококачественный материал.

Несмотря на затянувшееся освоение инновации и несоблюдение сроков, установленных Советом Министров СССР, работа московских, челябинских, златоустовских металлургов, инженеров и ученых была высоко оценена. Авторский коллектив в составе директора ЧМК И. А. Лубенца, начальника сталеплавильного цеха ЧМК Е. С. Голикова, директора ЧЭМК В. Н. Гусарова, главного инженера ЗМЗ А. И. Маркелова, бывшего заведующего промышленным отделом Челябинского обкома КПСС А. А. Власова в 1966 г. получил Ленинскую премию в области науки и техники³.

Данная технология в последующие годы была внедрена и на других предприятиях СССР, в частности на Ново-Тулском и Ижевском заводах, а также Кузнецком, Новолипецком и Орско-Халиловском металлургических комбинатах. Возрастающие требования по химической чистоте металла заставляли ученых и металлургов совершенствовать данную технологию. В 1968 г. на заводе «Днепроспецсталь» разработали способ и устройство для вакуумирования стали с одновременной обработкой в столбе синтетического шлака (ВСШ), сочетавший преимущества процессов вакуумирования и рафинирования металла при сравнительно невысоких затратах. В 1970-х гг. на Ижевском металлургическом заводе внедрили совмещенный процесс (или метод смешения), представляющий собой одновременное смешивание в ковше стали, синтетического шлака и жидкой лигатуры (ферросплавов). В кислородно-конвертерном производстве активно применялась обработка синтетическими шлаками с последующей продувкой металла в ковше инертными газами. Производство обработанной стали в стране росло и к 1980 г. составляло более 1 млн

т. в год⁴. В связи с распространением новой технологии производства стали – агрегатов «ковш-печь», потребность в рафинировании синтетическими шлаками отпадает. Однако на некоторых металлургических предприятиях бывшего СССР данная обработка успешно применяется и по сей день.

Таким образом, в 1960-х гг. при непосредственном участии челябинских металлургов и ученых была разработана и внедрена в промышленность технология, используемая более 50 лет и обеспечившая производство десятков млн. т. высококачественного металла.

Список литературы

1. Дальский, А. М. Технология конструированных материалов / А. М. Дальский. – М.: Машиностроение, 1977. – 664 с.
2. Запарий, В. В. Черная металлургия Урала в 70–90 годы XX в. / В. В. Запарий. – Екатеринбург: Банк культур. информации, 2003. – 551 с.
3. Кузьмин, Б. А. Технология металлов и конструкционные материалы / Б. А. Кузьмин. – М.: Машиностроение, 1981. – 351 с.
4. Лейкин, И. М. Производство и свойства низколегированных сталей / И. М. Лейкин. – М.: Металлургия, 1972. – 256 с.
5. Личман, Б. В. Уральская индустрия в экономической политике советского государства второй половины 50-х – середины 80-х гг. / Б. В. Личман. – Екатеринбург: УГТУ, 2008. – 550 с.
6. Объединенный государственный архив Челябинской области (ОГАЧО).
7. Правда. – 1966. – 22 апреля.
8. Строганов, А. И. Увеличение производительности сталеплавильных агрегатов / А. И. Строганов. – Челябинск: Юж.-Урал. книж. изд-во, 1965. – 93 с.
9. Финкельштейн, Д. Н. Чистота вещества / Д. Н. Финкельштейн. – М.: Атомиздат, 1975. – 224 с.
10. Циммерман, Р. Н. Металлургия и материаловедение / Р. Н. Циммерман. – М.: Металлургия, 1982. – 480 с.
11. Челябинский рабочий. – 1966. – 9 февраля.
12. Черная металлургия СССР. 1917–1967. – М.: Металлургия, 1967. – 230 с.

¹ ОГАЧО. Ф. Р-1613. Оп. 14. Д. 760. Л. 144.

² ОГАЧО. Ф. Р-1613. Оп. 10. Д. 145. Л. 4.

³ Правда. 1966. 22 апреля.

⁴ Циммерман Р.Н. Металлургия и материаловедение. М., 1982, с. 430.

Сведения об авторе

Никитин Дмитрий Игоревич – аспирант кафедры политических наук Челябинского государственного университета.

dm.nikitin90@gmail.com

Bulletin of Chelyabinsk State University. 2015. № 16 (371).

History. Issue 65. P. 73–76.

THE DEVELOPMENT OF STEEL INDUSTRY IN CHELYABINSK REGION: THE HISTORY OF DEVELOPMENT AND INTRODUCTION OF STEEL-REFINING TECHNOLOGY (1959–1965)

D. I. Nikitin

Post-graduate student of the Political Science Department, Chelyabinsk State University, Chelyabinsk, Russia. dm.nikitin90@gmail.com

The article is based on the materials from local archives, print media, historians' and metallurgists' scientific papers. It gives an analysis on the development of Chelyabinsk region's enterprises of high-quality metallurgy in the 1960-s. Having taken into consideration the work of Chelyabinsk Metallurgical Plant and Zlatoust Metallurgical Plant, the author views the process of engineering and introduction of the technology aimed at refining steel with synthetic slags. The technology significantly improved the quality of smelted metal, made it possible to get alloy steel in open-hearth furnaces, and improved the performance of electric and oxygen-converter production as well. The article explains the mechanism of introducing innovations during the period of economic management reforms and the abolishment of branch ministries in favor of the economic councils. Particular attention is paid to the further development and spread of the given technology across other metallurgical enterprises in the USSR.

Keywords: *history of metallurgy, the 1960-s, seven-year plan, Chelyabinsk region, iron and steel industry, introduction of technology.*

References

1. Dalskij A.M. *Texnologiya konstruirovannyx materialov* [Technology of designed materials]. Moscow, Mashinostroenie Publ., 1977. 664 p. (In Russ.).
2. Zaparij V.V. *Chernaya metallurgiya Urala v 70–90 gody XX v.* [Ferrous metallurgy of the Urals in the 1970–90s]. Ekaterinburg, 2003. 551 p. (In Russ.).
3. Kuzmin B.A. *Texnologiya metallov i konstrukcionnye materialy* [Metal technology and building materials]. Moscow, Mashinostroenie Publ., 1981. 351 p. (In Russ.).
4. Leykin I.M. *Proizvodstvo i svoystva nizkolegirovannykh staley* [Production and properties of lowalloy steels]. Moscow, Metallurgiya Publ., 1972. 256 p. (In Russ.).
5. Lichman B.V. *Uralskaya industriya v ekonomicheskoy politike sovetskogo gosudarstva vtoroj poloviny 50-x – serediny 80-x gg.* [Ural industry in the economic policy of the Soviet state in the second half of the 1950's – mid 80's]. Ekaterinburg, UGTU Publ., 2008. 550 p. (In Russ.).
6. *Ob"edinennyj gosudarstvennyj arkhiv Chelyabinskoy oblasti (OGACHO)* [Joint state archive of Chelyabinsk region]. (In Russ.).
7. *Pravda* [The Truth], 1966, 22 April. (In Russ.).
8. Stroganov A.I. *Uvelichenie proizvoditel'nosti staleplavil'nykh agregatov* [Increased productivity of steelmaking facilities]. Chelyabinsk, 1965. 93 p. (In Russ.).
9. Finkelshtejn D.N. *Chistota veshhestva* [Purity of substance]. Moscow, Atomizdat Publ., 1975. 224 p. (In Russ.).
10. Cimmerman R.N. *Metallurgiya i materialovedenie* [Metallurgy and materials]. Moscow, Metallurgiya Publ., 1982. 480 p. (In Russ.).
11. *Chelyabinskiy rabochiy* [Chelyabinsk worker], 1966, 9 February. (In Russ.).
12. *Chernaya metallurgiya SSSR. 1917–1967* [Ferrous metallurgy of the USSR. 1917–1967]. Moscow, Metallurgiya Publ., 1967. 230 p. (In Russ.).

УДК 323.329
ББК 63.3

А. М. Шамеев

УЧАСТИЕ ИНТЕЛЛИГЕНЦИИ СЕВЕРНОГО КАВКАЗА В ОБЩЕСТВЕННО-ПОЛИТИЧЕСКИХ ДВИЖЕНИЯХ В 80–90-е годы XX ВЕКА (на примере Республики Адыгея и Карачаево-Черкесской республики)

Раскрывается проблема политического участия интеллигенции Республики Адыгея (РА) и Карачаево-Черкесской республики (КЧР) в деятельности общественных организаций, объединений и национально-культурных движений в 80–90-е гг. XX в. Дается краткая характеристика истории их создания и деятельности с использованием сравнительного материала. Акцентированное внимание уделяется целям и задачам наиболее авторитетных в обществе «Адыгэ хасэ», «Конгресс карачаевского народа», «Абаза», «Бирлик». Прослеживается мысль о степени взаимодействия, взаимопонимания власти и общества, места и роли в этом процессе представителей интеллигенции, ее ошибок и недостатках, в частности в КЧР.

Ключевые слова: политика; интеллигенция; общество; организация; объединение; национальность; культура; республика; власть; движение.

С распадом СССР в декабре 1991 г. стало возможным говорить об истории Российской Федерации как самостоятельного государства. В ее составе находилось 89 субъектов, включая 21 автономную республику. Последующий период в истории страны стал временем преобразований в различных сферах жизни, нарастания сложных социально-политических, экономических проблем. Надлежало исправить и решить многие ошибки, трудности и новые задачи в области национальных отношений, культурной, духовной жизни, религии.

Новизна темы данной научной публикации состоит в том, что, разобравшись и поняв степень политического участия интеллигенции (как правило, ядра главной действующей силы) в деятельности названных общественных организаций, объединений и движений, мы можем осмыслить и объяснить в какой то мере причины распада СССР, многие процессы и явления, происходившие практически во всех сферах жизнедеятельности человека в постсоветской, российской истории нашей страны. Тем более в рассматриваемый период на Северном Кавказе национальные «неформальные» общественные организации имели определенный политический вес, с которым местная власть была вынуждена считаться и договариваться.

Целью данной статьи является показать политическое участие интеллигенции РА, КЧР в деятельности общественных организаций, национально-культурных движений и объединений в 80–90-е гг. XX в. При этом указать и выделить особенности

и несхожие черты функционирования названных «неформальных» новых институтов гражданского общества двух национальных субъектов РФ.

Делая небольшой историографический обзор, необходимо отметить научные монографии, основой которых стали докторские диссертации: С. И. Аккиевой, Е. Х. Апажевой, З. Я. Емтыль, Б. Х. Мамсирова, Д. Х. Мекулова, В. И. Чуприна¹. Сюда необходимо добавить авторские коллективные публикации, документальные, справочные издания и энциклопедии², в которых в той или иной степени касаются данной проблемы.

«Практически на всем советском пространстве наблюдались в рассматриваемый период “парад суверенитетов”, “война законов”, сепаратизм, рост национализма, вплоть до военных столкновений. К сожалению, эти годы были для страны временем идейно-ценностного хаоса»³.

Все эти проблемы не обошли стороной и Северный Кавказ. Здесь наряду с общероссийскими проблемами существовали чисто региональные: запутанность территориальных границ как следствие массовых депортаций, межэтнические и

¹ Аккиева С. И. Развитие...; Апажева Е. Х. История становления...; Емтыль З. Я. Адыгская интеллигенция...; Мекулов Д. Х. Проблемы власти и...; Мамсиров Х. Б. Модернизация культур...; Чуприна В. И. Интеллигенция и власть...

² Афашижев Т. И., Полякова Т. М. Общественные объединения Адыгеи...; Боров А. Х., Думанов Х. М., Кажаров В. Х. Современная государственность...; Кажаров В. Х. Историография и историческое сознание...; Земля Адыгов...; История многовекового содружества...; Становление государственности Адыгеи...; Этнополитическая ситуация... и др.

³ Апажева Е. Х. История становления... С. 4.

внутри этнические противоречия, проблемы разделенных народов и так далее.

Оглядываясь назад, ни в коем случае нельзя односторонне, критически относиться к более чем 70-летней советской истории нашего государства. Сказанное в полной мере относится и к республикам, областям Северного Кавказа. Именно за годы существования СССР местные народы при всех серьезных недостатках, ошибках и упущениях коммунистического режима и советской системы добились больших успехов в своем государственном устройстве, политическом, социально-экономическом и культурном развитии.

Уже с начала 90-х гг. в республиках Северного Кавказа, в частности Адыгее, Кабардино-Балкарии и Карачаево-Черкесии, имелись предпосылки, позволяющие им органично включиться в общероссийский модернизационный процесс. Однако реальный ход событий в стране вылился в глубокий кризис государственности и подрыв устоев общественного порядка.

На политическую активность местной интеллигенции, ее место, роль и значение в обществе, взаимоотношения с властью большое влияние оказали серьезные изменения в национально-государственном устройстве национальных автономий Северного Кавказа после возникновения нового Российского государства. Уже в первые 5–10 лет в составе новой России в названных республиках произошли следующие события¹:

1. Адыгея, Кабардино-Балкария и Карачаево-Черкесия обрели одинаковый статус российской государственности как полноправные субъекты РФ (в настоящее время Республика Адыгея, Кабардино-Балкарская Республика и Карачаево-Черкесская Республика).

2. Состоялось провозглашение Деклараций о государственном суверенитете РА, КБР и КЧР.

3. Осуществился выход Адыгеи из состава Краснодарского края (1991), Карачаево-Черкесии из состава Ставропольского края (1992) и переход их в непосредственное подчинение РФ.

4. Проведены первые президентские выборы в Адыгее (декабрь 1991), Кабардино-Балкарии (январь 1992), в Карачаево-Черкесии вводится должность «Глава Республики – Председатель Правительства» (1994)².

¹ См.: Адыгея: от автономии к суверенитету... С. 2–8; Беджанов М. Б. Общественный кризис... С. 470; Республике Адыгее – 6 лет... С. 11; Земля адыгов... С. 395; История многовекового содружества... С. 640–650; Апажева Е. Х. История становления... С. 4.

² Первые всеобщие выборы главы республики в Карачаево-Черкесии удалось провести только в 1999 г., да и то в обстановке межэтнического конфликта.

5. Состоялось подписание РА, КБР и КЧР Федеративного договора.

6. Проведены первые выборы в органы законодательной власти: в РА. Законодательное Собрание – «Хасэ» (1993), в КБР – Парламент (1993), в КЧР – Народное собрание (1994).

7. Были приняты новые государственные и национальные символы РА, КБР и КЧР (герб, флаг, гимн)³.

8. Вошли в действие Конституции: Республики Адыгея (1995), КБР (1997), КЧР (1996).

9. Произошло образование Межпарламентского Совета РА, КБР и КЧР.

Первые национальные движения и организации в автономных республиках Северного Кавказа (они возникли в основном во второй половине 80-х гг.) носили не национальный, а общедемократический характер. Декларируемыми целями этих групп была поддержка перестроечных процессов, а также участие в общественно-политической жизни региона⁴.

Так, в первой половине 90-х гг. в Адыгее было зарегистрировано органами юстиции около 20 национально-культурных и религиозных объединений, более двух десятков республиканских организаций российских партий и движений, местных организаций женщин, молодежи и ветеранов.

С годами канули в лету те из них, актуальность идей которых со временем померкла. Некоторые же из них постепенно влились в структуры более массовых организаций, партий и объединений на основе общности интересов.

Другими словами, наиболее жизнеспособными оказались общественные объединения, цели и задачи которых отвечали стойким социальным потребностям и интересам. Таковыми являлись общественные объединения «Адыгэ Хасэ», «Союз славян Адыгеи», организации казачества, Лига мира и так далее.

Народный форум «Адыгэ Хасэ», возникший в 1988 г., одним из первых в республике превратился в наиболее влиятельную общественно-политическую организацию, зарегистрированную лишь в декабре 1991 г.

Ее главной целью было «поддержать и возглавить массовое движение за самоопределение адыгейского народа через обретение политического, экономического суверенитета в составе России»⁵.

С самого начала в качестве важнейших задач выдвигались «возрождение и развитие истории, культуры, искусства, традиций и обычаев ады-

³ Высшая награда РА – медаль «Слава Адыгеи», КБР – орден «За заслуги перед Кабардино-Балкарией».

⁴ Апажева Е. Х. История становления... С. 12.

⁵ Акбашев Б. Х. Трудные дороги... С. 6.

гейского народа, всестороннее содействие демократическим процессам»¹.

В уставных и программных положениях организации «Адыгэ Хасэ» констатируется, что «она основана на принципах возрождения, социально-экономического, политического и этнокультурного потенциала адыгов, всех лучших нравственно-этических норм универсального адыгского адата и института «адыгэ хабзэ»².

В 1991–1993 гг. в Адыгее на основе общих потребностей, взаимообогащения национальных культур, пропаганды народных традиций, реализации культурных запросов образовались национально-общественные объединения армян «Дружба», греков «Арго», региональное общество российских немцев «Видергбург» («Возрождение»), татарское культурно-просветительное общество «Ду слык» («Дружба») и др. Кроме названных организаций и обществ в республике действовали и другие, в частности благотворительный фонд «Историческая родина», осуществляющий связи с адыгской диаспорой, «Ныхасэ» – Совет матерей, Союз женщин Адыгеи, Союз молодежи Адыгеи и др. В 1995 г. возникло общественное движение «Единство», пытающееся объединить различные движения и организации, стать стабилизирующим фактором.

В конце 80-х – начале 90-х гг. часть населения Адыгеи (в основном адыгейцы) изначально подержала идею повышения статуса республики и видела в процессе становления государственности возможность реализовать право адыгейского народа на самоопределение. В этом плане в полной мере заявила о себе и оказывала определенное давление на политическую власть в целях ускорить события, связанные с оформлением государственности Адыгеи, большая часть членов «Комитета – 40» и организации Адыгэ Хасэ (представители национальной интеллигенции).

В частности в докладе сопредседателя «Комитета – 40» на 1-м съезде адыгейского народа (май 1991 г.) говорится: «Обеспокоенные создавшимся положением члены общественных организаций «Адыгэ Хасэ», «Культурного центра», «Адыгская энциклопедия», «Дин хасэ», фонда «Историческая родина», представители технической и творческой интеллигенции, различных слоев адыгейского общества объединились в «Комитет – 40», провозгласив программной целью идеи паритетного оформления Парламента»³. В дальнейшем настойчивые действия «Комитета –

40» вынудили президиум областного Совета народных депутатов и конституционную комиссию образовать рабочую группу для выработки механизма проведения выборов в Верховный Совет.

В конечном итоге «благодаря усилиям «Комитета – 40» было провозглашено паритетное образование Парламента Адыгеи, означавшее предоставление 50 мандатов из 100 мест депутатам коренной национальности, что в дальнейшем явилось фундаментом национального согласия в республике»⁴.

Говоря об итогах рассматриваемого времени, нельзя не выделить главного. Это стабильный мир и межнациональное согласие в Адыгее на основе совместной напряженной работы органов государственной власти, общественно-политических организаций, национально-культурных движений и объединений. Реализация данной проблемы при всех ее сложностях, различиях мнений, несовпадениях точек зрения – заслуга местной национальной интеллигенции.

Карачаево-Черкесия – одна из наиболее многонациональных республик СКФО, вобравшая в себя многоцветье языков, религий, обычаев, традиций, нравов, где проживает пять коренных народов (русские, карачаевцы, черкесы, абазинцы, ногайцы). Каждый из них уникален, имеет свои неповторимые особенности материальной и духовной культуры.

В отличие от других республик Северного Кавказа реформирование Карачаево-Черкесии с самого начала шло более сложно, с политическими ошибками и даже не всегда в согласии с Законом. В те годы «ошибки проводимой в КЧР экономической, национальной и кадровой политики могли привести к серьезному обострению в республике (в какой-то мере это и произошло – *А. III.*), что противоречит коренным национальным интересам всех населяющих ее народов»⁵.

Процессы радикального реформирования общества в республиках Северного Кавказа вызвали к жизни общественно-политические движения и организации, партии и их объединения, национально-политические и национально-культурные группы и организации и в Карачаево-Черкесии. Они отражали весь спектр интересов, представленных в обществе. В такой ситуации возросла роль и значение интеллигенции, которая становится организатором, вдохновителем и лидером всех общественных объединений, движений и партий, хотя в них были представители и других социальных групп и слоев.

¹ Акбашев Б. Х. Трудные дороги...

² Хаджебиеков Р. Г. Республика Адыгея...

³ Становление государственности Адыгеи: очерки и документы этнополитической ситуации (1990–1995). Т. 1. С. 140.

⁴ «Эхо». 1991. № 11. Октябрь.

⁵ Акбашев Б. Х. Трудные дороги правды. Черкесск. С. 4.

В Карачаево-Черкесии развитие национальных общественных объединений обуславливалось многонациональным составом населения, в котором «преобладали русские (42,4 %), карачаевцы (31,2 %), черкесы (9,8 %), абазинцы (6,6 %), ногайцы (3,1 %) и так далее»¹.

Интересы соответствующих народов стали выражать общественные и национальные движения: абазинское «Абаза», черкесское «Адыгэ Хасэ», карачаевские «Конгресс карачаевского народа» и «Джама гэат», ногайское «Бирлик», славянские общины, казачьи организации и др.². Но движения, в которых большую часть составляли представители своей национальной интеллигенции, к сожалению, разделились на «своих» и «чужих», не смогли или не захотели объединиться в одну силу. Понятно, что когда в республике один или два коренных народа, тогда легче найти общий язык, прийти к компромиссу, найти точки соприкосновения в решении тех или иных спорных вопросов (экономических, национальных, территориальных, кадровых, социальных, языковых и пр.).

В ходе национального возрождения, создания общественных организаций и движений в Карачаево-Черкесии проявился парадоксальный процесс: пошел «парад суверенитетов». За короткое время в республике были провозглашены 5 микрореспублик, как и в 1926 г. – по национальному признаку. Над небольшой территорией республики нависла реальная угроза ее расчленения со всеми вытекающими отсюда последствиями»³. И не случайно в республике прокатилась волна общественного движения в защиту единой Карачаево-Черкесии. Всенародный опрос населения (путем тайного голосования) спас целостность многонациональной республики. Самопровозглашение республик не было признано федеральными органами РФ, не получило соответствующего политико-правового статуса.

Хотя в период нарастающего кризиса во второй половине 80-х – начале 90-х гг., вызвавшего массовый протест населения против советской политической системы, партийных и государственных органов, местная интеллигенция КЧР делала попытки обратить на себя внимание властей, участвовать в процессах демократизации общественной жизни и в радикальной экономической реформе.

В конце 1987 г. в Карачаево-Черкесском обко-

ме КПСС состоялась встреча с представителями творческой интеллигенции по многим вопросам, тревожившим общество. Красной нитью через все выступления (17 чел.) проходит мысль о том, что «в последние годы упало влияние партийных, советских органов области к созданию благоприятных возможностей для роста талантов, острой необходимости создания инструмента перестройки всех направлений культуры и искусства»⁴. Многие вопросы в конечном итоге не находили своего решения. Основная причина – «остаточный принцип» финансирования социально-культурной сферы.

В те годы диалог представителей законодательной и исполнительной власти с народом, трудовыми коллективами предприятий промышленности, сельского хозяйства, учреждений, организаций, их выступления в средствах массовой информации (СМИ) приобретают постоянный характер. Областная газета «Ленинский путь» публиковала выступления представителей разных национальностей республики (чаще всего из интеллигенции), которые широко обсуждались и получили общественный резонанс. В дальнейшем общественно-политическая жизнь в КЧР и участие в ней представителей национальных элит и местной интеллигенции позволили сохранить мир и межнациональное согласие в республике.

В 90-е гг. российская интеллигенция в целом была разобщена, брошена государством на произвол судьбы, особенно в регионах, в том числе и на Северном Кавказе. Для исправления такой ситуации было создано общественное движение «Конгресс интеллигенции РФ» (Москва, 1997). Как утверждалось в газете «Советская Адыгея», его целью являлось «обратить внимание правительства на всю российскую интеллигенцию, чтобы она объединилась и смогла занять достойное место в новом строящемся российском обществе»⁵.

За эти годы многое сделано, многое предстоит сделать. Но и сегодня в целом по России и в частности в республиках Северного Кавказа (в том числе РА, КБР и КЧР) интеллигенция по настоящему не влияет на общественно-политическую, социальную, духовную, культурную жизнь, а власть далеко не всегда прислушивается к ее голосу.

Таким образом, можно сделать вывод о том, что сегодня главные задачи, стоящие перед интеллигенцией в условиях социальных трансформаций, заключаются в сохранении позитивных

¹ Казаков Х. Х. Интериоризация... С. 219.

² Беджанов М. Б. На путинского национального возрождения. С. 226.

³ «День Республики». 2002. 10 янв.

⁴ Государственный архив новейшей истории Ставропольского края (ГАНИСК). Ф. 1 Оп. 76, Д. 306. Л. 84.

⁵ Советская Адыгея. 1997. 29 ноября.

элементов существующего в обществе мировоззрения и в преобразовании социального наследия в направлении реализации общественно значимых задач. Это возможно лишь при активном участии интеллигенции в тех процессах, которые происходят в современном обществе¹.

Список литературы

1. Адыгея: от автономии к суверенитету (1922–1992). – Майкоп, 1992.
2. Адыгская (черкесская) энциклопедия. – М., 2006.
3. Акбашев, Б. Х. Трудные дороги правды / Б. Х. Акбашев. – Черкесск, 2001.
4. Апажева, Е. Х. История становления современной государственности. Кабардино-Балкария, Карачаево-Черкесия, Республика Адыгея / Е. Х. Апажева. – Пятигорск, 2010.
5. Аргументы и факты – Северный Кавказ. – 2009. – № 27.
6. Афасижев, Т. И. Общественные объединения Адыгеи: становление, проблемы политического участия / Т. И. Афасижев, Т. М. Полякова. – Майкоп, 1996.
7. Беджанов, М. Б. На пути национального возрождения / М. Б. Беджанов. – Майкоп, 1992.
8. Беджанов, М. Б. Общественный кризис и проблемы национального возрождения / М. Б. Беджанов. – Майкоп, 1995.
9. День Республики. – 2002. – 10 января.
10. Земля адыгов. – Майкоп, 2004. – 1004 с.
11. История многовекового содружества: К 450-летию союза и единения народов Кабардино-Балкарии и России. – Нальчик, 2007.
12. Казаков, Х. Х. Интериоризация национально-культурных общественных объединений в региональную политическую систему Карачаево-Черкесии / Х. Х. Казаков // Этническая толерантность и межнациональный мир на Северном Кавказе: материалы Всерос. науч.-практ. конф. – Армавир, 2012.
13. Республике Адыгее – 6 лет. – Майкоп, 1997.
14. Российская цивилизация. Энциклопедические и другие аспекты. – М., 2011.
15. Советская Адыгея. – 1997. – 29 ноября.
16. Становление государственности Адыгеи: очерки и документы этнополитической ситуации (1990–1995). – М., 1994. – Т. 1.
17. Хаджебиеков, Р. Г. Республика Адыгея: проблемы реформирования общества (80–90-е гг.) / Р. Г. Хаджебиеков. – Майкоп, 1997.
18. Эхо. – 1991. – № 11. – Октябрь.

¹ Республике Адыгее – 6 лет. Майкоп, 1997. – С.83.

Сведения об авторе

Шамеев Аслан Музачирович – кандидат исторических наук, доцент кафедры культурологии, этнологии и истории народов Кабардино-Балкарской республики, Кабардино-Балкарский государственный университет им. Х. М. Бербекова (Нальчик).

shameev.aslan@mail.ru

*Bulletin of Chelyabinsk State University. 2015. № 16 (371).
History. Issue 65. P. 77–82.*

PARTICIPATION OF THE NORTH CAUCASUS INTELLECTSIA IN SOCIO-POLITICAL MOVEMENTS OF THE 1980S – 1990S (applied to the republic of Adygea and Karachaevo-Circassian Republic)

A. M. Shameev

*Candidate of Historical Sciences, Associate Professor of Culture Studies, Ethnology and History of
Kabardino-Balkaria Peoples, Kh.M. Berbekov Kabardino-Balkaria State University.*

shameev.aslan@mail.ru

The article reveals problems of political participation of the intelligentsia of the Republic of Adygea and Karachaevo-Circassian Republic in the activities of non – governmental organizations, nationally cultural movements, and associations in the 1980s–90s. It provides a brief description of the history of their foundation and work by using an interesting comparative material. The focused attention is paid to the purposes and problems of the most authoritative movements, such as “Adyge Khasa”, “Congress of the Karachay

people”, “Abaza”, “Birlik”. The author traces the idea of the degree of interaction and understanding of the government and society, the place and role in the process of representatives and intelligentsia, as well as intelligentsia’s mistakes and shortcomings in Karachaevo-Circassian Republic, in particular.

Keywords: *politics, intelligentsia, society, organization, association, nationality, culture, republic, power, movement.*

References

1. *Adygeia: ot avtonomii k suverenitetu (1922–1992)* [Adygea: from an autonomy to the sovereignty (1922–1992)]. Maikop, 1992. (In Russ.).
2. *Adygskaia (cherkesskaia) entsiklopediia* [Adyghean (Circassian) encyclopedia]. Moscow, 2006. (In Russ.).
3. Akbashev B.Kh. *Trudnye dorogi pravdy* [Difficult roads of the truth]. Cherkessk, 2001. (In Russ.).
4. Apazheva E.Kh. *Istoriia stanovleniia sovremennoi gosudarstvennosti. Kabardino-Balkariia, Karachaevo-Cherkessiia, Respublika Adygeia* [The history of the formation of the modern statehood. Kabardino-Balkaria, Karachay-Cherkessia, Republic of Adygea]. Piatigorsk, 2010. (In Russ.).
5. *Argumenty i fakty – Severnyi Kavkaz* [Arguments and facts – North Caucasus], 2009, no. 27. (In Russ.).
6. Afasizhev T.I., Poliakova T.M. *Obshchestvennye ob”edineniia Adygei: stanovlenie, problemy politicheskogo uchastiia* [Public Associations of Adygea: foundation, problems of political participation]. Maikop, 1996. (In Russ.).
7. Bedzhanov M.B. *Na puti natsional’nogo vrozozhdeniia* [On the path of national revival]. Maikop, 1992. (In Russ.).
8. Bedzhanov M.B. *Obshchestvennyi krizis i problemy natsional’nogo vrozozhdeniia* [Social crisis and the problems of national revival]. Maikop, 1995. (In Russ.).
9. *Den’ Respubliki* [The day of Republic], 2002, 10 January. (In Russ.).
10. *Zemlia adygov* [The Adygs’ land]. Maikop. 2004. 1004 p. (In Russ.).
11. *Istoriia mnogovekovogo sodruzhestva: K 450-letiiu soiuz a edineniia narodov Kabardino-Balkarii i Rossii* [The history of Centuries – old community: On the 450th anniversary of union and the unity of peoples of Kabardino-Balkaria and Russia]. Nalchik, 2007. (In Russ.).
12. Kazakov Kh.Kh. *Interiorizatsiia natsional’no-kul’turnykh obshchestvennykh ob”edinenii v regional’nuu politicheskuiu sistemu Karachaevo-Cherkessii* [Internalization of national-cultural associations in the regional political system of Karachay-Cherkessia]. *Etnicheskaiia tolerantnost’ i mezhnatsional’nyi mir na Severnom Kavkaze: materialy Vserossiiskoi NPK* [Ethnic tolerance and interethnic peace in the North Caucasus: Proceedings of NPK]. Armavir, 2012. (In Russ.).
13. *Respublike Adygee – 6 let* [6th anniversary of the Republic of Adygea]. Maikop, 1997. (In Russ.).
14. *Rossiiskaia tsivilizatsiia. Entsiklopedicheskie i drugie aspekty* [Russian Civilization. Encyclopedic and other aspects]. Moscow, 2011. (In Russ.).
15. *Sovetskaia Adygeia* [Soviet Adygea], 1997, 29 November. (In Russ.).
16. *Stanovlenie gosudarstvennosti Adygei: ocherki i dokumenty etnopoliticheskoi situatsii (1990–1995)* [Statehood of Adygea: essays and documents of the ethno-political situation (1990–1995)], vol. 1. Moscow, 1994. (In Russ.).
17. Khadzhebiekov R.G. *Respublika Adygeia: problemy reformirovaniia obshchestva (80–90-e gg.)* [Republic of Adygea: problems of society reformation (1980s–1990s)]. Maikop, 1997. (In Russ.).
18. *Ekho* [Echo], 1991, no. 11. (In Russ.).

УДК 930.1
ББК 63.3

В. С. Лопачев

СЕМЬЯ И РЕПРОДУКТИВНОЕ ПОВЕДЕНИЕ НАСЕЛЕНИЯ СВЕРДЛОВСКОЙ ОБЛАСТИ В КОНЦЕ XX ВЕКА

Описывается, какое влияние на уровень рождаемости оказывают изменения, происходящие в матримониальном поведении, в брачности и брачной структуре населения Свердловской области в 90-е гг. XX в. Приводится статистика браков и разводов населения, состав семьи по количеству детей, уровень рождаемости и воспроизводства населения.

Уточняются факторы оказывающие влияние на репродуктивное поведение и уровень рождаемости, в том числе биологические возможности (фертильность), условия жизни (социально-экономические факторы), социальные и духовные ценности и нормы детности, принятые в обществе, возраст вступления в первый брак и последующие браки, возраст расторжения первого и последующих браков, очередность брака, очередность развода, продолжительность безбрачного периода: до вступления в брак и между браками.

Ключевые слова: рождаемость; влияние; очередность; брак; развод; семья; ценности; возраст; потребность; воспроизводство; дети.

В конце XX в. в России происходят исторические события, повлекшие за собой не только грандиозные преобразования в политической и социально-экономической сфере, но и оказавшие влияние на трансформацию общественного сознания, социальных приоритетов и общечеловеческих ценностей. Ключевым преобразованиям подверглись основы семейного уклада и репродуктивных функций семьи.

В первую очередь период ознаменовался значительными изменениями в матримониальном поведении, в брачности и брачной структуре населения¹.

Рассмотрим ситуацию на примере Свердловской области.

С 1990 по 2000 г. брачное поведение населения Свердловской области существенно изменяется. За период с 1989 по 2002 г. ежегодная численность населения, вступающего в брак, снизилась на 25 %, с 41 950 человек в 1989 г. до 31 426 человек в 2002 г. [9].

Число разводов за аналогичный период, наоборот, выросло более чем в 1,6 раза и составило в 2002 г. 28 321 человек. Динамика показателей приведена на рис. 1.

Разводимость среди городских жителей в 2 раза выше, чем на селе. Так, если в 1989 г. в городе на 10 браков приходилось 4 развода, то в

селе на 10 браков регистрировалось 3 развода. В 1998 г. ситуация значительно усугубилась: на 10 браков в селе приходилось до 6 разводов, в городской местности соотношение разводов к бракам составило 8 к 10, к 2002 г. на 10 заключенных браков приходилось до 9 разводов².

Учитывая, что Свердловская область является высокоурбанизированной территорией (более 87 % населения проживает в городской местности), данная ситуация в период трансформационных преобразований значительно подрывала институт семьи, понижая функции воспроизводства населения до минимального уровня.

На рис. 2, 3 приведена динамика брачности и разводов в наиболее крупных городах Свердловской области.

Следствием снижения устойчивости уральской семьи стало сокращение состава семьи с 3,2 человек в 1989 г. до 3,0 в 2002 г., при этом число семей снизилось с 1 309,5 тысяч в 1989 г. до 1 303,1 тысяч в 2002 г.

На рис. 4, 5 отображены изменения в структуре семей по количеству проживающих совместно лиц.

Рассмотрим ситуацию с репродуктивным поведением³ населения Свердловской области в указанный период времени.

¹ Матримониальное (брачное) поведение – это поведение индивидуума на брачном рынке, нацеленное на заключение брака и создание семьи или на расторжение брака; брачность – процесс образования брачных пар в населении; брачная структура – это распределение населения по брачным состояниям (статусам).

² Единая межведомственная информационно-статистическая система.

³ Термин «репродуктивное поведение» впервые предложен В. А. Борисовым (1970) и применяется, прежде всего, для обозначения тех действий населения, которые связаны как с осуществлением рождаемости, так и отказа от рождаемости ребенка в семье и вне семейных отношений.

Рис. 1. Количество разводов на 1000 населения в Свердловской области

Источник: Данные Федеральной службы государственной статистики, <http://www.fedstat.ru/indicator/data.do>.

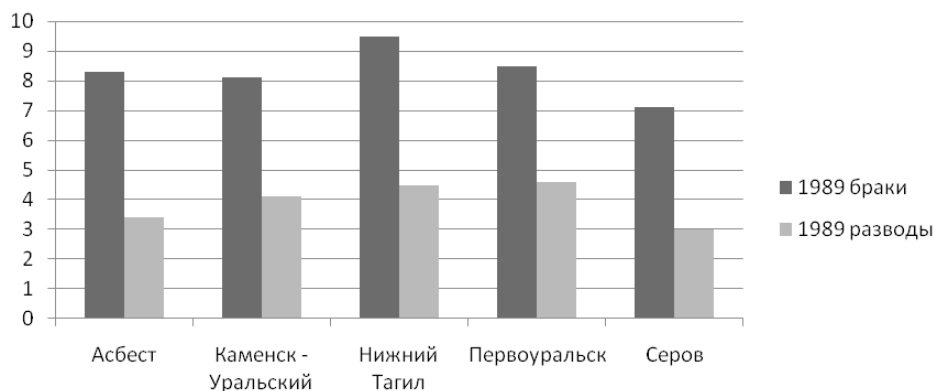

Рис. 2. Число разводов и браков на 1000 населения в наиболее крупных городах Свердловской области в 1989 г.

Источник: Свердловская область. Демографическая ситуация в последнем десятилетии XX в. Сборник Свердловского областного комитета государственной статистики. Екатеринбург, 1999.

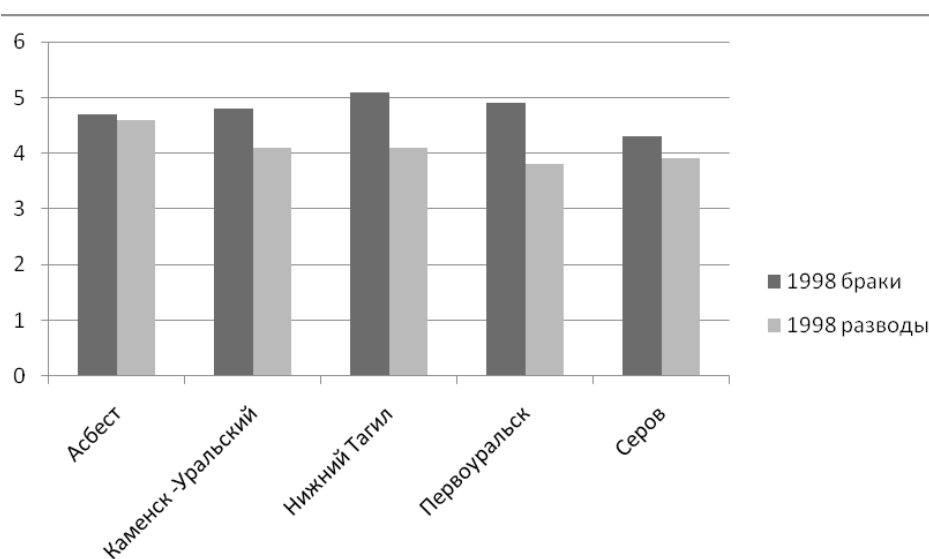

Рис. 3. Число разводов и браков на 1000 населения в наиболее крупных городах Свердловской области в 1998 г.

Источник: Свердловская область. Демографическая ситуация в последнем десятилетии XX в. Сборник Свердловского областного комитета государственной статистики. Екатеринбург, 1999.

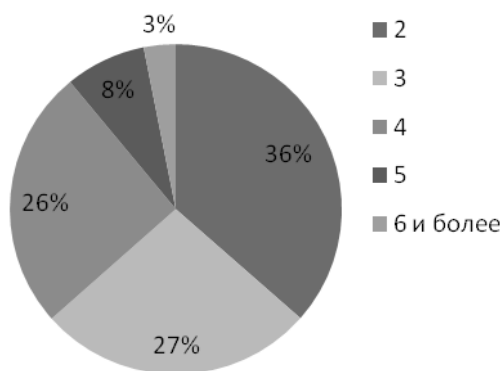

Рис. 4. Доля семей по количеству членов. Свердловская область 1989 г.

Источник: Основные итоги переписей населения 1959–2002 гг. по Свердловской области. Екатеринбург. 2008. Сборник.

Термин «репродуктивное поведение» заимствован из биологии и в определенной степени в основе содержит первейшие потребности человека (физиологические и безопасность), но, учитывая высокий социальный статус личности, а также его развитие и идентификацию внутри социальных и гендерных групп, данное понятие имеет более широкое определение¹.

Так, репродуктивное поведение включает все этапы планирования семьи от ее создания и последовательной смены репродуктивных событий и репродуктивного цикла, в том числе таких действий, как «регулирование рождаемости», «контроль над рождаемостью внутри семьи», «планирование семьи»².

Различают следующие основные типы репродуктивного поведения:

- 1) многодетное (потребность в 5 и более детях);
- 2) среднедетное (потребность в 3–4 детях);
- 3) малодетное (потребность в 1–2 детях);
- 4) бездетное (отсутствие потребности в детях).

Среднее число детей в семье выступает как показатель саморегуляции семьи и ее репродуктивных приоритетов и является своего рода характеристикой функций репродуктивного поведения семьи, вырабатываемых в современных условиях.

Потребность в детях – одна из социальных потребностей личности, определяющая специфику репродуктивного поведения и характеризующая стремление социализированного индивида, вступившего в брак, обзаводиться тем числом детей, которое принято в обществе.

¹ Борисов В. А. Перспективы... С. 24–25.

² Борисов В. А. Демографическое развитие... С. 16–18.

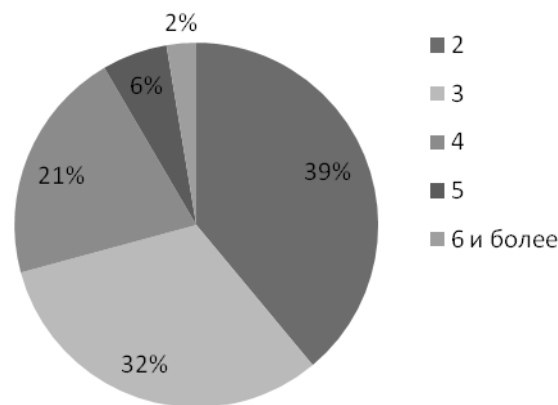

Рис. 5. Доля семей по количеству членов. Свердловская область 2002 г.

Источник: Основные итоги переписей населения 1959–2002 гг. по Свердловской области. Екатеринбург. 2008. Сборник.

Схема регуляции репродуктивного поведения может выглядеть следующим образом (рис. 6).

Рис. 6. Схема регуляции репродуктивного поведения личности

Потребность в детях формируется под влиянием как социальных норм рождаемости, так и психологических потребностей личности, проявляемых в таких действиях, как забота, любовь, внимание, защита по отношению к ребенку, желание иметь детей, и становится необходимым атрибутом крепкой и надежной семьи. При этом если преобладающим мотивом при рождении первенца называлось «желание иметь малыша», то в случае последующих рождений приоритетными мотивами стали «желание иметь ребенка другого пола», «сильная любовь к детям», «желание укрепить семью и брак», «желание избежать одиночества в старости»³.

³ Мокеров И. П., Кузьмин А. И. Экономико-демографическое развитие семьи... С. 7–79.

Вовлечение женщин в промышленное производство, эмансипация и экономическая независимость женщин, получившая толчок в 30-х гг. XX в. изменило модель свердловской семьи и определило уверенный переход с многодетной на двухдетную модель семьи.

В 1994 г. среди вопросов микропереписи женщинам Свердловской области был задан вопрос по желаемому числу детей. В наиболее активных репродуктивных возрастах 20–24 и 25–29 лет среднее желаемое число детей составило 1,68 и 1,78 соответственно. Средние статистические показатели оказались чуть выше – 1,86, но и они не гарантируют даже простого замещения поколений¹.

Среднее фактическое число детей на женщину за всю ее жизнь в 1995–2000 годах колебалось в пределах от 1,1 до 1,2².

Рассмотрим зависимость желаемой потребности населения в детях и фактического результата – рождаемости в 1990–2000 гг. – через влияние факторов.

Основной биологической характеристикой, отражающей способность организма взрослого человека к размножению является фертильность³.

Фертильностью обозначают его способность к размножению в период половозрастной зрелости (с 15 до 49 лет). Факторами, снижающими фертильность как мужскую, так и женскую, становятся: физиологическое старение организма, избыточный вес, постоянные стрессы, заболевания, провоцирующие нарушения гормонального баланса и др.⁴

На долю бесплодных браков в России в эти годы приходится 10–15 %⁵.

В 90-е гг. уровень факторов стресса в обществе резко повысился. Среди основных причин – экономическая нестабильность и социальная неуверенность.

Так, уровень жизни населения Свердловской области значительно снизился: в 1994 г. он составлял 50 % от уровня начала 90-х гг.

Уровень роста цен на потребительские товары в 1990–1993 гг. более чем в 2 раза превысил динамику денежных доходов населения Свердловской области⁶.

¹ Специальный доклад по демографическим проблемам... С. 21–24.

² Указ. соч. С. 16.

³ Фертильность представляет собой термин, используемый для обозначения различных аспектов способности взрослого, достигшего половой зрелости организма воспроизводить потомство.

⁴ Fertility. Википедия...

⁵ VI Ежегодный доклад. Россия 1996... С. 17.

⁶ Свердловская область в 1990–1994 годах, Екатеринбург, 1995. С. 6–7.

Прекратились выплаты гражданам их денежных сбережений, хранившихся в Госбанке. В 1990–1992 гг. ежегодное падение производства составляло 20 %, безработица на 10 000 человек трудоспособного населения с 1991 по 1994 гг. выросла в 44 раза. По данным социологических исследований, ухудшение социально-экономического положения изменяет репродуктивные установки населения: воспитание одного, а тем более двух-трех детей становится непосильным грузом для семейного бюджета, кроме того нарастает тревога за будущее детей, что сказывается на ограничении мотивации рождаемости. Материальное благополучие как основной фактор для осуществления рождений желаемого числа детей определили 75 % женщин – этим объясняется снижение числа рождений последнего десятилетия XX в. (табл. 1).

Критерии благополучия для реализации потребности в детях дифференцировано воспринимаются различными социальными и гендерными группами. В одних случаях они являются достаточными для рождения новых поколений, для других неприемлемыми.

Высокая профессиональная занятость, сохранение, либо повышение материального статуса женщин снижает семейные ориентации, в результате чего женщинами активно применяется контрацепция и зачастую производится аборт.

Уменьшение потребности в детях в этот период проявляется и в снижении посреднической роли семьи в социальном контексте.

Исследователями, учеными-демографами установлено, что большинство детей рождается в официально зарегистрированных браках⁷.

Уровень рождаемости зависит от времени заключения, стабильности и прочности брака, а сам характер матримониального поведения зависит от исторического этапа развития общества, культурных норм, соотношения социальных и этнических групп населения и других факторов.

Так, возраст вступления в первый брак показывает существенное влияние на показатели рождаемости: если он повышается, то рождаемость снижается.

Изменение возраста вступления в первый брак в 90-е гг. среди мужского и женского населения приведено в табл. 2.

⁷ Волков А. Г. Семья – объект демографии. С. 100; Михеева А. Р. Брак, семья, родительство: социологические и демографические аспекты. С. 12; Дарский Л. Е. Плодовитость браков в СССР // Факторы рождаемости / под ред. А. Г. Волкова. С. 5.

Таблица 1

Суммарный коэффициент рождаемости в 1990–2000 гг. (все население)

	1990	1991	1992	1993	1994	1995	1996	1997	1998	1999	2000
Российская Федерация	1,89	1,73	1,55	1,37	1,39	1,34	1,27	1,22	1,23	1,16	1,2
Уральский Федеральный округ	1,88	1,7	1,51	1,33	1,37	1,31	1,25	1,22	1,26	1,19	1,22
Свердловская область	1,73	1,55	1,37	1,24	1,32	1,23	1,18	1,14	1,17	1,09	1,13

Источник: Данные Федеральной службы государственной статистики, <http://www.fedstat.ru/indicator/data.do>.

Таблица 2

Средний возраст вступления в первый брак мужчин и женщин в России, лет

Год	Первые браки	
	Мужчины	Женщины
1990	23,9	21,9
1991	23,9	21,8
1992	23,9	21,7
1993	23,8	21,7
1994	24,0	21,8
1995	24,2	22,0
1996	24,4	22,2
1997	24,5	22,3
1998	24,7	22,3
1999	24,9	22,5
2000	25,1	22,6

Источник: Демографический ежегодник России 2000. М., 2000. Сборник.

С 1993 г. наблюдается повышение возраста вступления в первый брак у мужчин, с 1994 г. у женщин. При этом существенно омолаживается возраст начала половой жизни¹, растет число добрачных зачатий у молодых девушек, в начале 1990-х гг. он сократился до рекордно низкой отметки – 0,5 г., что фактически означает массовое распространение заключения брака «вдогонку» за уже состоявшейся беременностью².

Средний возраст вступления в первый брак по сравнению с 1990 г. увеличился на 1,2 г. для мужчин и на 0,7 г. для женщин. Объяснить тенденцию «постарения» брачности можно следующими обстоятельствами: продолжающимся повышением общего образовательного уровня населения (в первую очередь женщин), увеличением длительности получения профессионального образования.

¹ По данным репрезентативного исследования, проведенного в 1995 г., примерно половина юношей и около 40 % девушек к 16 годам уже имеют сексуальный опыт, хотя считают при этом, что половую жизнь следует начинать в возрасте 17–17,5 лет. См.: Население России. 1998. Шестой ежегодный демографический доклад Центра демографии и экологии человека ИНИ РАН.

² Население России. 2000. Восьмой ежегодный демографический доклад / под ред. А. Г. Вишневого. С. 35.

Период вступления в брак и рождение детей по-прежнему наступает относительно рано, также рано затухает процесс деторождения на Урале.

Так, на долю матерей старше 35 лет в Свердловской области приходится около 6 % рождений, в то время как рождения детей у 16–19 летних матерей составляют почти 15 %.

Кроме того, растет количество неформальных союзов, потеснивших традиционный брак в качестве единственной формы начала семейной жизни (доля детей, родившихся у женщин, не состоявших в зарегистрированном браке, увеличилась в 1,4 раза).

Этому феномену есть и экономическое обоснование: стремление определенной группы населения понизить свой социальный статус с целью получения своевременных гарантированных социальных выплат (выплаты матерям-одиночкам, малоимущим семьям с детьми, своевременной выплаты алиментов и других). Коэффициент брачности снизился с 8,3 в 1990 г. до 5,8 в 2000 г., коэффициент разводимости за аналогичный период вырос с 3,4 до 4,4.

На фоне повышенной материальной и социальной ответственности родителей за рождение и воспитание, а также в условиях нестабильного экономического положения большинство семей придерживаются политики отложенных рождений до лучших времен, что и отражает статистика основных демографических показателей: коэффициент рождаемости на 1000 населения снизился с 12,1 в 1990 г. до 8,4 в 2000 г., число родившихся детей снизилось более чем на треть (табл. 3).

Исторический период последнего десятилетия XX в. в Свердловской области ознаменовался не только ключевыми изменениями в политической и социально-экономической сфере, но и значительной трансформацией демографических приоритетов: изменения процессов воспроизводства, модификации брачного поведения и снижения репродуктивных функций семьи. В результате этих явлений в 1991 г. в Свердловской области произошли события демографического перехода, именуемого в дальнейшем «русский крест»:

Таблица 3

Число родившихся (без мертворожденных) в Свердловской области в 1990–2000 гг.
(все население, значение показателя за год), человек

Годы	1990	1991	1992	1993	1994	1995	1996	1997	1998	1999	2000
Оба пола	57686	50801	44688	39983	42419	40003	38764	37651	39294	36894	38372

Источник: Данные Федеральной службы государственной статистики, <http://www.fedstat.ru/indicator/data.do>.

смертность населения превысила рождаемость и воспроизводственный процесс перешел в стадию длительной депопуляции.

Список литературы

1. Борисов, В. А. Перспективы рождаемости / В. А. Борисов. – М., 1976.
2. Борисов, В. А. Демографическое развитие семьи / В. А. Борисов. – М., 1979.
3. Fertility. Википедия. – URL: <https://en.wikipedia.org/wiki/Fertility>.
4. Специальный доклад по демографическим проблемам. О сбережении народа и обеспечении гарантий права на жизнь населения Свердловской области. – Екатеринбург, 2002.
5. Мокеров, И. П. Экономико-демографическое развитие семьи / И. П. Мокеров, А. И. Кузь-

мин. – М.: Наука, 1990.

6. VI Ежегодный доклад. Россия 1996. Социально-демографическая ситуация. – М., 1997.

7. Свердловская область. Демографическая ситуация в последнем десятилетии XX века. Сборник Свердловского областного комитета государственной статистики. – Екатеринбург, 1999.

8. Единая межведомственная информационно-статистическая система. – URL: <http://www.fedstat.ru/indicator/data.do>.

9. Сайт Территориального Органа Федеральной Службы Государственной Статистики по Свердловской Области. – URL: http://sverdl.gks.ru/wps/wcm/connect/rosstat_ts/sverdl/ru/statistics/population.

Сведения об авторе

Лопаев Владимир Сергеевич – аспирант кафедры истории России Уральского государственного педагогического университета (Екатеринбург).

v.lopaevv@gmail.com

*Bulletin of Chelyabinsk State University. 2015. № 16 (371).
History. Issue 65. P. 83–89.*

FAMILY AND REPRODUCTIVE BEHAVIOR OF SVERDLOVSK REGION POPULATION IN THE LATE XX CENTURY

V. S. Lopaev

Post-graduate student of Ural State Pedagogical University. v.lopaevv@gmail.com

The article describes the impact in changes on Sverdlovsk region population's matrimonial behavior, marriage and marital structure on fertility in the 1990s. The author provides statistics about marriages and divorces, household composition by the number of children, the level of the population's fertility and reproduction.

He also clarifies the factors influencing the reproductive behavior and fertility rates, including biological capacity (fertility), living conditions (socio-economic factors), social and spiritual values, and norms of parenthood status accepted in society, such as the age of consent and subsequent marriages, the age of the termination of the first and subsequent marriages, the order of marriage and divorce, duration of celibate periods – before marriage and between marriages.

Keywords: *fertility impact, priority, marriage, divorce, family, values, age, need, reproduction, children.*

References

1. Borisov V.A. *Perspektivy rozhdaemosti* [Fertility prospects]. Moscow, 1976. (In Russ.).
2. Borisov V.A. *Demograficheskoe razvitie sem'i* [Demographic development of family]. Moscow, 1979. (In Russ.).
3. *Fertility*. *Wikipedia*. Available at: <https://en.wikipedia.org/wiki/Fertility>. (In Russ.).
4. *Special'nyj doklad po demograficheskim problemam. O sberezhenii naroda i obespechenii garantij prava na zhizn' naselenija Sverdlovskoj oblasti* [Special report about demographic problems. About saving people and guaranteeing the right to life of the population of Sverdlovsk region]. Ekaterinburg, 2002. (In Russ.).
5. Mokerov I.P, Kuz'min A.I. *Ekonomiko-demograficheskoe razvitie sem'i* [Economic and demographic development of the family]. Moscow, Nauka Publ., 1990. (In Russ.).
6. *VI Ezhegodnyj doklad, Rossiya 1996, Social'no-demograficheskaja situacija* [Socio-demographic situation]. Moscow, 1997. (In Russ.).
7. *Sverdlovskaja oblast'. Demograficheskaja situacija v poslednem desjatiletii XX veka. Sbornik Sverdlovskogo oblastnogo komiteta gosudarstvennoj statistiki* [The demographic situation in the last decade of the twentieth century. Collection of Sverdlovsk Regional Committee of State Statistics]. Ekaterinburg, 1999. (In Russ.).
8. *Edinaja mezhvedomstvennaja informacionno-statisticheskaja sistema* [United interagency information-statistical system]. Available at: <http://www.fedstat.ru/indicator/data.do>. (In Russ.).
9. *Sajt Territorial'nogo Organa Federal'noj Sluzhby Gosudarstvennoj Statistiki po Sverdlovskoj Oblasti* [Site of territorial bodies of the Federal State Statistics Service in Sverdlovsk region]. Available at: http://sverdl.gks.ru/wps/wcm/connect/rosstat_ts/sverdl/ru/statistics/population. (In Russ.).

История современной России

УДК 94(470)
ББК 63.3 (3)

Г. С. Смирнов

ПРЕЗИДЕНТСКАЯ ПРОГРАММА «ДЕТИ РОССИИ» И ОСОБЕННОСТИ ЕЕ РЕАЛИЗАЦИИ НА УРАЛЕ В 1993–2013 ГОДАХ

В исторической перспективе показана реализация президентской программы социальной поддержки детей на территории субъектов уральского региона. Выявлена связь между федеральной и региональными программами. Раскрыто общее и особенное в использовании программно-целевого подхода к решению социальных проблем детства в уральском регионе и в целом в России. Выделены основные этапы разработки и реализации программы «Дети России», связанные с изменением общей государственной политики в сфере социальной защиты детства.

Ключевые слова: государственная социальная политика, президентская программа «Дети России», региональные программы поддержки детства, источники финансирования.

В постсоветской России накоплен большой опыт применения программно-целевого метода при реализации социальной политики, однако в историческом плане он изучен недостаточно. В частности это касается решения одной из наиболее насущных социальных проблем – социальной защиты детства.

Большинство выявленных нами публикаций по данной тематике посвящены программам, направленным на сохранения здоровья детей¹. Из работ, непосредственно затрагивающих вопросы реализации президентской программы «Дети России», можно указать на статью Г. Н. Кареловой, в которой подведены пятилетние итоги программы, и О. В. Кузнецовой и Г. И. Климантовой, рассмотревших возможности реализации программы на территории субъектов уральского региона². Ряд статей посвящен целевым программам, в разное время входившим в качестве составных частей в общую программу «Дети России»³.

Главной целью данной работы является выделение этапов реализации социальной политики в отношении детства программно-целевым методом с учетом соотношения федеральной и региональной компонент программы «Дети России». Именно она стала основной федеральной программой, направленной на улучшение положения детей в стране. Впервые программа

была утверждена правительством РФ в 1993 г., а с августа 1994 г. получила статус президентской⁴.

Первоначально в нее входили пять федеральных целевых программ: «Дети-сироты», «Дети-инвалиды», «Дети Севера», «Планирование семьи», «Дети Чернобыля». Затем перечень был расширен. В 1994 г. включена федеральная целевая программа «Развитие индустрии детского питания на 1991–1995 годы», с 1996 г. стали действовать федеральные целевые программы «Одаренные дети», «Организация летнего отдыха детей», «Дети семей беженцев и вынужденных переселенцев»⁵. С 1998 г. добавлены подпрограммы «Безопасное материнство», «Развитие социального обслуживания семьи и детей», «Профилактика безнадзорности и правонарушений несовершеннолетних», но исключена программа «Организация летнего отдыха детей»⁶.

В 2000 г. Правительством РФ был представлен Президенту на утверждение новый список федеральных целевых программ на 2001–2002 гг. – «Дети-инвалиды», «Дети-сироты», «Одаренные дети», «Профилактика безнадзорности и правонарушений несовершеннолетних», «Развитие социального обслуживания семьи и детей», «Развитие всероссийских детских центров “Орленок” и “Океан”», «Дети Севера», «Дети семей беженцев

¹ Андреева О. В. Реализация программно-целевого метода планирования...; Баранов А. А. Состояние здоровья детей...; Захарченко Ю. И. Пути совершенствования...

² Карелова Г. Н. Президентская программа «Дети России»...; Климантова Г. И. Целевые комплексные программы...; Кузнецова О. В. Пути реализации...

³ Чепурных Е. Е. Анализ эффективности...

⁴ О президентской программе «Дети России». Указ Президента от 18 августа 1994 г. № 1696.

⁵ Карелова Г. Н. Президентская программа...

⁶ О президентской программе «Дети России» на 1998–2000 годы. Ст. 314.

и вынужденных переселенцев», «Дети Чернобыля», «Безопасное материнство»¹, но лишь первые четыре из них были признаны президентскими².

Программа 2003–2006 гг. уже полностью не являлась президентской. Ей был присвоен статус федеральной целевой программы, а входившие в нее ранее и включенные в качестве новых целевые программы были «понижены» в статусе до подпрограмм³.

Очередная федеральная целевая программа на 2007–2010 гг. была сокращена до трех подпрограмм: «Здоровое поколение», «Одаренные дети», «Дети и семья»⁴.

В последующие годы программа «Дети России» больше не возобновлялась, хотя отдельные её разделы и вошли в состав более общей государственной программы «Социальная поддержка граждан» в виде подпрограммы «Совершенствование социальной поддержки семьи и детей» на 2013–2020 гг.⁵

Таким образом, в качестве самостоятельной целевой программы «Дети России» просуществовала 16 лет, с 1993 по 2010 г. На протяжении этого времени её статус не оставался неизменным. С начала 2000-х гг. он регулярно снижался.

На протяжении всего этого периода финансирование программы осуществлялось за счет двух основных источников – федерального и региональных бюджетов. Первоначально расходы субъектов федерации программой не определялись и рассматривались как возможные дополнительные вливания в заранее определенную сумму, выделяемую из федерального бюджета. Впервые они были зафиксированы в тексте программы на 2003–2006 гг. в объеме 13417,24 млн р. (65,8 % всех расходов), тогда как из средств федерального бюджета выделялось 6739,62 млн (33,1 %) и из внебюджетных источников – 221,13 млн (10,1 %) – не превысили 44 %. Наибольшая часть расходов, таким образом, ложилась на регионы. Она вдвое превосходила федеральную долю.

В программе на 2007–2010 гг. соотношение расходов (21,6 % из федерального, 75,4 % из региональных бюджетов и 3 % из внебюджетных источников) еще более сдвинулось в сторону

региональных бюджетов. По существу программа перестала быть федеральной, что, вероятно, и предопределило её последующее закрытие.

На Урале региональные программы социальной защиты детства, аналогичные программе «Дети России», стали разрабатываться практически одновременно с ней. Степень их адекватности президентской программе зависела не столько от региональных особенностей проблем детства, сколько от реальной возможности подключения к перечню мероприятий, предусмотренных федеральными программами, и получения на этой основе дополнительного финансирования из федерального бюджета. Так, в Челябинской области впервые региональная программа «Дети Южного Урала» была разработана в 1994 на основании указа Президента РФ «О президентской программе “Дети России”» и утверждена в августе 1995 г. на период 1995–1997 гг.⁶ Большей частью она копировала соответствующие разделы президентской программы («Одаренные дети», «Дети-сироты», «Дети-инвалиды», «Планирование семьи», «Дети, пострадавшие от воздействия радиации», «Индустрия детского питания»), но содержала и относительно самостоятельные подпрограммы («Безопасное материнство», «Социальная защита малоимущих семей»). В дальнейшем она регулярно возобновлялась. Последний (ныне действующий) вариант программы рассчитан на 2011–2015 гг.⁷

Похожая картина наблюдалась и в Курганской области, где с 1996 г. действовала областная программа «Дети Зауралья».

Но в ряде субъектов региональные целевые программы или подпрограммы предвещали появление соответствующих разделов на федеральном уровне. Например, в Пермской области программные документы по вопросам организации и индустрии детского питания рассматривались уже в 1992–1994 гг.⁸, а целевая комплексная программа «Дети Прикамья» на 1993–1996 гг. была принята ещё до появления федеральной программы. Более того, к 1997 г. была создана правовая база, позволявшая решать проблемы детства на региональном и муниципальном уровнях. Было издано 65 соответствующих постановлений и распоряжений губернатора, приняты также законы Пермской области: «Об охране семьи, материнства, отцовства и детства», «О приемной семье», «Об основах социальной защиты населе-

⁶ О региональной программе «Дети Южного Урала».

⁷ Об областной целевой программе «Дети Южного Урала» на 2011–2015 годы.

⁸ Государственный Архив Пермской Области (ГАПО). Ф. 1809. Оп. 1. Д. 54.

¹ О федеральных целевых программах по улучшению положения детей в Российской Федерации на 2001–2002 годы.

² О президентских программах по улучшению положения детей в Российской Федерации на 2001–2002 годы.

³ О федеральной целевой программе «Дети России» на 2003–2006 годы.

⁴ О федеральной целевой программе «Дети России» на 2007–2010 годы.

⁵ Об утверждении государственной программы Российской Федерации «Социальная поддержка граждан».

ния на территории Пермской области», «Об организации работы по опеке и попечительству в Пермской области», что позволяло принимать и финансировать программные документы¹.

С 1998 г. действовала областная целевая комплексная программа «Оздоровление, отдых и трудоустройство детей и подростков в каникулярное время»². Комплексной она стала в связи с необходимостью выполнения Конвенции ООН о правах ребенка и Всемирной декларации об обеспечении выживания, защиты и развития детей, хотя, разумеется, программы организации детского оздоровительного отдыха принимались и раньше.

С 1999 г. началось выполнение и собственно целевой комплексной программы «Дети Прикамья», регулярно принимавшейся на один-два года³. С 2004 г. её сменила целевая комплексная программа «Семья и дети Прикамья»⁴ (с 2007 по 2010 г. – «Семья и дети Пермского края»). В 2013 г. утверждена «Региональная стратегия действий в интересах детей в Пермском крае на 2013–2017 годы»⁵, разработан проект концепции долгосрочной целевой программы «Семья и дети Пермского края на 2014–2017 годы».

Как и челябинская, пермская комплексная целевая программа, хотя и дублировала заголовок федеральной, но по количеству и содержанию подпрограмм расходилась с ней в значительно большей мере.

В Свердловской области и Башкортостане, финансово лучше обеспеченных и потому более самостоятельных в реализации социальной политики, региональные программы ещё заметнее отличались от президентской. Так, среди областных социальных программ на 1999 г. лишь одна – «Дети – инвалиды» (Государственная социальная политика по улучшению положения детей-инвалидов в Свердловской области до 2000 г.) – соответствовала президентской программе. Две другие – «Семья» и «Женщины Свердловской области» – носили достаточно самостоятельный характер.⁶ В целях реализации президентской программы правительство области утвердило на 2000 г. только две региональные программы: «Одаренные дети» и «Дети – сироты»⁷. Лишь к 2003 г. была разработана государственная целе-

вая программа «Дети в Свердловской области» на 2003–2005 гг. для решения задач, связанных с осуществлением полномочий органов государственной власти Свердловской области в сфере социальной защиты детей. Программа была призвана решить две основные задачи: 1) усовершенствовать защиту прав детей, находящихся в трудной жизненной ситуации, в том числе прав на охрану здоровья, жилище, образование, социальное обслуживание, отдых и оздоровление; 2) организовать оказание дополнительной поддержки детям, проявившим особые способности и таланты.

Программа, таким образом, ориентировалась исключительно на региональные полномочия в сфере социальной защиты детей и не была напрямую связана с федеральной программой «Дети России».

В дальнейшем социальная защита детства в Свердловской области осуществлялась без формирования комплексной целевой программы защиты детства, а в 2013 г. была утверждена «Стратегии действий в интересах детей на 2013–2017 годы в Свердловской области»⁸, основанная в значительной мере на Стратегии Совета Европы по защите прав ребенка. Но этот документ не является программой, а лишь указывает основные направления политики в сфере защиты детства.

В Башкортостане аналогичная федеральной республиканская программа «Дети республики Башкортостан» была принята только в 1999 г.⁹ До того действовала лишь республиканская целевая программа «Дети-инвалиды» на 1997–2005 гг. (с 1999 г. вошла в состав указанной выше программы). Тогда же была разработана и первая областная программа «Дети Оренбуржья»¹⁰, которая осуществлялась по 2013 г. включительно. Наконец, в Курганской области комплексная программа «Дети Зауралья» стала действовать с 1998 г. Реализация её последнего варианта была закончена в 2012 г.

Таким образом, на региональном уровне разработка и реализация комплексных программ социальной защиты детей продолжалась вплоть до последнего времени, несмотря на прекращение федеральной программы «Дети России».

Для понимания особенностей и возможностей региональных программ важно проследить источники их финансирования. Республиканские

¹ Климантова Г. И. Целевые комплексные программы...

² ГАПО. Ф. 1809. Оп. 1. Д. 856.

³ Там же. Д. 1070, 1185, 1496.

⁴ Там же. Д. 1599–1600, 1694–1695.

⁵ Об утверждении Региональной стратегии действий ...

⁶ О реализации областных целевых программ социального характера в 1999 году.

⁷ Об утверждении областных целевых программ на 2000 год.

⁸ Об утверждении Стратегии действий в интересах детей на 2013–2017 годы в Свердловской области.

⁹ О президентской программе «Дети республики Башкортостан» на 1999–2005 годы.

¹⁰ Об областной программе «Дети Оренбуржья» на 1999–2000 годы.

программы в Башкортостане имели два основных источника – республиканский бюджет и внебюджетные фонды. В 1999–2005 гг. были запланированы расходы в объеме 16,7 млн р., в т. ч. из республиканского бюджета 12,1 млн (72,4 %), из внебюджетных фондов 4,6 млн (27,6 %)¹. В 2006–2010 гг. запланировано 11,8 млн, в т. ч. из республиканского бюджета (83,6 %), из внебюджетных фондов (16,4 %)². Как видим, в Башкортостане, где значительная доля налоговых поступлений оставалась в республиканском бюджете, расходы по реализации программ нес регион. Практически все расходы по финансированию программы нес региональный бюджет и в Свердловской области. На 2003–2005 гг. все запланированные 60 млн р. должны были поступить из областного бюджета³.

В других субъектах региональные бюджеты не располагали такими возможностями, поэтому ставка делалась и на иные источники. В Челябинской области, наряду с областным, использовались средства местных бюджетов и в меньшей степени страховых фондов. Если в программе 1995–1997 гг. вклад местных бюджетов планировался в основном лишь в натуральной форме (только в программе «Дети-инвалиды» были указаны денежные расходы, в которых доля областного бюджета составила 53,5 %, федерального – 28,7 % и местных – 17,8 %)⁴, то в программе на 1998–2000 гг. из 4,2 млн р., необходимых для выполнения целевой программы «Планирование семьи», расходы областного бюджета определялись в объеме 30,4 тыс. (0,7 %), а местных бюджетов – 4,2 млн (99,3 %). При этом практически все расходы по реализации программы перекладывались на бюджеты крупных городов, прежде всего, Челябинска, Магнитогорска, Златоуста. Целевая программа «Безопасное материнство» из бюджета области получала 8,2 %, а из областного ОФМС – 91,8 %. Программа «Дети-инвалиды» из областного бюджета финансировалась на 52,8 %, а из бюджетов муниципальных образований – на 47,2 %⁵. В Пермской области на программу «Дети Прикамья» в 1993 г. было выделено 3491,4 млн р., из них из консолидированного областного бюджета – 1791 млн (51,3 %), а остальное приходилось изыскивать на стороне.

¹ О президентской программе «Дети Республики Башкортостан» на 1999–2005 годы.

² О президентской программе «Дети Республики Башкортостан» на 2006–2010 годы.

³ Об областной государственной целевой программе «Дети в Свердловской области» на 2003–2005 годы.

⁴ О региональной программе «Дети южного Урала».

⁵ Региональная программа «Дети Южного Урала» на 1998–2000 годы.

В преимущественно аграрных Оренбургской и Курганской областях проблема наполняемости региональных бюджетов стояла еще более остро. Поэтому к реализации программ защиты детства привлекался более широкий круг финансовых источников. Так, областная программа «Дети Оренбуржья» на 1999–2000 гг., расходы на которую оценивались в 99,5 млн р., из областного бюджета финансировалась только на 10,3 %, а остальные расходы должны были нести муниципальные образования (44,3 %), областные отделения Фонда социального страхования (32,3 %), Фонда занятости (9,0 %), а из федерального бюджета предполагалось получить только 3,9 %. В следующем варианте программы (на 2001–2002 гг.), стоимость которой увеличилась до 373,6 млн р., был учтен негативный опыт предыдущего планирования, когда из-за отсутствия средств муниципальные образования фактически провалили свою часть программы. Из областного бюджета было запланировано уже 46,9 % всех расходов, тогда как из местных – всего 3,8 %. Доля расходов ФСС также была снижена до 27,9 %, а вклад федерального бюджета увеличен до 20 %. На 2003–2005 гг. общая стоимость программы опять существенно возросла (до 793,8 млн р.), а соотношение финансовых вложений вновь изменилось (областной бюджет 22,2 %, местные бюджеты 37,4 %, ФСС 12,1 %, ФОМС 7,9 %, областной внебюджетный фонд 2,8 %, фонд «Правопорядок» 0,1 %, федеральный бюджет 17,5 %). Эти колебания зависели от характера запланированных мероприятий. Программа на 2008–2010 гг. предполагала поступление из федерального бюджета 10,6 %, из областного 89,4% расходов.

Курганская программа «Дети Зауралья» (1998–2000 гг.) на 52 % финансировалась из регионального бюджета, на 24,4 % из бюджетов муниципальных образований, на 6,1 % из областных внебюджетных фондов (медицинского страхования, развития культуры, занятости населения) и только на 16,8 % из федерального бюджета⁶. На 2001–2002 гг. её уже на 90,2 % финансировали местные бюджеты, из регионального поступало 4,6 %, из федерального – 5,3 %⁷. Программы 2003–2006 и 2008–2010 гг. полностью финансировались из областного бюджета.

Таким образом, в итоге практически во всех субъектах федерации был осуществлен переход на финансирование программ защиты детства из региональных бюджетов.

⁶ Об областной комплексной Программе «Дети Зауралья» на 1998–2000 годы.

⁷ Об областной комплексной программе «Дети Зауралья» на 2001–2002 годы.

В целом, реализацию федеральной программы «Дети России» и ее региональных вариантов на Урале можно разбить на пять этапов.

На первом из них (1992–1994) защита семьи и детства и на федеральном уровне, и в субъектах федерации осуществлялась посредством частных целевых программ.

На втором (1995–1998) наряду с общероссийской президентской действовали региональные целевые программы, задачи и содержание которых определялись непосредственно в регионах.

На третьем (1999–2002) в связи с возникшей в результате кризиса 1998 г. острой проблемой финансирования наличие регионального варианта программы «Дети России» стало фактически обязательным и для субъектов федерации.

На четвертом (2003–2010) федеральная программа «Дети России» была лишена статуса президентской, а основная доля ответственности за реализацию социальной политики в области семьи и детства была возложена на субъекты федерации, вследствие чего общее значение федеральной программы снизилось, а содержание сузилось.

На пятом этапе (с 2011 г.) программа «Дети России» прекратила свое существование, федеральная составляющая региональной политики в отношении детей стала реализовываться в рамках подпрограммы «Совершенствование социальной поддержки семьи и детей» государственной программы «Социальная поддержка граждан».

Основной вывод заключается в следующем: с начала 2000-х гг. перечень магистральных проблем, охваченных федеральной программой «Дети России», неуклонно сужался, а функции по реализации политики в области защиты детства всё больше перекладывались на регионы, что привело в итоге к закрытию программы. Это соответствовало общему курсу на сокращение финансирования социальных расходов из федерального бюджета, неуклонно осуществляемому с середины 2000-х гг.

Таким образом, в конечном итоге практически во всех субъектах федерации был осуществлен переход на финансирование программ защиты детства из региональных бюджетов.

Из сказанного следует, что Федеральная программа «Дети России» являлась не столько материальной, сколько методической основой развития региональных комплексных программ социальной защиты детства на Урале.

Список литературы

1. Андреева, О. В. Реализация программно-целевого метода планирования на федеральном уровне в сфере здравоохранения / О. В. Андреева, В. В. Одинцова. // Социальные аспекты здоровья населения. – URL: <http://vestnik.mednet.ru/content/view/48/30>.
2. Баранов, А. А. Состояние здоровья детей как фактор национальной безопасности / А. А. Баранов, Л. А. Щеплягина // Рос. педиатр. журн. – 2005. – № 2. – С. 4–8.
3. Захарченко, Ю. И. Пути совершенствования системы реабилитации на региональном уровне / Ю. И. Захарченко, Т. А. Чичерина, Т. В. Терещенко, Ю. А. Шамрицкий // Медико-социал. экспертиза и реабилитация. – 2009. – № 2. – С. 13–16.
4. Карелова, Г. Н. Президентская программа «Дети России» – проблемы реализации / Г. Н. Карелова // Аналит. вестн. Совета Федерации ФС РФ. – 1999. – № 11 (99). – С. 17–29.
5. Климантова, Г. И. Целевые комплексные программы в законотворческой деятельности региона (на примере Пермской области) / Г. И. Климанова // Центр информационных исследований. – URL: <http://www.budgetrf.ru/Publications/Magazines/VestnikSF/1998/vestniksf75-8/vestniksf75-8090.htm>.
6. Кузнецова, О. В. Пути реализации федеральной целевой программы «Дети России» на 2003–2006 годы в Челябинской области / О. В. Кузнецова // Вестн. Челяб. гос. ун-та. – 2002. – Т. 4, № 2. – С. 151–155.
7. Чепурных, Е. Е. Анализ эффективности реализации мероприятий подпрограммы «Одаренные дети» федеральной целевой программы «Дети России». 1998–2003 гг. / Е. Е. Чепурных. – М.: Изд-во Мин-ва образования и науки РФ, 2004. – 73 с.

Сведения об авторе

Смирнов Геннадий Сергеевич – кандидат исторических наук, доцент кафедры государственного управления, правового обеспечения государственной и муниципальной службы Челябинского филиала Российской академии народного хозяйства и государственной службы при Президенте РФ.

aandg@inbox.ru

*Bulletin of Chelyabinsk State University. 2015. № 16 (371).
History. Issue 65. P. 90–95.*

THE PRESIDENTIAL PROGRAMME “CHILDREN OF RUSSIA” AND ITS IMPLEMENTATION IN THE URALS IN 1993–2013

G. S. Smirnov

Candidate of Historical Sciences, Associate Professor of the Department of Public Administration, Legal Support of State and Municipal Service, Chelyabinsk Branch of the Russian Academy of National Economy and State Service Under the President of the Russian Federation. aandg@inbox.ru

The article deals with the long-term implementation of the presidential program of social support for children in the regions of the Ural region. A link between the Federal and regional programs has been found. The author reveals the general and the particular in the use of the program-target approach to the solution to social problems of childhood in the Ural region and in Russia in general. He singles out the basic stages of the development and implementation of the program “Children of Russia”, connected with the general state policy changes in the sphere of social protection of childhood.

Keywords: state social policy; presidential programme “Children of Russia”; the regional program of support of childhood; the sources of funding.

References

1. Andreeva O.V., Odincova V.V. Realizacija programmno-celevogo metoda planirovanija na federal'nom urovne v sfere zdravoohraneniya [Implementation of program-target method of planning at the federal level in the field of public health]. *Social'nye aspekty zdorov'ja naselenija: jelektronnyj nauchnyj zhurnal* [Social aspects of people's health: electronic scientific journal]. Available at: <http://vestnik.mednet.ru/content/view/48/30>. (In Russ.).
2. Baranov A.A., Shhepljagina L.A. Sostojanie zdorov'ja detej kak faktor nacional'noj bezopasnosti [The health state of children as a factor of national security]. *Rossijskij pediatričeskij zhurnal* [Russian pediatric journal], 2005, no. 2, pp. 4–8. (In Russ.).
3. Zaharchenko Ju.I., Chicherina T.A., Tereshhenko T.V., Shamrickij Ju.A. Puti sovershenstvovaniya sistemy rehabilitacii na regionarnom urovne [Ways of improving the system of rehabilitation at the regional level]. *Mediko-social'naja jekspertiza i rehabilitacija* [Medical and social expertise and rehabilitation], 2009, no. 2, pp. 13–16. (In Russ.).
4. Karelova G.N. Prezidentskaja programma «Deti Rossii» – problemy realizacii [The presidential program “Children of Russia” – the problem of implementation]. *Analitičeskij vestnik Soveta Federacii FS RF* [Analytical bulletin of the Federation Council of the Russian Federation], 1999, no. 11 (99), pp. 17–29. (In Russ.).
5. Klimantova G.I. Celevye kompleksnye programmy v zakonotvorcheskoj dejatel'nosti regiona (na primere Permskoj oblasti) [Target comprehensive programs of legislative activity in the region (applied to Perm region)]. *Centr informacionnyh issledovanij* [Centre of information research]. Available at: <http://www.budgetrf.ru/Publications/Magazines/VestnikSF/1998/vestniksf75-8/vestniksf75-8090.htm>. (In Russ.).
6. Kuznecova O.V. Puti realizacii federal'noj celevoj programmy «Deti Rossii» na 2003–2006 gody v Cheljabinskoy oblasti [Ways of implementation of the federal target program “Children of Russia” for 2003–2006 in the Chelyabinsk region]. *Vestnik Cheljabinskogo gos. universiteta* [Bulletin of Chelyabinsk State University], 2002, vol. 4, no. 2, pp. 151–155. (In Russ.).
7. Chepurnyh E.E. *Analiz jeffektivnosti realizacii meroprijatij podprogrammy «Odarennye deti» federal'noj celevoj programmy «Deti Rossii». 1998–2003 gg.* [An analysis of the effectiveness of the implementation of the subprogram “Gifted Children” of the Federal target program “Children of Russia”. 1998–2003]. Moscow, 2004. P. 73. (In Russ.).

Всеобщая история

УДК У938.06(045)
ББК 63.3(4 Гр)

Н. В. Разумов

АФИНЫ И ФИВЫ В 379–378 ГОДАХ ДО Н. Э.

Анализируются взаимоотношения между Афинами, Спартой и Фивами в поворотный момент их истории – в 379–378 гг. до н. э. На основе анализа исторических источников доказывается, что события этого периода положили начало возрождению Беотийского союза и Афин как морской державы. Также политические, социальные и военные события этого времени привели к краху спартанской гегемонии на материковой Греции. В 379 г. до н. э. одна группа политиков Афин ориентировалась на союз с Фивами, другая – на союз со Спартой. Свержение правительства полемархов подтолкнуло афинян поддержать беотийский полис, но позиции сторонников Спарты по-прежнему были сильны. И только вторжение в Аттику гармоста Сфодрия окончательно сделала Афины врагом лакедемонян. Изучение источников также свидетельствует, что поддержка Афинами переворота в Фивах была не частной инициативой двух полководцев, как это представлено во многих научных исследованиях, а сознательным шагом руководства полиса.

Ключевые слова: Афины; Фивы; Спарта; Греция в IV в. до н. э.; Аттика; Беотийский союз; Ксенофонт.

События 379–378-х гг. до н. э. стали поворотными для истории Греции IV в. до н. э. Они положили начало возвышению фиванского полиса и восстановлению Афинского морского союза. В контексте этих процессов представляет интерес позиция Афин в связи с событиями в Фивах в 379 г. до н. э.

В 404 г. до н. э. капитуляцией Афин закончилась продолжительная Пелопоннесская война. В ходе этого конфликта Беотийский союз, лидером которого были Фивы, был последовательным союзником Спарты. Но уже в 404 г. до н. э. между прежними союзниками возникло отчуждение. Согласно Плутарху, фиванский представитель Эриант выступил с предложением разрушить Афины вскоре после их капитуляции, когда жители Афин не уничтожили вопреки договору со спартанским навархом Лисандром Длинные стены (Plut. Lys. 15, 2).

После 404 г. до н. э. в Фивах действовали две враждующих политических группировки: Исмения, Антифея и Андроклида с одной стороны и Леонтиада, Астия, Каратала – с другой (Hell. Oxy. 12, 1). Р. Бак отмечает, что Эриант должен был быть одним из сторонников Леонтиада¹.

Приход к власти в Фивах Исмения Ч. Хэмилтон помещает между 400 г. до н. э. (поход спартанцев против Элиды) и 396 г. до н. э. (отказом фиванцев явиться на помощь Спарте)². Ш. Пел-

мен также обращает внимание на эпизод в Авлиде, где беотийцы помешали послам Агесилая совершить жертвоприношения, который был явной провокацией и не мог быть сделан стороной, которая не находилась в то время у власти³.

В 395 г. до н. э. Афины, Фивы, Аргос и Коринф заключили союз, направленный против Спарты. Это положило начало Коринфской войне (395–386 гг. до н. э.), которая закончилась Анталкидовым миром. Согласно его условиям, Беотийский союз был распущен.

Из сообщения нашего источника следует, что после 386 г. до н. э. в Фивах продолжалось противоборство между группировками Исмения и Леонтиада (Xen. Hell. V, 2, 25). Последний со своими сторонниками отошли на второй план в годы Коринфской войны и вернулись к активной политической деятельности после 386 г. до н. э. Убедительной выглядит реконструкция политической борьбы в полисе, сделанная Х. Хэком. Леонтиад и его сторонники заняли после Анталкидова мира лидирующее положение в полисе. В пользу этого говорит отправка фиванцами отряда для помощи спартанцам против Мантиней в 385 г. до н. э. (Plut. Pel. 4, 4)⁴.

Х. Хэк отмечает, что фиванцы вынуждены были ратифицировать роспуск Беотийского союза, но не все они были довольны новым порядком. В 385–382 гг. до н. э. в Фивах длилось проти-

¹ Buck R. J. Boiotia and the Boiotian League... P. 25.

² Hamilton C. D. Sparta's bitter victories... P. 153.

³ MacDonald A. A Note on the Raid of Sphodrias... P. 65.

⁴ Hack H. Thebes and the Spartan Hegemony... P. 218.

востояние между Леонтиадом (влияние которого после 385 г. до н. э. вновь пошло на убыль) и Исмением. В 382 г. до н. э. последний был уже достаточно силен, чтобы вновь занимать пост полемарха. В том же году полис начал вести переговоры с Олинфом. Захват Кадмеи был выгоден спартанской стороне, потому что возвращал Фивы в русло спартанской политики¹. Ч. Хэмилтон также отмечает, что переговоры между Олинфом и Фивами и отказ последних участвовать в походе против этого полиса показывает, что группировка Исмения в 382 г. до н. э. была сильнее².

В 382 г. до н. э. один из спартанских отрядов, направлявшихся в Халкидику, принял участие в организации переворота в Фивах. Спартанский военачальник Фебид остановился со своим отрядом около города. Леонтиад вступил в сговор со спартанским военачальником и ввел лакедемонские войска в Фивы, пообещав выставить контингент для похода на Олиф (Xen. Hell. V, 2, 25–26).

После этого состоялся судебный процесс над Исмением. Политику вменялось, что он сочувствует варварам, во вред Греции заключил с царем Персии союз гостеприимства и принял от персидского царя. Исмений был казнен, а власть в Фивах получила про-спартанская группировка Леонтиада (Xen. Hell. V, 2, 35).

Многие фиванцы, сторонники Исмения, вынуждены были бежать из города. Согласно Ксенофону, около трехсот изгнанников нашли убежище в Афинах (Xen. Hell. V, 2, 32).

Таким образом, у Афин в 379 г. до н. э. благодаря ситуации в Беотии появилась возможность выступить против спартанской гегемонии в Греции. После переворота 382 г. до н. э. в Фивах было установлено олигархическое правительство полемархов. Ксенофонт называет их тиранами (Xen. Hell. V, 4, 2). Выше уже отмечалось, что многие фиванские изгнанники нашли убежище в Афинах. Сторонники Леонтиада и Архия не прекратили их преследование: был убит один из лидеров, Андроклид, и совершены были покушения на других (Plut. Pel. VI). Плутарх упоминает даже о требовании спартанцев изгнать фиванцев из Афин, которое было проигнорировано (Plut. Pel. 6). Оратор Динарх упоминает, что некоторые афиняне, в их числе видный политик Кефал, оказывали помощь фиванским изгнанникам (Din. I, 38).

Согласно Ксенофону, секретарь полемархов Филлид, пользовавшийся их доверием, прибыл с какой-то миссией в Афины, где встретился с изгнанником Мелонем. Фиванцы разработали план

¹ Hack H. Thebes and the Spartan Hegemony... P. 219–221, 225.

² Hamilton C. D. Agesilaus and the Failure of Spartan Hegemony... P. 130.

совместных действий по свержению олигархии (Xen. Hell. V, 4, 2–3). В конце 379 г. до н. э. группа изгнанников проникла в город. Совместно с Филлидом ими были убиты все члены олигархического правительства (Xen. Hell. V, 4, 2–8, Diod. XV, 25, 3–4, Plut. Pel. 8–12). Ксенофонт сообщает, что после переворота фиванцы направили гонцов в Аттику двум стратегам, принимавшим участие в заговоре (Xen. Hell. V, 4, 9). Стратеги привели свои отряды в Беотию, где они приняли участие в штурме акрополя Фив (Xen. Hell. V, 4, 11).

В изложении Диодора Сицилийского участие Афин в фиванских делах выглядит несколько иначе. Послы были направлены непосредственно в Афины, и отправка в Беотию войска была решением народного собрания. Командование было поручено стратегу Демофону, под началом которого собрались внушительные силы – 5 тысяч голплитов и 500 всадников (Diod. XV, 25, 4–26, 2).

Важным дополнением к свидетельствам двух историков является ссылка на события в 379 г. до н. э. у оратора Динарха. Он пишет, что их (афинян) предки вынуждены были выйти в поле из-за Кефала, который предложил псефизму. Вероятно, речь идет о постановлении, по которому афиняне должны были оказать помощь Фивам. Афиняне выступили на помощь. Через несколько дней спартанский гарнизон капитулировал (Din. I, 39).

Спартанское руководство организовало карательный рейд против беотийцев, но в Элевферах дорогу лакедемонскому войску преградил афинский военачальник Хабрий, вынудив противника идти обходным путем (Xen. Hell. V, 4, 14). Согласно Ксенофону, ответный рейд спартанцев напугал афинян, и они осудили стратегов на смерть. Один военачальник был казнен, а другой – бежал (Xen. Hell. V, 4, 19).

При описании событий 379–378 гг. до н. э. присутствует одно из серьезных расхождений в сведениях двух наших основных источников. Ксенофонт представляет вмешательство афинян как самовольные действия двух военачальников, Диодор – как осознанный шаг руководства полиса. Ряд историков принимает версию Ксенофонта³. С. Хорнблауэр считает более правдоподобным описание событий 379–378 гг. до н. э. Диодором⁴. С. Я. Лурье в целом придерживается версии Ксенофонта, но отмечает, что два афинских стратега действовали не без ведома правительства Афин⁵. Р. Сили высказал предположение, что решение

³ См.: Белох Ю. Греческая история... С. 161; Бузескул В. П. История афинской демократии... С. 402; Buckley T. Aspects of Greek History... P. 432.

⁴ Hornblower S. The Greek World 479–323 BC... P. 240.

⁵ Лурье С. Я. История Греции... С. 498.

могло быть принято на тайном заседании Совета пятисот¹.

Р. Каллет-Макс предпринял в своей статье подробный анализ афино-фиванских отношений в рассматриваемый период. В своей реконструкции он опирается в большей степени на Ксенофонта. Сосредоточение войск на беотийской границе под командованием двух стратегов не могло совершаться без ведома руководства афинского полиса. Если бы их действия были самовольными, афиняне должны были бы в первую очередь направить послов в Спарту, чтобы осудить их действия. Это также согласуется с афинской политикой того периода по отношению к Фивам – предоставление убежища фиванским изгнанникам².

Похожую мысль высказал и Р. Бак. Как отмечает исследователь, едва ли можно предположить, что афинские стратеги были способны развернуть войска на границе с Беотией без какой-либо санкции демоса. Р. Бак признает существование постановления народного собрания, но отмечает, что оно могло говорить просто о передвижениях войск вдоль границы с некоторыми замечаниями о действиях в интересах Афин. Но постановление не должно было содержать ничего враждебного по отношению к Спарте³.

Д. Файн обращает внимание на то, что Хабрий, задерживая продвижение Клеомброта, оказывал поддержку фиванцам. Исследователь предполагает, что полководец действовал, имея официальные инструкции. Наказание двух стратегов Д. Файн связывает с тем, что афинское народное собрание, напуганное размером Пелопоннесского войска, назначило их козлами отпущения⁴.

Ч. Хэмилтон обращает внимание на пассаж Диодора Сицилийского, что мир между Спартой и Афинами сохранялся еще после отправки последними войск на помощь фиванцам. Он замечает, что это было бы невозможно, если бы отправка войск в Беотию была официальной⁵.

По мнению П. Картледжа, афиняне, побужденные к этому Кефалом, оказали Фивам официальную военную поддержку, но вторжение в Беотию Клеомброта вынудило их изменить позицию⁶.

Попробуем сопоставить свидетельства обоих источников. Рассказ Диодора кажется имеющим под собой достоверную основу благодаря

упоминанию имени одного из участников событий – Демофонта. Военная же помощь, оказанная Афинами Фивам, должна была быть более скромной: пять тысяч гоплитов представляли собой внушительные силы. Для сравнения: такое же количество тяжелых пехотинцев было отправлено Афинским морским союзом в 415 г. до н. э. против Сиракуз (Thuc. VI, 43). Решение могло быть принято Советом пятисот, и афинские войска, одним из командиров которых был стратег Демофонт, направились в Беотию. Стоит также обратить внимание, что афиняне не только помогли фиванцам осаждать спартанский гарнизон в Кадмее, но и преградили дорогу армии спартанского царя на Кифероне. Маловероятно, что действия Хабрия являются его собственной инициативой. Скорее, это проявление курса афинской политики, направленной в тот момент на союз с Фивами и противостояние Спарте. Однако экспедиция Клеомброта устрасила афинян, и верх в полисе взяли противники войны со Спартой, по инициативе которых стратеги и были осуждены.

Следующим эпизодом конфликта был рейд на Пирей феспийского гармоста Сфодрия. Ксенофонт сообщает, что фиванцы подкупили Сфодрия, чтобы он совершил нападение на Аттику, подтолкнув этим Афины к войне (Xen. Hell. V, 4, 19). Ту же точку зрения излагает в биографии Пелопида Плутарх. Именно Пелопид, по версии херонейского автора, подослал полководцу доверенного человека с советом захватить Пирей (Plut. Pel. 14, 1–2). В биографии Агесилая Плутарх приводит и другую точку зрения – действия Сфодрия были его собственной инициативой (Plut. Ages. 24, 3–4). По версии Диодора, напасть на Аттику во время перемирия и без решения эфоров феспийского гармоста подговорил царь Клеомброт (Diod. XV, 29, 5).

П. Родс считает более правдоподобной версию Диодора⁷. В. Ф. Кутергин, проанализировав свидетельства всех трех авторов, делает вывод о том, что за действиями Сфодрия стоял Агесилай⁸. А. МакДоналд, напротив, считает достоверной версию Диодора Сицилийского и называет вдохновителем Сфодрия Клеомброта. Историк замечает, что противостояние двух спартанских царей не было связано с разногласиями в вопросах внешней политики⁹. Учитывая негативное отношение Ксенофонта к Фивам, следует отказаться от его версии событий. Вероятно, действия Сфо-

¹ Sealey R. Demosthenes and His Time... P. 53.

² Kallet-Marx R. Athens, Thebes, and the Foundation of the Second Athenian League... P. 140–143, 146.

³ Buck R. J. Boiotia and the Boiotian League... P. 85.

⁴ Fine J. The Ancient Greeks... P. 564.

⁵ Hamilton C. D. Agesilaus and the Failure of Spartan Hegemony... P. 164.

⁶ Cartledge P. Agesilaos and the Crisis of Sparta... P. 299.

⁷ Rhodes P. A History of the Classical Greek World... P. 248.

⁸ Кутергин В. Ф. Беотийский союз в 379–335 гг. до н. э.... С. 42.

⁹ MacDonald A. A Note on the Raid of Sphodrias... P. 40, 42–43.

дрия были его инициативой, которую поддержал кто-либо из спартанского руководства, независимо от того, принадлежали ли они к сторонникам Агесилая или Клеомброта. Этим объясняется и быстрое оправдание гармоста.

Полководец рассчитывал неожиданной атакой захватить Пирей, но был замечен афинянами и вынужден был отступить (Diod. XV, 29, 6). Согласно Ксенофону, в Афинах в это время находились лакедемонские послы, убедившие афинян в том, что Сфодрий действовал противозаконно и вскоре будет наказан (Xen. Hell. V, 4, 22–23). Феспийский гармост действительно был вызван в Спарту, где подвергся суду, но был оправдан. Диодор указывает, что в защиту военачальника выступили оба царя (Diod. XV, 29, 6). Оправдание Сфодрия возмутило афинян и привело к их открытому выступлению против Спарты.

Подводя итог, стоит отметить, что в 379 г. до н. э. одна группа политиков Афин ориентировалась на союз с Фивами, другая – на союз со Спартой. Свержение правительства полемархов подтолкнуло афинян поддержать беотийский полис, но позиции сторонников Спарты по-прежнему были сильны. Только вторжение в Аттику гармоста Сфодрия с последующим оправданием его действий окончательно сделала Афины врагом лакедемонян. Новое сближение между этим полисами началось в 371 г. до н. э. во время заключения очередного общего мира между греками и завершилось в 370 г. до н. э. заключением союза между Афинами и Спартой.

Список литературы

1. Белох, Ю. Греческая история: в 2 т. / Ю. Белох. – М.: Гос. публич. ист. б-ка России, 2009. – Т. 2. – 473 с.
2. Бузескул, В. П. История афинской демократии / В. П. Бузескул. – СПб.: Тип. М. М. Стасюлевича, 1909. – 468 с.
3. Кутергин, В. Ф. Беотийский союз в 379–335 гг. до н. э.: ист. очерк / В. Ф. Кутергин. – Саранск: Изд-во Морд. ун-та, 1991. – 184 с.
4. Лурье, С. Я. История Греции / С. Я. Лурье. – СПб.: Изд-во С.-Петербур. ун-та, 1993. – 680 с.

5. Buck, R. J. Boiotia and the Boiotian League, 423–371 B.C. / R. J. Buck. – Edmonton: The Univ. of Alberta Press, 1994. – 166 p.

6. Buckley, T. Aspects of Greek History 750–323 B.C. / T. Buckley. – N. Y.: Psychology Press, 1996. – 542 p.

7. Cartledge, P. Agesilaos and the Crisis of Sparta / P. Cartledge. – Baltimore: Johns Hopkins Univ. Press, 1987. – 508 p.

8. Fine, J. The Ancient Greeks: A Critical History / J. Fine. – Cambridge, MA: Belknap Press of Harvard Univ. Press, 1985. – 744 p.

9. Hack, H. Thebes and the Spartan Hegemony, 386–382 B.C. / H. Hack // The American Journ. of Philology. – 1978. – Vol. 99, no. 2. – P. 210–227.

10. Hamilton, C. D. Agesilaus and the Failure of Spartan Hegemony / C. D. Hamilton. – Ithaca, N. Y.; L.: Cornell Univ. Press, 1991. – 280 p.

11. Hamilton, C. D. Sparta's bitter victories. Politics and diplomacy in the Corinthian War / C. D. Hamilton. – Ithaca; L.: Cornell Univ. Press, 1979. – 352 p.

12. Hornblower, S. The Greek World 479–323 B. C. / S. Hornblower. – Abington; N. Y.: Routledge, 2011. – 410 p.

13. Kallet-Marx, R. Athens, Thebes, and the Foundation of the Second Athenian League / R. Kallet-Marx // Classical Antiquity. – 1985. – Vol. 4, no. 2. – P. 127–151.

14. MacDonald, A. A Note on the Raid of Sphodrias: The Case for Diodoros / A. MacDonald // Historia: Zeitschrift für Alte Geschichte. – 1972. – Bd. 21, no. 1. – S. 38–44.

15. Perlman, S. The Causes and the Outbreak of the Corinthian War / S. Perlman // The Classical Quarterly: New Series. – 1964. – Vol. 14, no. 1. – P. 64–81.

16. Rhodes, P. A History of the Classical Greek World 478–323 B. C. / P. Rhodes. – Carlton: Blackwell Publishind, 2006. – 407 p.

17. Sealey, R. Demosthenes and His Time. A Study in Defeat / R. Sealey. – N. Y.: Oxford Univ. Press, 1993. – 340 p.

Сведения об авторе

Разумов Николай Владимирович – аспирант кафедры истории, философии, культурологии и методики преподавания филиала Тюменского государственного университета в г. Тобольске.

aoidos2010@yandex.ru

*Bulletin of Chelyabinsk State University. 2015. № 16 (371).
History. Issue 65. P. 96–100.*

ATHENS AND THEBES IN 379–378 B.C.

N. V. Razumov

A postgraduate of the Department of History, Philosophy, Cultural Studies, Theory and Methods of Teaching of Tobolsk Branch of Tyumen State University. aoidos2010@yandex.ru

The article deals with an analysis of the relations between Athens, Sparta, and Thebes at a turning point in their history. The events of 379–378 B.C. initiated the revival of the Boeotian alliance and the naval power of Athens, as well as the collapse of the Spartan hegemony in mainland Greece. The analysis of sources shows that the support for the coup in Thebes by Athens was a conscious step of the polis' leaders and not a private initiative of the two generals. This article is the first systematic analysis of the scientific and historical tours letter, whose purpose is to find out the objective events of the Boeotian alliance.

Keywords: Athens; Thebes; Sparta; Greece in IV century BC; Attica; Boeotian alliance; Xenophon.

References

1. Beloh Ju. *Grecheskaja istorija* [Greek history], vol. 2. Moscow, 2009. 473 p. (In Russ.).
2. Buzeskul V. P. *Istorija afinskoj demokratii* [History of the Athenian democracy]. SPb., 1909. (In Russ.).
3. Kutergin V. F. *Beotijskij sojuz v 379–335 gg. do n. je.: istoricheskij ocherk* [Boeotian Union in 379–335 BC: historical essay]. Saransk, 1991. (In Russ.).
4. Lur'e S. Ja. *Istorija Grecii* [History of Greece]. SPb., 1993. (In Russ.).
5. Buck R. J. *Boeotia and the Boeotian League 432–371 B.C.* The Univ. of Alberta Press, 1994.
6. Buckley T. *Aspects of Greek History 750–323 b.c.* N. Y., 1996.
7. Cartledge P. *Agesilaos and crisis of Sparta.* Baltimore, 1987.
8. Fine J. *The Ancient Greeks: A Critical History.* Harvard, 1985.
9. Hack H. Thebes and the Spartan Hegemony, 386–382 B. C. *The American Journ. of Philology*, 1978, vol. 99, no. 2, pp. 210–227.
10. Hamilton C. D. *Agesilaos and the Failure of Spartan Hegemony.* Ithaca; London, 1991.
11. Hamilton C. D. *Sparta's bitter victories. Politics and diplomacy in the Corinthian War.* London, 1979.
12. Hornblower S. *The Greek World 479–323 B.C.* London; N. Y., 2011.
13. Kallet-Marx R. Athens, Thebes, and the Foundation of the Second Athenian League. *Classical Antiquity*, 1985, vol. 4, no. 2, pp. 127–151.
14. MacDonald A. A. Note on the Raid of Sphodrias: The Case for Diodoros. *Historia: Zeitschrift für Alte Geschichte*, 1972, bd. 21, no. 1, pp. 38–44.
15. Perlman S. The Causes and the Outbreak of the Corinthian War. *The Classical Quarterly, New Series*, 1964, vol. 14, no. 1, pp. 64–81.
16. Rhodes P. *History of the Classical Greek World 478–323 B.C.* Carlton, 2006.
17. Sealey R. *Demosthenes and His Time. A Study in Defeat.* Oxford, 1993.

УДК 94
ББК 63.3(0)

С. В. Нечаева

ДЕПОЗИТЫ РИМСКИХ МОНЕТ И БРАКТЕАТЫ КАК МАРКЕР ЖИЗНИ ДРЕВНЕГЕРМАНСКОГО ВОЕННОГО СООБЩЕСТВА

Анализируется взаимосвязь между изменениями вещной среды и типом мышления социальных отношений на примере депозитов римских монет и брактеатов как маркера жизни древнегерманского военного сообщества. Рассматриваются функции римских монет и брактеатов с учетом региональной специфики германского мира на основе анализа археологических данных с применением герменевтических и гендерных методов исследования. Выясняется, что семантика использования римских монет и брактеатов в пределах Барбарикума изменялась в зависимости от области и периода их бытования, степени интенсивности контактов с Римской империей: волновое изменение характера римских монет соответствует существованию трех регионов германского мира. Особое внимание уделяется статусу римских монет и брактеатов в древнегерманском военном сообществе с учетом особенностей его структуры.

Ключевые слова: социология вещей; депозиты римских монет; брактеаты; Барбарикум; военное сообщество древних германцев; региональная специфика германского мира.

Актуальность вопроса о предметном мире возрастает независимо от исторической эпохи в период социальных перемен, которые меняют предметный мир до неузнаваемости, и наоборот. Дискуссия о роли материальных объектов в конструировании социальной реальности началась еще в XIX в., и в современной социологической теории проблема соотношения «социального» и «материального» рассматривается в рамках «социологии вещей». Суть данной проблемы заключается в том, что сама по себе вещь – незначительный феномен, обращение к нему оправдывается лишь широтой стоящих за ним «символических отношений», таким образом «непрерывность характера обращения с предметами навязана нам не объективной действительностью материальных предметов, а нашими представлениями о непрерывности духовно-значимых предметов»¹. В работах Б. Латур, Г. Зиммеля, И. Гофмана, Р. Харре, В. Вахштайна и других авторов вещи, предметы, окружающие нас в жизни, «выступают своего рода хранилищем чего-то еще», а именно результатом «объективизации», порождением социальных отношений². Она является физическим продолжением человека и выражением духовной сущности человека, становится устойчивой осмысленной формой его существования. Изменения и разногласия в оценке той или иной вещи свидетельствуют о том, что «вещь “маркер”, которым помечают материальный предмет, сообразно

закрепляется в культуре системам различений»³. Совокупность перемещений в пространстве социальных значений позволяет проследить, как именно материальная вещь, получившая опору в мире социальных значений, становится «больше-чем-вещью»⁴.

Взаимосвязь между изменениями вещной среды и типом мышления социальных отношений раскрывается особенно при ретроспективном анализе типов бытия вещи в пространстве культуры определенной исторической группы. В данной статье в качестве материального предмета как «маркера» жизни древнегерманского военного сообщества в соответствии с региональной спецификой германского мира нами рассматриваются депозиты римских монет и брактеаты. Исходя из того, что вещи в традиционной культуре в своем бытии являются многослойными объектами, которые существуют на различных уровнях бытия и обладают множеством смыслов и значений, особое внимание нами уделяется функциям римских монет и брактеатов в древнегерманском военном сообществе с учетом его региональной специфики. Территориально германский мир, согласно общепринятому мнению, располагался к середине I тыс. н. э. между Балтийским и Северным морями на севере и Дунаем на юге, между Рейном на западе и Вислой на востоке. Часто сюда включаются районы южной Скандинавии. С начала V в. германцы приступили к освоению

¹ Гофман И. Закрепление форм деятельности. С. 117.

² Латур Б. Когда вещи дают отпор... С. 344.

³ Вахштайн В. Социология вещей... С. 18.

⁴ Харре Р. Материальные объекты... С. 124.

территорий к востоку от Рейна. Термины ‘ближний Барбарикум’ или ‘буферная зона’, а также ‘дальний Барбарикум’ или ‘германская глубинка’ впервые появились в работах датской исследовательницы Лотты Хедигер и с тех пор укоренились в научной археологической литературе по Железному веку Европы¹. Под термином ‘ближним Барбарикум’ понимается зона не более 200 км от лимеса. Соответственно ‘дальний Барбарикум’ – территория свыше 200 км от римской границы. 200 км определены как дистанция, допускающая прямые контакты между империей и варварами. Л. Хедигер признавала известную условность данной типологии.

Депозиты римских монет с позиций социологии вещей выступают своего рода текстом, посредством анализа которого и изменений отношений к нему возможно восстановить отношения означания². Рассмотрение вещи как текста мы находим в работе Ж. Бодрийяра, который под текстом понимал «языковые образования, посредством которых общество вещает актуальные для него смыслы»³. При этом Ж. Бодрийяр указывал, что следует «вычитывать не прямой смысл, а тайный, вскрывая истинную структуру общества»⁴. В самой кодировке он выделяет три уровня: притянутый смысл (семиотическая интерпретация), прикладной смысл (перевод в прикладной текст, физический статус вещи в социальный статус), пластический смысл (эмоциональный отклик на вещь).

Опираясь на герменевтические и гендерные методы исследования, рассмотрим экспликацию онтологических параметров вещи – депозитов римских монет и брактеатов: материал, форма, пространство-время, структурность, функционал.

Обширный археологический материал позволяет выделить три группы монет, которые были распространены на территории древних германцев. Обстоятельства притока римских монет в Барбарикум в значительной степени дифференцированы и зависят от периода, наименования и территории их бытования. Первую группу монет составляют *denarii*. *Denarii* – это наибольшая группа римских монет, зарегистрированная в центральных и северных частях германского мира в период II–VI вв. Они были найдены более чем в 500 запасах и в 3000 захоронениях. Их общее количество составляет приблизительно 140000 серебряных монет в целом. Большинство

исследователей сходитя на том, что данный вид монет пересекал римскую границу как часть платежей, сделанных императорами вождям германских племен, живущим как на границе с империей, так и на большом расстоянии от ее границ⁵. Ко второй группе монет относятся *sestertii*. Эти монеты в большом количестве найдены на территории юго-восточной Балтики. Их приток на данные территории связывают с янтарной торговлей в период II–III вв.⁶ Последнюю, третью, группу представляют *solidi*. Это римские монеты, получившие распространение в V–VI вв. на территории Дании, Швеции и Норвегии. Политические связи с указанными германскими государствами обусловили приток данных монет⁷.

При этом депозиты римских монет можно разделить на две группы: первая группа – это собственно римские монеты, вторая группа – это брактеаты. Брактеаты рассматриваются в нескольких значениях: во-первых, это плоские монеты из золота или серебра с чеканкой на одной стороне; во-вторых, золотые подвески, являющиеся скандинавскими копиями римских медальонов; и, в-третьих, римская золотая монета с петлей для ношения в качестве амулета. Брактеаты были обнаружены, прежде всего, в составе погребального инвентаря, однако на территории Скандинавии их большинство было найдено в тайниках и кладах. Они встречаются в Дании, Швеции и Норвегии сотнями, а в соседних странах – в меньшем количестве. А. Бурш отмечает, что брактеаты известны только на территории Барбарикума, охватывая все три региона германского мира, за его пределы они не выходили⁸. В свою очередь брактеаты делят на 4 группы в зависимости от изображений, представленных на них. Группу А составляют брактеаты с профилем императора, которые датируются V в. В группу Б входят брактеаты, на которых изображены сцены, скопированные с римских оригиналов, где Победа коронует героя. Брактеаты, на которых помещены всадники, скопированные с изображения императора, составляют группу В. Монеты группы Б и В датируются V–VI вв. Группа Г состоит из брактеатов с абстрактным орнаментом, состоящим из фигур животных. Эту группу относят к VI–VII вв.⁹ Данная классификация является одной из самых полных, но даже она не включает в себя все многообразие изображений. За ее пределами остаются те изображения, которые

¹ Lotte H. Empire, Frontier and the Barbarian Hinterland... P. 125.

² Бодрийяр Ж. Система вещей. С. 35.

³ Там же. С. 35.

⁴ Там же. С. 45.

⁵ Bursche A. Circulation of Roman Coinage... P. 2.

⁶ Там же. P. 2.

⁷ Там же. P. 3.

⁸ Bursche A. Roman gold medallions... P. 84

⁹ Дэвидсон Х. Э. Древние скандинавы... С. 97.

не имеют аналога в римской символической системе. Многие исследователи связывают их с культами Одина, Тора, Фрейра или героев эпоса (например, Сигурд). Х. Э. Дэвинсон считает, что они не имеют отношения к сценам из мифов и легенд, и мастера стремились на них изобразить символы могущества, которые в той или иной степени были связаны с божествами¹. Например, лошадь и орел – с Одином, свастика – с Тором. А. Бурш обращает внимание на тот факт, что все медальоны имеют петли, выполненные в германском стиле, приложенные выше императорского портрета, при этом все украшения находятся на лицевой стороне, которая не изношена как другая².

М. Тодд отмечает, что до IV в. декоративное искусство древних германцев имело очень ограниченную сферу использования³. Орнамент, встречающийся на металлических сосудах, брошах, оружии не представляет собой ничего оригинального. Стили орнамента и техники металлообработки, распространенные среди германских народов, были не чисто германского происхождения, а, прежде всего, являлись результатом влияния Рима. По его мнению, германские художники не интересовались натуралистичным или изобразительным искусством. Они предпочитали работать с одним орнаментом, и стиль, который получил развитие, был результатом разработки огромных орнаментальных возможностей, которые давало им изображение животных. Мастера поняли, как крадущиеся и извивающиеся звери могут заполнить лишнее пространство на брошах и металлических накладках. Если в этом мире и появляются люди, что бывает довольно редко, то их тела также оказываются вытянутыми или искаженными. Возможно было и сочетание фигур: фантастические звери хватают человека, еще один монстр скачет на морской лошади... «Понятно, что некоторые из этих гротескных сцен борьбы между людьми и чудовищами изображают сцены из мифов, однако было бы слишком утомительно, да и не нужно пытаться их отождествить»⁴.

Традиционно депозиты римских монет рассматривают как свидетельство далеко идущих контактов, поддерживаемых членами германской властной элиты на расстоянии больше, чем 3 тыс. км.⁵ Однако письменных свидетельств этого не так уж много. Григорий Турский упоминает, что в VI в. императоры еще использовали

золотые медальоны в качестве подарков германским правителям⁶.

А. Бурш рассматривает в своей работе модель распространения римских монет в германском мире. Проанализировав археологический материал, он пришел к выводу, что римские монеты доставлялись из Римской империи до единственного крупного центра власти в Барбарикуме. Там они были переделаны согласно текущей моде и вкусам германской элиты, так возникали брактеаты. Впоследствии монеты были перераспределены в меньшие, региональные центры власти на расстояние больше, чем 2000 км (от Дуная до юго-западной Скандинавии). Там они вошли в систему местного обмена. Преимущество этой модели состоит в том, что она проливает больше света в ряде других теорий на то, как действовал механизм распределения римских монет в пределах германского мира и изменений в их статусе. Она позволяет говорить о существовании устойчивых контактов между членами германской элиты, с одной стороны, и о продвинутой социальной системе, иерархии в пределах элиты племенной федерации, с другой⁷. Являясь первоначально внешним источником власти и символом престижа, римские монеты распространились среди германской элиты и приобрели новое значение: от свидетельств политических контактов между германской элитой и Римской империей до сакральных предметов⁸.

Данную модель распространения римских монет Дж. Хайнес рассматривает на примере Скандинавии⁹. Статус монет в Скандинавии претерпел ряд значительных изменений. Первоначально римский импорт, получаемый в качестве даров, знаков дружбы или брачного союза, являлся подтверждением конкретного социального статуса. Со временем для правящей элиты римские монеты становятся «ресурсом, способствующим развитию торговли, обеспечивающим безопасность и защиту»¹⁰. В данном случае они были не просто предметом локальной инфраструктуры, а по существу краеугольным элементом в экономической и общественной жизни в Скандинавии.

Т. Грэйнд, изучая вопрос о статусе римских монет в германском обществе, а именно – в военном сообществе, исходит из того, что римляне были заинтересованы в дружелюбном соседе, который защитил бы римские границы и иногда препятствовал другим племенам совершать нападения

¹ Дэвидсон Х. Э. Древние скандинавы... С. 99.

² Bursche A. Roman gold medallions... P. 88.

³ Тодд М. Варвары. Древние германцы... С. 201.

⁴ Там же. С. 201.

⁵ Werner J. Danceny und Brandstrup... P. 141.

⁶ Тьерри О. Рассказы из времен Меровингов. С. 167.

⁷ Bursche A. Roman gold medallions... P. 89.

⁸ Там же. P. 92.

⁹ Hines J. Myth and reality... P. 167.

¹⁰ Там же. P. 168.

на империю. В связи с этим они могли бы обеспечивать «соседа» определенными ресурсами. Дипломатические контакты осуществлялись через мирные договоры и финансовую помощь в виде «подарков», которые внутри германского общества начинали жить своей жизнью¹. На основе археологических данных, представленных материалами погребений древних германцев, сравнил количество римских монет в них, материал, сопроводительный инвентарь, он рассматривает римские монеты как маркер положения в древнегерманском военном сообществе. Волновое изменение характера римских монет в захоронениях соответствует существованию трех регионов германского мира, где степень римского влияния была различна. Первый регион – это пограничная зона, радиус которой составлял 100 км, где римские монеты выступали в качестве маркера идентичности древнегерманского воина. Второй регион – территория Северной Европы, где римские монеты – это часть военно-политических контактов. Третий регион – Скандинавия, на территории которой появление римских монет связано с военной добычей.

Римский объект, вступая в Барбарикум, меняет свое первоначальное значение, но возрастает его символическая значимость. Таким образом, римские монеты – показатель интенсивности контактов, с одной стороны, римского союзника и лидера своего племени, с другой, торговых отношений и механизма управления германской элитой, которая выступает как единое целое².

В современной литературе роль римских монет в Барбарикуме продолжает анализироваться в значительной степени с экономических позиций, когда они рассматриваются только как дань или как оплата за товары, пленников или услуги. Для понимания семантики римских монет в германском мире необходимо оставить позади современные представления о роли денег в обществе. Семантика использования римских денег в пределах Барбарикума была неоднозначной и изменялась в зависимости от области и периода ее возникновения. Последние исследования показывают, что эти функции можно рассматривать на трех уровнях: обращение, преобразование и смещение³. Во-первых, в пределах Империи они использовались как универсальные деньги. Они выступали как средство оплаты в социальных и политических сделках (дань, выкуп, вер-

гельд), в качестве приданого или семейной реликвии наряду с другими предметами римского импорта. Римская валюта использовалась также в обменных сделках. Однако римские монеты, представляя собой личное богатство, содержали материальную, но колеблющуюся ценность, которая изменялась от одной сделки к другой. Не было предусмотрено никаких стандартных ценностей. Понятие «ценности» являлось специфическим в рамках варварских сообществ. Никто не мог использовать римские монеты в форме гарантии ценности в пределах варварского общества, так как центральная власть, чеканящая их, была внешней и не имела действительной власти в германских землях. В то же время германцы не развивали внутреннюю чеканку, они чеканили подделки римских монет – брактеаты, имевшие место на границах с Римом. Обнаруженные римские монеты, как деталь пояса (концы ремня, застежки пояса), являющиеся общим элементом обстановки в могилах вождей и встречающийся в могилах простых воинов, позволяют предположить, что они были частью внешней атрибутики древнегерманских воинов, которые, желая подражать их *principes*, находившимся в социальном отношении выше, в их манере одеваться, стиле жизни и времяпрепровождения, использовали для этого римские *denarii*. Во-вторых, на территории Северной Европы собственно римских монет уже встречается меньше, зато увеличивается число брактеатов, большинство которых древние германцы использовали для ношения на поясе как элемент одежды. В данном регионе брактеаты часто превращались в амулеты, украшения и драгоценности. В западногерманских землях они крепились в ожерелья в окружении бисера и янтаря. При этом брактеаты имели идеологическое значение, особенно те, на которых был изображен имперский портрет: они использовались как символ престижа и власти германской элитой. Порой брактеаты выступали как удобный запас металлолома, так как по химическому составу и весу соответствовали креплениям брони. В-третьих, они являлись специальной категорией личного богатства, имущества, включались в династические запасы, где наряду с другими предметами играли роль маркера высокого статуса, в символической форме отображали власть и престиж. Брактеаты сопровождали владельца в загробной жизни. В некоторых случаях они играли роль типичных погребальных товаров, появляясь как кулоны, элементы ожерелий, одеяния (в мешочках, приложенных к поясу) или военного механизма. Их присутствие сложно интерпретировать как

¹ Grane T. Southern Scandinavian... P. 86.

² Grane T. The Roman Empire and Southern Scandinavia... P. 35.

³ Bursche A. Circulation of Roman Coinage... P. 8.

составляющую часть погребального ритуала. Об этом можно говорить лишь в отношении тех захоронений, формой которых являлась кремация, однако следует отметить, что на многих монетах нет никакого следа пребывания в погребальном костре. Это позволяет предположить, что они были депонированы после кремации, то есть непосредственно в течение церемонии похорон, как часть погребального ритуала. Также обращает на себя различное положение собственно римских монет в погребении. На западногерманских и прибалтийских землях встречается положение монет близкое к голове, иногда завернутое в кору березы. Возможно, с учетом того, что береза, как думают, играла существенную роль в мифологии и сагах, где она имеет функцию «космического дерева», такое положение обеспечивало общение между мирами. В отсутствии коры березы были монеты, помещенные в дополнительные сосуды или иногда также обернутые в части ткани. В захоронениях Тюрингии, Богемии и Силезии является интересным примером определенного похоронного обряда среди варварской элиты положение монет во рту похороненных людей. Также депозиты монет, найденные в стенах жилища, колодцах, на болотах, играли роль подземных подношений.

Специальная и многогранная функция имперской чеканки в варварских обществах иллюстрирована лучше всего золотыми частями, распространенными на Севере Европы. Она зависит от хронологического периода или территории, от определенных социальных, политических и религиозных отношений, от разряда и статуса к символам лояльности и дружбы в политических и личных контактах. Римские золотые монеты, в частности их имитации и скандинавские брактеаты, выполняли определенные функции в этом отношении, сопоставимые со средневековыми регалиями, где римский императорский портрет играл важную ритуальную и харизматическую роль, сопоставимую с христианским крестом. Римское золото часто расплавлялось, чтобы быть преобразованным в более знакомые и родные, но примитивные ценности, типа спиральных колец или слитков, или в различные символические формы статуса типа шейных колец.

Монеты – это самая частая категория римского импорта, которая встречается на территории германского мира. На основе анализа археологических данных мы можем говорить о том, что не было никакой однородной функции римской чеканки в германском мире. Семантика использования римских денег в пределах Барбарикума

находилась в прямой зависимости от региона и занимаемого статуса в древнегерманском мире и в военном сообществе в частности, выступая в качестве символа или знака в социальной коммуникации гетерогенного значения, отделяющего экономические позиции от социальной, политической или символической функции римских монет.

Список литературы

1. Бодрийяр, Ж. Система вещей / Ж. Бодрийяр. – М.: РУДОМИНО, 2001. – 91 с.
2. Вахштайн, В. Социология вещей и «поворот к материальному» в социальной теории / В. Вахштайн // Социология вещей: сб. ст. / под ред. В. Вахштайна. – М.: Территория будущего, 2006. – 392 с.
3. Гофман, И. Закрепление форм деятельности / И. Гофман // Социология вещей: сб. ст. / под ред. В. Вахштайна. – М.: Территория будущего, 2006. – 392 с.
4. Дэвидсон, Х. Э. Древние скандинавы. Сыны северных богов / Х. Э. Дэвидсон. – М.: Центрполиграф, 2008. – 186 с.
5. Латур, Б. Когда вещи дают отпор: возможный вклад «исследований науки» в общественные науки / Б. Латур // Социология вещей: сб. ст. / под ред. В. Вахштайна. – М.: Территория будущего, 2006. – 392 с.
6. Тодд, М. Варвары. Древние германцы. Быт, религия, культура / М. Тодд. – М.: Центрполиграф, 2005. – 223 с.
7. Тьерри, О. Рассказы из времен Меровингов / О. Тьерри. – СПб.: Изд-во А. С. Суворина, 1892. – 368 с.
8. Харре, Р. Материальные объекты в социальных мирах / Р. Харре // Социология вещей: сб. ст. / под ред. В. Вахштайна. – М.: Территория будущего, 2006. – 392 с.
9. Bursche, A. Circulation of Roman Coinage in Northern Europe in late antiquity / A. Bursche // History and measure. – 2002. – No. XVII – 3/4. – P. 1–16.
10. Bursche, A. Roman gold medallions as power symbols of the Germanic Elite / A. Bursche // Roman gold and the development of the early Germanic Kingdom / ed. B. Magnus. – Stockholm, 2001. – P. 88–102.
11. Grane, T. Southern Scandinavian foederati and auxiliarii / T. Grane // Beyond the Roman Frontier. Roman influences on the Northern Barbaricum. – Rome, 2007. – P. 83–105.
12. Grane, T. The Roman Empire and Southern Scandinavia – a Northern connection / T. Grane. – Copenhagen: Univ. of Copenhagen, 2007. – 317 p.

13. Hines, J. Myth and reality: the contribution of archeology / J. Hines // Old Norse Myths, Literature and Society / ed. G. Barnes, M. C. Ross. – Australia: Univ. of Sydney, 2000. – P. 165–174

14. Lotte, H. Empire, Frontier and the Barbarian Hinterland: Rome and the Northern Europe / H. Lotte // Centre and Periphery in the Ancient World / ed. M. Rowlands, M. Larsen, K. Kristiansen. – Cambridge: Cambridge Univ. Press, 1987. – P. 125–140.

15. Werner, J. Danceny und Brandstrup. Untersuchungen zur Cernachow-Kultur zwischen Sereth und Dnestr, und zu den Reichtumzentren auf Fiinen / J. Werner. – Bonner Jahrbücher, 1988. – 269 p.

Сведения об авторе

Нечаева Светлана Владимировна – соискатель кафедры всеобщей истории Пермского государственного национального исследовательского университета, учитель истории, обществознания и экономики МБОУ «СОШ № 2 с углубленным изучением предметов гуманитарного профиля».

nechaeva310@yandex.ru

Bulletin of Chelyabinsk State University. 2015. № 16 (371).

History. Issue 65. P. 101–107.

DEPOSITS OF THE ROMAN COINS AND BRACTEATES AS A MARKER OF LIFE OF THE OLD GERMANIC MILITARY COMMUNITY

S. V. Nechaeva

An applicant/competitor of the Chair of Universal History, PSU; a teacher of history, social sciences, and economics at the comprehensive school №2 for humanities.

nechaeva310@yandex.ru

The author analyzes the intercommunication between changes of material environment and a type of thinking of social relations, applied to deposits of the Roman coins and bracteates as a marker of life of the Ancient Germanic military community. The functions of the Roman coins and bracteates are examined by taking into account the regional specifics of the Germanic world, after analyzing archaeological data by means of hermeneutics and gender methods of research. It turns out that semantics of the use of the Roman coins and bracteates within the limits of Barbaricum changed, depending on the area and period of their existence, the degrees of intensity of contacts with the Roman Empire: the wave change of character of the Roman coins corresponds to the existence of three regions of the Germanic world. The special attention is paid to the status of the Roman coins and bracteates in an Ancient German military community, the features of its structure to be taken into account.

Keywords: sociology of things; deposits of Roman coins; bracteates; Barbaricum; military society of Old Germanic people; regional features of the Germanic world.

References

1. Bodriyyar Zh. *Sistema veschey* [System of things]. Moscow, RUDOMINO Publ., 2001. 91 p. (In Russ.).

2. Vahshtayn V. Sotsiologiya veschey i «povorot k materialnomu» v sotsialnoy teorii [Sociology of things and “turn to material things” in a social theory]. *Sotsiologiya veschey. Sbornik statey* [Sociology of things. Collection of works]. Moscow, Territoriya budushego Publ., 2006. 392 p. (In Russ.).

3. Gofman I. Zakreplenie form deyatel'nosti [Fixation of forms of activity]. *Sotsiologiya veschey. Sbornik statey* [Sociology of things. Collection of works]. M., Territoriya budushego Publ., 2006. 392 p. (In Russ.).

4. Davidson H. E. *Drevnie skandinavyy. Syinyi severnyih bogov* [Ancient Scandinavians. Sons of northern Gods]. Moscow, Tsentropoligraf Publ., 2008. 186 p. (In Russ.).

5. Latur B. Kogda veschi dayut otpor: vozmozhnyiy vklad «issledovaniy nauki» v obschestvennyie nauki [When things repulse: possible contribution of “researches of science” to social sciences]. *Sotsiologiya veschey. Sbornik statey* [Sociology of things. Collection of works]. Moscow, Territoriya budushego Publ., 2006. 392 p. (In Russ.).

6. Todd M. *Varvaryi. Drevnie germantsyi. Byit, religiya, kultura* [Barbarians. Ancient Germans. Mode of life, religion, culture]. Moscow, Tsentropoligraf Publ., 2005. 223 p. (In Russ.).
7. Terri O. *Rasskazyi iz vremen Merovingov* [Stories from times of the Merovingians]. SPb., Izdatelstvo A. S. Suvorina, 1892. 368 p. (In Russ.).
8. Harre R. Materialnyie ob'ekty v sotsialnyih mirah [Material objects are in the social worlds]. *Sotsiologiya veschey. Sbornik statey* [Sociology of things. Collection of works]. Moscow, Territoriya buduschego Publ., 2006. 392 p. (In Russ.).
9. Bursche A. Circulation of Roman Coinage in Northern Europe in late antiquity. *History and measure*, 2002, no. XVII – 3/4, pp. 1–16.
10. Bursche A. Roman gold medallions as power symbols of the Germanic Elite. *Roman gold and the development of the early Germanic Kingdom*, ed. B. Magnus. Stockholm, 2001. Pp. 88–102.
11. Grane T. Southern Scandinavian foederati and auxiliarii. *Beyond the Roman Frontier. Roman influences on the Northern Barbaricum*. Rome, 2007. Pp. 83–105.
12. Grane T. The Roman Empire and Southern Scandinavia – a Northern connection. Copenhagen, Univ. of Copenhagen Publ., 2007. 317 p.
13. Hines J. Myth and reality: the contribution of archeology. *Old Norse Myths, Literature and Society*, ed. G. Barnes, M. C. Ross. Australia, Univ. of Sydney Publ., 2000. Pp. 165–174.
14. Lotte H. Empire, Frontier and the Barbarian Hinterland: Rome and the Northern Europe. *Centre and Periphery in the Ancient World*, ed. M. Rowlands, M. Larsen, K. Kristiansen. Cambridge, Cambridge Univ. Press Publ., 1987. Pp. 125–140.
15. Werner J. *Dancený und Brandstrup. Untersuchungen zur Cernachow-Kultur zwischen Sereth und Dnestr, und zu den Reichtumzentren auf Fiinen*. Bonner Jahrbücher, 1988. 269 p. (In German).

УДК 94
ББК 63

Е. Е. Ибраев

ИСТОРИЧЕСКАЯ ТРАНСФОРМАЦИЯ ОБРАЗА АНГЛИЙСКОЙ ЖЕНЩИНЫ В «КОЛОНИАЛЬНОМ» КИНО ВЕЛИКОБРИТАНИИ

Рассматривается трансформация кинематографического образа английской женщины и ее роли в колониальной политике Британской империи. Исследование является междисциплинарным, на стыке киноискусства и истории. За основу исследования взяты британские киноленты постколониального периода, характеризующиеся наличием авторского взгляда и объективного освещения сюжета, а также отсутствием идеологических штампов. Для анализа указанной темы используются фильмы английских постановщиков разных лет. Начиная с 1952 г. и заканчивая 1999 г., можно проследить эволюцию взглядов на женский образ в колониальном кино Англии, а также выявить, что влияло на подобное изменение взглядов. Последовательно проводится мысль, что наличие женского персонажа в фильмах об Империи позволяет глубже изучить особенности отношений между народами метрополии и колоний.

Ключевые слова: Британская империя; английский кинематограф; английская женщина; религиозная миссия; колония.

Британское «колониальное» кино далеко не сразу ввело женские персонажи в сюжет своих произведений. Например, в колониальных лентах Александра и Золтана Корды женские лица мелькают, произносят несколько речей, выражают общие эмоции, но полноценных образов не создают. Создателям кино об Империи женщина казалась излишне мелодраматичным, даже вычурным персонажем, там, где необходимо было снимать и показывать героические подвиги британских солдат, отеческую опеку англичан над «неразумными» туземцами (женщины в таком амплуа не годились), наконец, объяснять жесткую политику по отношению к непокорным повстанцам в колониях и т. д. Однако с осознанием того, что и колониальное кино может оказаться продуктом высокого творчества и местом для раскрытия социальных отношений, актуальных для XX в., женский образ нашел себя в нем. Это случилось уже в постимперский период, когда начали сниматься фильмы, где женщины играли главные роли, а вокруг их персонажей закручивался сюжет и строилась интрига.

Этот процесс зародился за несколько лет до возникшей в 1960-х гг. сексуальной революции, которая заявила о новом статусе женщины в обществе. Но только благодаря этой революции женский образ в кино утвердился и приобрел разносторонний характер. К тому же его развитие совпало с возникновением в исторической науке гендерного направления, которое изучало

межполовые отношения, а также роль женщины в истории.

Вопрос о роли женщины в колониях Британской империи рассматривался ранее некоторыми зарубежными исследователями. Среди них Кэтлин Браун, которая в своем труде¹ изучает институт женского рабства в Британской Северной Америке, как он повлиял на гендерные отношения и формирование идеалов жителей Вирджинии. Также необходимо вспомнить исследование Синтии А. Кернер². В ее статье центральное место уделяется вопросам гендерных, бытовых, социальных отношений, тому, как английские и туземные женщины влияли на общественный облик белых мужчин, проживающих в британских колониях.

Однако авторы данных трудов не принимали во внимание такой источник информации в изучении вопроса, как художественный кинематограф. Этот источник в случае критического отношения к нему может иметь существенное значение в осмыслении исторической проблемы.

Цель данной статьи – проследить трансформацию кинообраза английской женщины в эволюции империи.

Одним из пионеров в жанре «Женщина и Империя» стал фильм британского режиссера Джона Хьюстона «Африканская королева», снятый в 1951 г. Фильм повествует о приключениях жен-

¹ Brown Kathleen M. Good Wives, Nasty Wenches... P. 320.

² Kierner Cynthia A. Gender, Families, and Households... P. 214.

щины-англичанки, которая на территории Восточной Африки занимается миссионерской деятельностью.

Миссионерская деятельность была важным инструментом создания и поддержания империи. Христианские миссии облагораживали и оправдывали стремления англичан проникнуть и закрепиться на территориях государств Азии и Африки. В период расцвета Британской империи особенно важно было подчеркнуть свою цивилизаторскую миссию, и в этом смысле миссионеры-женщины были актуальным звеном подобной пропаганды.

Кинофильм «Африканская королева» снят на закате имперского периода и является своего рода попыткой возродить имперские традиции в общественном сознании. Действие фильма происходит в 1914 г., в самом начале Первой мировой войны. Фильм открывается сценой в небольшой деревушке, находящейся на территории Германской Восточной Африки, где преподобный Самуэл и его сестра Роза учат местных жителей церковным пениям. Затем в деревню прибывают немецкие солдаты и начинают поджигать соломенные хижины, а самих туземцев сгонять в группы, чтобы потом забрать их в армию. Самуэл, не выдержав подобного зрелища, умирает от сердечного приступа, оставив сестру в одиночестве. Роза, опасаясь возвращения солдат, уплывает с речным торговцем, канадцем Олнетом, на его судне, которое называется «Африканская королева». С британкой происходит некая душевная трансформация, и она начинает проявлять желание отомстить немцам за смерть брата и за всю Англию. Она решает изготовить торпеду из кусков динамита и пустых газовых баллонов, хранящихся у Олнета, и взорвать дрейфующий в океане немецкий крейсер «Луиза». Торпеду она планирует укрепить на носу «Королевы», и, подплыв в темноте к крейсеру, протаранить его, активировав тем самым заряд. Перед взрывом они должны успеть покинуть свое судно. Олнет в ужасе слушает ее план, но, опасаясь, что его обвинят в трусости, начинает собирать импровизированную торпеду. Британка весь фильм удивляет его своей твердостью, стойкостью характера и остротой ума. Словно сама Британия подает пример своему младшему партнеру – Канаде.

Кульминацией фильма служит сцена попытки выполнить план Розы по подрыву немецкого крейсера. Из-за сильного шторма их затея проваливается, Розу с Олнетом берут в плен и поднимают на борт корабля. Разрушенная бурей «Африканская королева» уплывает по течению. По-

сле короткого допроса заговорщиков приговаривают к повешению, и тогда Роза просит капитана перед смертью обвенчать их. Немецкий экипаж с изумлением и восхищением смотрит на нее, и в это время корабль натывается на обломок судна Олнета с привязанной торпедой. Раздается взрыв, крейсер тонет, а обвенчанные Роза и Чарли благополучно доплывают до берега.

Таков первый образ английской женщины в «колониальном кино» Великобритании. Он сочетает в себе идеал британского героя, цивилизаторскую миссию Империи, а также гордый английский дух, побуждающий бывших подданных Короны по-прежнему верить Британии.

Еще один сюжет, связанный с образом англичанки в колонии, базируется на тезисе о непреодолимости культурно-цивилизационного различия метрополии и колоний.

Как писал Г. Галловой, «...по большей части европейские женщины жили в Индии в затворничестве. Конечно, как утверждали феминистки, женщины во всей империи сталкивались с непреодолимыми трудностями. За малым исключением, у них не имелось существенной работы и независимой роли. Их удерживали от изучения местных языков из-за предполагаемого неприличия этих слов. Им скармливали мрачные и жуткие истории о похоти жителей колоний. Несомненно, целью было увеличить зависимость от своих мужей и предотвратить возможные нежелательные контакты с туземцами»¹.

Характерен в этой связи эпизод из фильма «Поездка в Индию» (режиссер Дэвид Лин, 1984 г.). «Туземцы? – восклицает миссис Бристон в этой киноленте на вопрос приезжих англичанок. – Я никогда о них не думаю».

Упомянутый фильм повествует о драме, произошедшей из-за обвинения британской туристкой Эдель местного врача-индуса, который, проводя экскурсию в таинственных Маарабских пещерах, якобы, напал на нее и попытался изнасиловать. Этот момент является ключевым для всего сюжета, который позволяет проследить, каким образом женщины были в «колониальном» кино 1970–1980-х гг.

Эдель, в ужасе прибежав в дом своего жениха Рональда, британского чиновника, с расцарапанными руками и в порванной одежде, истерично рассказывает, как индус набросился на нее и повалил на пол пещеры. Этот момент до конца фильма так и останется неясным, ведь по сюжету врач-индус Ахмед предстает перед зрителями как интеллигентный цивилизованный индеец с европейским воспитанием. Режиссер и оператор фильма

¹ Callaway H. Gender, Culture and Empire... P. 237.

дают киноаудитории одну небольшую, но очень символичную подсказку, которая заключается в кадрах, предваряющие путешествие в пещеры. Эдель, прогуливаясь в окрестностях городка, наталкивается на древние каменные скульптуры, изображающие сцены из Камасутры. Чопорная англичанка с ужасом смотрит на целующиеся, слитые в тесные объятия статуи. Возможно этот «культурный» шок и повлиял на отношение британки к добровольному проводнику.

В «Поездке в Индию» режиссер Дэвид Лин отводит женскому персонажу роль взрывоопасного фактора, способного всколыхнуть устоявшиеся отношения между британцами и автохтонным населением. Эдель в его фильме несет в себе зачаток неразумного, эмоционального, стихийного начала, которое могло поставить под угрозу все достижения Империи в деле сохранения существующего порядка в Индии.

Впрочем, далеко не все английские режиссеры постимперского периода отводили женским персонажам такие сложные двойственные роли, как Лин.

В фильме «Недостойное поведение» (1975 г.) М. Андерсона перед нами предстает совершенно иной тип английской женщины. Этот тип был связан с такими обстоятельствами, как приезд в совершенно чуждую страну, попадание в экзотическую обстановку, состоящую исключительно из мужчин – белых и цветных. Все это могло до неузнаваемости трансформировать сознание и поведение британской женщины.

Сюжет фильма «Недостойное поведение» повествует о расследовании скандального происшествия, случившегося в британском полку, расквартированном в колониальной Индии. В происшествии будет обвинен молодой улан, новичок в армии, которому будет выдвинуто обвинение в недостойном, по военно-британским меркам, поступке по отношению к вдове погибшего ветерана. Этот ветеран являлся близким другом многих офицеров. К тому же погибший был посмертно награжден Крестом Виктории, высшей военной наградой Великобритании, которая вручается за героизм, проявленный в боевой обстановке.

Офицерской вдовой, подвергшейся нападению, является молодая и очень привлекательная миссис Скарлетт. Окруженная сочувствием и мужским вниманием, граничащим со страстью, молодая англичанка стремительно меняет поведение, которое никак не вяжется с образом безутешной вдовы.

Сержант, наставляющий молодых уланов, как себя следует вести в полку, вскользь роняет

слова и о Скарлетт: «Она, конечно леди, но...». Следует пауза, и сержант заканчивает несколько неуверенно: «...не идите у нее на поводу и не поддавайтесь внезапно хлынувшим чувствам...». Тем самым он выразил свое настороженное отношение сугубо военного человека к женщине в полку.

В сценах торжественного, по случаю победы над индусами-повстанцами, бала, мы видим Скарлетт, пьющей вино в окружении молодых офицеров и улыбающейся их скабрёзным армейским шуткам. Когда к ней подходит пожилой офицер и говорит ей пусть и галантно, но твердо: «Вы довольно вызывающая женщина», она с грациозной улыбкой отвечает, что «небольшая пошлость еще никому не повредила». Эта фраза окончательно рушит традиционное зрительское представление об армейских вдовах. Скарлетт приятно такое обращение мужчин к себе, здесь, вдали от старой чопорной Англии. Здесь у нее высокий статус, положение, внимание. Не нужно обладать острым умом, какими-либо творческими способностями, профессиональными навыками, достаточно лишь быть красивой женщиной в этой сугубо мужской среде. Поэтому ее слова: «Я боюсь потерять Индию», – несут прямолинейный эгоистический характер. Как говорил английский историк-публицист Томас Маколей: «Индия привлекает европейцев, как горы – тигров. Они терпят неприятный климат ради того, что могут получить»¹.

Но когда сюжет фильма доходит до начала завязки, а именно акта насилия по отношению к ней, Скарлетт приходит в ужас и, в разорванной одежде, окровавленная, взывает о помощи. В ней уже нет никакого налета вульгарности, столкнувшись с грубыми повадками мужской среды и осознав, что военные далеко не всегда бывают галантны, она теряет самообладание и обвиняет едва ли не первого встречного. Им оказался один из недавно прибывших в полк молодых уланов. Параллельно с этой сценой демонстрируется кадр с искусственным женским торсом манекена, который стоит в витрине голым и неприкрытым. Этот торс словно служит символом незащищенности и некой чужеродности женщины в армейской среде.

Далее начинается долгое расследование обстоятельств происшедшего, после которого военные решают самостоятельно осудить молодого улана, дабы не выносить сор из избы. Однако друг новобранца, назначенный его защитником, проводит самостоятельное следствие. В результате выясня-

¹ Пирс Брендон. Упадок и разрушение... С. 177.

ется, что подобные нападения на женщин в полку были и ранее. Жертвами становились как индийские женщины – жены индусов-соратников британских военных, так и европейские женщины, жившие в полку до приезда Скарлетт. И все подвергались одинаковой процедуре, на них нападали, рвали одежду, и кололи шпагами ягодицы и бедра. Молодой британец вспоминает эпизод с посвящением в солдаты полка – когда нужно было чучело кабана прогнать по всем комнатам казарм и даже штаба, чтобы в итоге исколоть его филейную часть тела.

Защитник подозреваемого улана находит индийскую женщину, вдову индуса, павшего в бою вместе с мужем Скарлетт. Вдова рассказывает, что такой же случай произошел с ней месяц назад, то есть когда обоих уланов еще не было в полку, и тогда никто этот случай не расследовал, наоборот, его постарались скрыть, ввиду «не особой тяжести происшедшего».

В итоге новобранец оказывается оправданным, но рассказ индианки содержал еще некоторые детали. Нападению она подверглась после того, как изменила уже погибшему мужу с одним офицером из штаба. Улан, поневоле расследующий это дело, приходит к очень неприятному выводу: акты насилия совершались именно офицерами полка, теми же самыми, что гоняли чучело кабана. И выражение «заколи свинью» означало акт мести и своеобразной воинской справедливости по отношению к неверным женам и вдовам полка.

Теперь становится понятно и название киноленты – «Недостойное поведение», которое адресовано было не разбитным и дичающим от недостатка женского внимания военным, а тем самым женщинам, решающим провести свою жизнь вдали от Англии, там, где их репутация и статус не могут пострадать в силу определенных обстоятельств.

Как видим, в постимперский период английский кинематограф с подозрением относился к роли женщины в судьбе Империи, отводя им часть изменщицы нравов либо просто лживой европейки, чье поведение губительно для имперской политики.

По словам историка Пирса Брендона, «...трагедией британской Индии являлась неподготовленность мэм-сахиб. Например, некоторые британки искусственно развивали в себе отвращение к азиатам». «На самом деле я думаю, что ненавижу женщин больше, чем мужчин!» – приводит историк слова леди Григ. «Я нахожу их полуцивилизованными и совершенно отвратительными

и отталкивающими. Особое отвращение вызывают отделанные блестками сари их тучные тела, такие грубые, бесформенные, без корсетов»¹.

Другие историки отмечают, что «...некоторые европейские женщины выражали к местным жителям симпатию, сочувствие и были бескорыстны. Они с готовностью дружили с женщинами с другим оттенком кожи, предпочитали наводить мосты с местными людьми, а не играть в бридж с себе подобными. В Хартуме одна британка пыталась научить суданских девочек шотландским песням на несколько голосов. В Лагосе Женская лига учила приготовлению пищи, гигиене и шитью»².

В 1999 г. на экраны выходит фильм Энди Теннант «Анна и король», где британская женщина показана не без самоуважения от авторов, и, более того, сюжетом ей уготована судьбоносная роль для целой страны.

Сюжет рассказывает о следующем: английская учительница Анна Лайнвэнс приезжает в Сиам (современный Тайланд), чтобы учить детей местного монарха по имени Монгкут. Здесь британские манеры столкнутся с восточными традициями, помноженными на мироощущение азиатского владыки. Параллельно в фильме идет рассказ о заговоре французских диверсантов и подкупленных ими бирманцев против сиамского короля. Неожиданно на помощь Монгкуту приходит Анна, чьи европейские знания и британский характер станут решающим фактором в борьбе за спасение Сиама.

Почему вдруг женский персонаж получает такой значимый статус?

Во-первых, к концу XX в. образ чопорной англичанки в главной роли был уже недопустим в британском кинематографе. На первый план выходят женские персонажи, отличающиеся толерантностью и демонстрирующие британские ценности с самой лучшей стороны. Во-вторых, авторы фильма решают показать зрителям новый образ европейца, англичанина в колониальной Азии. Прежние образы уже не годились, поскольку к концу XX в. привлечь внимание киноаудитории к «колониальному» сюжету мог фильм только с мелодраматической линией. Поэтому главным действующим лицом становится женщина, а ее антагонистом – восточный мужчина, наследственный правитель.

В уста главной героини – Анны – вложены такие фразы, которые она произносит с первых

¹ Пирс Брендон. Упадок и разрушение... С. 377.

² Chaudhuri N. C. The Autobiography of an Unknown Indian. P. 223.

кадров киноленты: «Индия – часть Англии. В этом смысл колонизации». То есть колонизация, в представлении авторов фильма, – это был процесс приращивания и непременно приравнивания условной Индии к самой Британии. Еще одна фраза: «Традиции Англии – традиции всего мира, король поймет нас, не владея английским», – говорит о том, что британизация Азии, по мнению создателей киноленты, была вполне логичным и гуманным процессом для этой части планеты.

Впрочем, современное правительство Тайланда очень придирчиво отнеслось к идее снять фильм о короле Монгкуте, очень почитаемом и уважаемом монархе в тайской истории. Сценарий переписывался более двадцати раз, но авторы фильма и министерство культуры Тайланда так и не пришли к единому решению – как нужно показать на экране короля. В результате даже сплошь сбалансированная и «прилизанная» версия о Монгкуте была запрещена к показу на территории Тайланда под страхом тюремного заключения.

Естественно, и образ британки должен был претерпеть определенную трансформацию. Если король Монгкут (в исполнении Чоу Юн Фата) получился довольно европеизированным, открытым для межкультурного диалога, в силу тревожной обстановки внутри страны, то персонаж Анны (в исполнении Джоди Фостер) выглядит несколько дуалистично. Анна – новый пример, того, как кино видит английскую женщину в колониях – она уважает местные традиции и учит уважать их своего сына-подростка. В то же время она чтит и защищает исконно британские порядки. Например, во время встречи с королем она наотрез отказывается падать ниц перед монархом, как того требует местные правила, но делает Монгкуту уважительный реверанс в европейском стиле. В результате все оказываются удовлетворены.

Как уже было сказано, Сиам не являлся колонией Великобритании, но Анна в королевском дворце ведет себя достаточно уверенно и пользуется большим уважением у окружающих. Здесь авторы фильма показывают, что даже без наличия протектората туземному населению есть, за что уважать британцев. А именно – за твердый характер, самоуважение, отсутствие подхалимства перед вышестоящими по социальному статусу. В общем, все то, что, по мнению режиссера со сценаристом, отсутствовало у сиамцев и чего они не могли себе позволить.

Параллельно в сюжете неллицеприятно демонстрируют французов, которые с помощью местной оппозиции пытаются скомпрометировать ан-

гличан, устраивая в стране убийства и поджоги под видом нанятых бирманцев. Здесь для Анны наступает новая роль. Она по сюжету фильма должна служить примером честности и открытости британской нации, а также внушать доверие к англичанам. Ей это удается, король не обращает внимания на провокации французов и устраивает во дворце европейский бал, куда приглашает всех живущих в Сиаме англичан. В ходе бала Анна постоянно и достаточно вовремя одергивает тех заносчивых британских чиновников и торговцев, которые едва ли не в открытую насмеваются над манерами Монгкута, пытающегося вести себя по-европейски. В данном случае нам демонстрируется тезис авторов фильма, что англичане посещали Сиам не только ради ежесекундной прибыли, но и с самыми серьезными намерениями – нести свет Просвещения местному населению, ввести Сиам в международное сообщество.

Кульминация фильма носит довольно помпезный и пропагандистский характер, совсем неподходящий для британского кинематографа конца XX в. В напряженный момент, когда король Монгкут стоит на мосту перед своими врагами из числа сиамской оппозиции и в любой момент может начаться стрельба с обеих сторон, происходит нечто совершенно невозможное. Вокруг моста раздаются громopodobные залпы пушек, лихо звучит боевой британский горн, и вся вражеская армия с криками ужаса: «Англичане! Он позвал на помощь англичан!» – обращается в паническое бегство. Далее выясняется, что это дело рук Анны, которая, находясь неподалеку, подожгла десятки петард и фейерверков, чьи залпы враги короля приняли за британские пушки, и она же исполнила на горне своего сына боевой марш.

Монарх спасен, армия заговорщиков исчезла, опасность для королевской семьи и всей страны миновала. Здесь недвусмысленно говорится, что Британия несет лишь мир, защиту и справедливость в азиатские страны, спасая их «от самих себя». Если бы главный герой картины, спасший короля, был мужчиной, то замысел авторов не оправдался. В конце XX в. это выглядело бы как возврат к старой пропаганде имперской политики. Но чудесное и ловкое спасение короля английской женщиной воспринимается в совсем ином аспекте, а именно как взаимная любовь Анны и короля – мелодраматический ход авторов, который, по их мнению, демонстрирует Британию в привлекательном свете. В финальной сцене звучат слова короля Монгкута: «Я танцевал с англичанкой», – эта фраза произносится с гордостью и говорит о том, что заносчивый и властолюбивый

монарх все же пал ниц перед британской женщиной. Далее король Сиам признает правоту Анны в том, что «мужчине достаточно одной женщины», тем самым отказываясь ради нее от вековых восточных традиций многоженства. В фильме упоминалось, что большое количество жен и детей нужно монарху для того, чтобы королевская семья «была крепкой и вечной», но теперь, по-видимому, опасность «не сохранить род» уже миновала. В титрах кинокартины констатируется, что король Сиам Монгкут отменил рабство в стране, ввел религиозную свободу и реформировал судебную систему.

Такова эволюция образа британской женщины в современном «колониальном» кино, начинавшийся с «гордой британки», «чопорной надменной белой женщины», продолжавшийся в обличье «влюбленной в экзотику европейки» и завершившийся «спасительницей» целой страны.

Необходимо отметить, что историческая мысль и художественное осмысление общественного развития формировались одновременно и были друг другу созвучны. Например, персонаж Розы из «Африканской королевы» для своего времени был актуален, поскольку еще теплилась надежда на сохранение Империи, а в британской историографии преобладала имперская школа. Образы Эдель и Скарлетт из фильмов «Поездка в Индию» и «Непристойное поведение» стали возможными в кино только в 1970–1980-е гг., когда в науке окрепло критическое постимперское на-

правление. Более раннее появление этих персонажей вызвало бы непонимание среди британской общественности. Образ Анны уже говорит о появлении *femal studies* в исторических и общественных науках, о новых взглядах на роль Англии в отношениях с колониями, а также о стремлении исторической науки найти баланс между положительными и отрицательными сторонами существования Империи.

Список литературы

1. Пирс, Брендон. Упадок и разрушение Британской империи. 1781–1997 / Брендон Пирс. – М.: АСТ, 2010. – 957 с.
2. Brown Kathleen, M. Good Wives, Nasty Wenches, and Anxious Patriarchs: Gender, Race, and Power in Colonial Virginia. Published for the Omohundro Institute of Early American History and Culture, Williamsburg, Virginia / M. Brown Kathleen // Paperback. – 1996. – November 25. – P. 320.
3. Callaway, H. Gender, Culture and Empire: European Women in Colonial Nigeria / H. Callaway. – L., 1987. – P. 237.
4. Chaudhuri, N. C. The Autobiography of an Unknown Indian / N. C. Chaudhuri. – L., 1951. – P. 223.
5. Kierner, Cynthia A. Gender, Families, and Households in the Southern Colonies / Cynthia A. Kierner // The Journ. of Southern History. – 2007. – Vol. 73, no. 3, August. – P. 214.

Сведения об авторе

Ибраев Ерден Ернарзович – магистр истории, соискатель кафедры всеобщей истории Челябинского государственного университета.
erden-ibraev@mail.ru

*Bulletin of Chelyabinsk State University. 2015. № 16 (371).
History. Issue 65. P. 108–114.*

HISTORICAL TRANSFORMATION OF THE IMAGE OF AN ENGLISH WOMAN IN GREAT BRITAIN'S "COLONIAL" CINEMA

E. E. Ibrayev

Master of History for the degree of Candidate of Historical Sciences in Chelyabinsk State University, Institute of Humanitarian Education, Department of General History. erden-ibraev@mail.ru

The article deals with the transformation of the cinematic image of an English woman and her role in the British Empire's colonial policy. The study is interdisciplinary, balancing at the junction of cinema and history. The basis for the study is formed by British films of the post-colonial period, characterized by the presence of the author's view and objective coverage of the story, as well as the lack of ideological cliches. The analysis of this topic covers movies by English directors of that time, namely from 1952 till 1999. It is possible to trace the evolution of views on the female image in England's colonial cinema, as well as the fac-

tors that changed the views. The paper has consistently held the idea that the presence of a female character in the film about the Empire helps to further explore the peculiarities of relationship between the peoples of the colonies and the mother country.

Keywords: British Empire; English cinema; English woman; religious mission; colony.

References

1. Piers B. *Upadok I razrusheniye Britanskoy imperyi 1781–1997* [Decline and Fall of the British Empire 1781–1997]. Moscow, AST Publ., 2010. P. 957. (In Russ.).
2. Brown K.M. Good Wives, Nasty Wenches, and Anxious Patriarchs: Gender, Race, and Power in Colonial Virginia. Published for the Omohundro Institute of Early American History and Culture, Williamsburg, Virginia. *Paperback*, 1996, November 25, p. 320.
3. Callaway H. *Gender, Culture and Empire: European Women in Colonial Nigeria*. London, 1987. P. 237.
4. Chaudhuri N.C. *The Autobiography of an Unknown Indian*. London, 1951. P. 223.
5. Kierner C. A. Gender, Families, and Households in the Southern Colonies. *The Journal of Southern History*, 2007, vol. 73, no. 3, August, p. 214.

НАУЧНАЯ РЕФЛЕКСИЯ

Историография источниковедения

УДК 929.5

ББК 63. 1 (2) 52-8

Ф. Г. Калимуллина

ВКЛАД ВОСТОКОВЕДА В. В. ВЕЛЬЯМИНОВА-ЗЕРНОВА В РОССИЙСКОЕ ИСТОЧНИКОВЕДЕНИЕ

Статья посвящена источниковедческой деятельности известного российского востоковеда, тюрколога В. В. Вельяминова-Зернова. Основное внимание уделено мусульманским нарративным и эпиграфическим памятникам, которые впервые были введены ученым в научный оборот. Выявлены взгляды В. В. Вельяминова-Зернова на преемственность этнокультурных и религиозных традиций мусульман Среднего Поволжья, Южного Урала, Приуралья, Средней Азии, Ближнего и Среднего Востока.

Ключевые слова: востоковедение; тюркология; В. В. Вельяминов-Зернов; мусульманские нарративные источники; тюрко-татарские эпиграфические памятники; тарханные грамоты.

Владимир Владимирович Вельяминов-Зернов (1830–1904) – крупнейший российский востоковед, тюрколог, источниковед, академик, доктор турецко-татарской словесности. Ученый изучал историю мусульманских народов Поволжья, Средней Азии, Ближнего и Среднего Востока. В российских и зарубежных архивах он выявлял важнейшие мусульманские нарративные источники, исследовал тюрко-татарские эпиграфические памятники, сравнивал их с данными русских летописей. «Его критическая проверка источников – мы не знаем другого примера в области исторических исследований о Востоке», – писал о данном таланте В. В. Вельяминова-Зернова его наставник В. В. Григорьев¹.

В начале 1850-х гг. в Архиве областного правления оренбургских казахов В. В. Вельяминовым-Зерновым были обнаружены документы по тарханству, на основании которых позднее он опубликовал работу «Источники для изучения тарханства, жалованного башкирам русскими государями» (1864). На основе выявленных источников ученому удалось доказать факты выдачи тарханных грамот в России даже во второй половине XVIII в., расширить круг лиц, которым давалось тарханство, определить существование нескольких его видов.

В том же архиве В. В. Вельяминов-Зернов обнаружил важный источник по истории Бухарского ханства и соседних стран – «Абдулла-наме»

(«Книга шахского благородства») (конец XVI – начало XVII в.) Хафиза Таныша, современника хана Абдуллы. Источник позволил ученому восстановить наиболее полную картину последовательности правления бухарских ханов до начала XVII в.²

В Оренбургском крае тюрколог исследовал также эпиграфические памятники Приуралья. В 1856 г. вышла его статья «Памятник с арабско-татарской надписью в Башкирии», в которой описан мавзолей (кэшэнэ) проповедника ислама XIV в. Хусейн-бека, расположенный недалеко от г. Уфа. Сравнивая традиции оформления архитектурных памятников Уфы и Среднего Поволжья, он высказал предположение, что мусульманство к башкирам пришло через Волжскую Булгарию. Рассматривая этот вопрос, В. В. Вельяминов-Зернов обратился и к тексту источника Хисамутдина бин Шарафутдин Булгари-Муслими «Таварих-и Булгария», в котором город Болгар описан как центр, из которого мусульманство проникло в Уфу и другие местности. Ученый сделал более точный перевод «Таварихи-и Булгария». Источник В. В. Вельяминовым-Зерновым был датирован XVI в. Здесь следует указать на заблуждение ученого по этому вопросу. Позднее было выявлено, что «Таварих-и Булгария» относится к более позднему периоду: концу XVIII – началу XIX в.³

² Вельяминов-Зернов В. В. Монеты бухарские и хивинские... С. 328.

³ Усманов М. А. Татарские исторические источники... С. 134–167.

¹ См.: Григорьев В. В. Рецензия на книгу В. В. Вельяминова-Зернова... С. 5.

Изучая надгробные памятники казахских степей у берегов р. Сырдарья, В. В. Вельяминов-Зернов пришел к заключению, что болгарское влияние на распространение мусульманства имело место и в Западном Казахстане¹. Более того, ученый выявил болгарские традиции и на мусульманских памятниках Среднего Востока (ныне территория современного Афганистана). Одной из их отличительных примет он считал огромные размеры (до 4 м в длину) захоронений в гробницах. Тюрколог обратил внимание, что эта тенденция наблюдалась не только при оформлении могил, но и в народных преданиях, в которых часто упоминались великаны².

В конце 1850-х гг. в архиве МИД В. В. Вельяминов-Зернов обнаружил монгольскую летопись анонимного автора XVII в. «Алтан тобчи» («Золотой свод»), в которой, с привлечением более древних хроник, описана история монгольских ханов³. Этот источник является уникальным наследием монгольской историографии. В 1858 г. текст «Алтан тобчи» был опубликован в переводе Г. Гомбоева⁴. Привлекает внимание тот факт, что в советской историографии о первооткрывателе «Алтан тобчи» не упоминается, имя В. В. Вельяминова-Зернова остается в стороне⁵.

В начале 1860-х гг. В. В. Вельяминов-Зернов первым издал оригинальный текст важнейшего источника по истории курдов – «Шараф-наме» (конец XVI в.), написанного курдским ханом Шарафом Бидлиси⁶. В XIX в. многие европейские ученые интересовались им, и вклад В. В. Вельяминова-Зернова в его изучение очевиден⁷. Во время подготовки к изданию текста, летом 1860 г., В. В. Вельяминов-Зернов посетил Францию для сверки иранского списка источника «Шараф-наме» (приобретенного в 1854 г. Н. В. Ханыковым – русским генеральным консулом, двоюродным братом В. В. Вельяминова-Зернова) с парижским, хранящимся в Императорской (Национальной) библиотеке. В том же году в Лондонском Британском музее ученый ознакомился с исфаханским списком «Шараф-наме»⁸.

¹ Вельяминов-Зернов В. В. О гробнице святого Хорхута на Сыр-Дарье... С. 283–284.

² Землеведение К. Риттера... С. 615–635.

³ Веселовский Н. И. В. В. Вельяминов-Зернов. Некролог... С. 201.

⁴ Анонимная – Алтан-Тобчи. Монгольская летопись...

⁵ Алтан тобчи // Советская историческая энциклопедия. М., 1961. Т. 1, стб. 416.

⁶ Veljaminof-Zernof V. Scheref-nameh ou histoire des Kourdes, par Scheref, Prince des Bidlis. St. Petersburg. Vol. 1. History of the Kurds, 1860; Vol. 2. History of the Ottomans, 1962.

⁷ Памятники письменности Востока... С. 23–30.

⁸ Записки Императорской Академии наук. СПб., 1863. Т. 3. С. 36.

Публикацию «Шараф-наме» особо тепло восприняли в мусульманских государствах. Учитывая ценность работы, турецкое правительство в 1868 г. наградило В. В. Вельяминова-Зернова орденом Меджидия 3-й степени. В 1869 г. персидский шах пожаловал ученому орден Льва и Солнца 2-й степени со звездой⁹.

После выхода в свет персидского текста «Шараф-наме» член-корреспондент Петербургской АН Ф. Б. Шармуа сделал его перевод на французский язык. В. В. Вельяминов-Зернов рецензировал оба тома; он являлся научным редактором 1-го тома, 1 и 2-я части которого были опубликованы в 1868, 1870 гг.¹⁰ В 1931 г. в Каире исследователь Мухаммад Али Ауни осуществил второе издание персидского текста «Шараф-наме». В начале книги он поместил арабский перевод предисловия В. В. Вельяминова-Зернова, подчеркнув тем самым вклад российского востоковеда в изучение этого источника¹¹.

В. В. Вельяминов-Зернов детально изучил надписи и схемы построения эпиграфических памятников Касимовского ханства, расположенных в Рязанском крае. Материал лег в основу его фундаментального труда «Исследование о касимовских царях и царевичах» (СПб., ч. 1–4, 1863–1887), в котором достаточно подробно показана история Золотой Орды и постзолотоордынских татарских ханств¹². В работе ученым проанализированы такие мусульманские письменные источники, как «Шейбани-наме» (XVI в.), «Сборник летописей» (1602) Кадыр-Али-бека, «Ассаб ас-Сейяр» («Семь планет») (середина XVIII в.) крымского историка Мухаммада Ризы, «Тарихи Рашиди» (1541–1547) персидского автора Мухаммада Хайдара. «Бабурнаме» (1520-е гг.) Загретдина Бабура, двоюродного брата Мухаммада Хайдара, «Шаджараи тюрюк» (XVII в.) Абулгази, «Тазкира-и Хаджиган» (1768–1769 гг.) Мухаммад-Садыка Кашгари. В источниках содержится богатая информация о тюрко-татарских ханствах, представлены шаджара известных исторических личностей. В. В. Вельяминов-Зернов обнаружил и проанализировал духовные завещания касимовских жителей XVII в. Галикея-аталыка и Кишбика-бикач. Эти редкие сохранившиеся татарские акты представляют огромную научную ценность.

В 1864 г. под научным редакторством В. В. Вельяминова-Зернова увидел свет фундаментальный труд по источникам Крымского ханства, под-

⁹ Российский государственный исторический архив (РГИА). Ф. 733. Оп. 121. Д. 323. Л. 7.

¹⁰ Charvoy F. B. Cheref-nameh ou fastes de la nation kourde...

¹¹ Encyclopaedia of Islam... P. 1208.

¹² Калимуллина Ф. Г. В. В. Вельяминов-Зернов...

готовленный в 1858 г. татарским ученым Х. Фаизхановым¹. В книге представлены тексты около 400 татарских документов, помещены именной, географический и терминологический указатели. Работа остается основным материалом для источниковедов, интересующихся средневековыми татарскими актами². Эти первоисточники важны и для ученых, изучающих межгосударственные отношения средневековых тюркских государств. Известно, что В. В. Вельяминов-Зернов готовил русский перевод данной книги. Для этого ученый работал в Московском архиве. В частности, требовалось более точное восстановление русских и польских собственных имен, встречающихся в татарских текстах³. К сожалению, его разработки не были опубликованы.

В 1870-х гг. В. В. Вельяминов-Зернов продолжил изучение источников по истории Крымского ханства в архивах Италии, где, по его утверждению, имелся богатый материал по истории Крыма и данные по истории Османской империи⁴. Известно, что значительное количество татарских рукописей прошлых веков попало в библиотеки стран Западной Европы через купцов, паломников, путешественников, и они хранятся в архивах Англии, Австрии, Италии, Венгрии, Швеции, Франции и других стран⁵. Но завершить работу в Италии В. В. Вельяминову-Зернову помешала серьезная болезнь, из-за которой вскоре он был вынужден навсегда оставить науку. Ученый сильно переживал по поводу того, что ему пришлось отказаться от «смысла всей его жизни» – научных исследований⁶.

В. В. Вельяминов-Зернов интересовался также исламской нумизматикой и почерками на оружии. В 1859 г. вышла его монография «Монеты бухарские и хивинские», в которой рассматривалась история Бухарского и Хивинского ханств. Благодаря нумизматическому материалу были восстановлены некоторые пробелы в последовательности правления ханов. На 4-м международном съезде ориенталистов, прошедшем в сентябре 1878 г. во Флоренции, В. В. Вельяминов-Зернов представил свою коллекцию восточного оружия. Коллекцию составляло персидское оружие, принадлежавшее эпохе династии Сефевидов

(1502–1736 гг.)⁷. До конца своих дней ученый собирал коллекции восточных монет и оружия. После своей смерти нумизматическую коллекцию ученый завещал минц-кабинету Эрмитажа в Петербурге⁸.

Введенные в научный оборот В. В. Вельяминовым-Зерновым восточные источники позволили выявить много новых фактов в истории мусульманских народов России, Средней Азии, Ближнего и Среднего Востока. К сожалению, некоторые разработки ученого так и не увидели свет в связи с болезнью, оборвавшей его научно-исследовательскую деятельность. Рукописи его неопубликованных исследований не сохранились.

В. В. Вельяминов-Зернов выявил и опубликовал новые тарханские грамоты, жалованные башкирам, внося новизну в рассмотрение данного вопроса. Благодаря изучению исламской нумизматики ученый выявил особенности исторического развития среднеазиатских ханств. Он исследовал множество эпиграфических памятников, обнаружил их сходство в разных географических регионах, благодаря чему выдвинул свою версию болгарского влияния в распространении ислама в Западном Казахстане. Источниковедческая работа российского тюрколога не потеряла своей научной значимости до настоящего времени.

В. В. Вельяминов-Зернов продуктивно работал в архивохранилищах Франции, Англии, Италии. Вопрос дальнейшего исследования тюркоязычных источников, хранящихся в зарубежных архивах, остается открытым и сегодня.

Список литературы

1. Алтан тобчи // Советская историческая энциклопедия. – М., 1961. – Т. 1. – Стб. 416.
2. Анонимная – Алтан-Тобчи. Монгольская летопись в подлинном тексте и переводе Галсана Гомбоева // Труды Восточного отделения Археологического общества. – СПб., 1858. – Ч. 6. – 73 с.
3. Вельяминов-Зернов, В. В. Монеты бухарские и хивинские / В. В. Вельяминов-Зернов // Труды Восточного отделения Императорского Археологического общества. – СПб., 1859. – Ч. 4. – С. 328.
4. Вельяминов-Зернов, В. В. О гробнице святого Хорхута на Сыр-Дарье / В. В. Вельяминов-Зернов // Труды Восточного отделения Русско-

¹ Материалы для истории Крымского ханства...

² Усманов М. А. Заветная мечта Х. Фаизханова... С. 78.

³ Архив Российской АН. СПбО. Ф. 2. Оп. 1–1859. Д. 5. Л. 42–44.

⁴ Записки Императорской Академии наук. СПб., 1873. Т. 13. С. 143.

⁵ Каримуллин А. К. У истоков татарской книги. С. 31.

⁶ Веселовский Н. И. В. В. Вельяминов-Зернов. Некролог... С. 212.

⁷ Вельяминов-Зернов, В. В. Четвертый международный съезд ориенталистов... С. 1–12.

⁸ РГИА. Ф. 468. Оп. 14. Ед. хр. 1387. 14 л.

го Археологического общества. – СПб., 1859. – Ч. IV. – С. 283–284.

5. Вельяминов-Зернов, В. В. Четвертый международный съезд ориенталистов во Флоренции / В. В. Вельяминов-Зернов // Журнал Министерства народного просвещения. – СПб., 1879. – Ч. 201. – С. 1–12.

6. Веселовский, Н. И. В. В. Вельяминов-Зернов. Некролог / Н. И. Веселовский // Журнал Министерства народного просвещения. – СПб., 1904. – Ч. 352. – С. 200–212.

7. Григорьев, В. В. Рецензия на книгу В. В. Вельяминова-Зернова «Исследование о касимовских царях и царевичах» / В. В. Григорьев. – СПб., 1863. – Ч. I // День. – СПб., 1863. – № 29. – С. 5.

8. Записки Императорской Академии наук. – СПб., 1863. – Т. 3. – С. 36.

9. Записки Императорской Академии наук. – СПб., 1873. – Т. 13. – С. 143.

10. Землеведение К. Риттера // Журнал Министерства народного просвещения. – СПб., 1867. – Ч. 34. – С. 615–635.

11. Калимуллина, Ф. Г. В. В. Вельяминов-Зернов как историк Касимовского ханства / Ф. Г. Калимуллина. – Казань, 2014.

12. Каримуллин, А. К. У истоков татарской книги / А. К. Каримуллин. – Казань, 1992. – С. 31.

13. Материалы для истории Крымского ханства, по распоряжению императорской Академии наук из Московского главного архива Министерства иностранных дел. – СПб., 1864. – 953 с.

14. Памятники письменности Востока. Ша-раф-наме / пер., предисл., прим. Е. И. Васильевой. – Т. 1. – М., 1967. – С. 23–30.

15. Усманов, М. А. Заветная мечта Х. Фаизханова. Повесть о жизни и деятельности / М. А. Усманов. – Казань, 1980. – С. 78.

16. Усманов, М. А. Татарские исторические источники XVII–XVIII вв. / М. А. Усманов. – Казань, 1972. – С. 134–167.

17. Encyclopaedia of Islam. New ed. – Leiden, 1986. – Vol. I. – P. 1208.

18. Veliaminof-Zernof, V. V. Scheref-nameh ou histoire des Kourdes, par Scheref, Prince des Bidlis / V. V. Veliaminof-Zernof. – St. Petersburg. – Vol. 1. History of the Kurds, 1860; vol. 2. History of the Ottomans, 1962.

19. Charmoy, F. B. Cheref-nameh ou fastes de la nation kourde par Cheref-ou'ddine, prince de Bildis, dans l'illated' Arzeroume. Trad, du persan et commentes par / F. B. Charmoy. – Т. I–II. – St. Petersburg, 1868–1875 [t. I, pt. I, 1868; t. I, pt. II, 1870; t. II, pt. I, 1873; t. II, pt. II, 1875].

Сведения об авторе

Калимуллина Фирдаус Галимовна – кандидат исторических наук, старший научный сотрудник отдела истории и общественной мысли Института Татарской энциклопедии Академии наук Республики Татарстан (Казань).

kfirdaus@list.ru

*Bulletin of Chelyabinsk State University. 2015. № 16 (371).
History. Issue 65. P. 115–119.*

THE ORIENTALIST V. V. VELIAMINOV-ZERNOV'S CONTRIBUTION IN RUSSIAN SOURCE STUDIES

F. G. Kalimullina

Candidate of Historical Sciences, Department of History and Social Thought, the Institute of the Academy of Science of the Tatar Encyclopaedia. kfirdaus@list.ru

The article is devoted to studies of the works by the famous Russian orientalist and turkologist V. V. Veliaminov-Zernov. The focus is on the Muslim narrative and epigraphic monuments, which were first introduced by the scientists in the scientific circulation. The paper identifies V. V. Veliaminov-Zernov's views on the continuity of cultural and religious traditions of the Muslims in the Middle Volga region, in Southern Urals, in Cisurals, in Central Asia, and in the Middle East.

Keywords: oriental studies; turkology; V. V. Velyaminov-Zernov; Muslim narrative sources; Turko-Tatar epigraphic monuments; tarkhan charters.

References

1. Altan tobchi [Altan tobchi]. *Sovetskaya istoricheskaya ehnciklopediya* [Soviet historical encyclopedia]. Moscow, 1961. T. 1, stb. 416. (In Russ.).
2. Anonimnaya – Altan-Tobchi. Mongol'skaya letopis' v podlinnom tekste i perevodom Galsana Gomboeva [Anonymous – Altan-Tobchi. Mongolian chronicle in the original text and in the translation by Galthan Gomboev]. *Trudy Vostochnogo otdeleniya Arheologicheskogo obshchestva* [Works of the Eastern branch of the Archaeological society], part. 6. SPb., 1858. 73 p. (In Russ.).
3. Vel'yaminov-Zernov V. V. Monety buharskie i hivinskie [Coins of Bukhara and Khiva]. *Trudy Vostochnogo otdeleniya Imperatorskogo Arheologicheskogo obshchestva* [Works of the Eastern branch of the Archaeological society], part. 4. SPb., 1859. P. 328. (In Russ.).
4. Vel'yaminov-Zernov V. V. O grobnice svyatogo Horhuta na Syr-Dar'e [About the tomb of the Holy Horchata on the Syr Darya]. *Trudy Vostochnogo otdeleniya Russkogo Arheologicheskogo obshchestva* [Works of the Eastern branch of the Russian Archaeological society], part. IV. SPb., 1859. Pp. 283–284. (In Russ.).
5. Vel'yaminov-Zernov V. V. Chetvertyj mezhdunarodnyj s'ezd orientalistov vo Florencii [Fourth international Congress of Orientalists in Florence]. *ZHurnal Ministerstva narodnogo prosveshcheniya* [Journal of the Ministry of national education], part. 201. SPb., 1879. Pp. 1–12. (In Russ.).
6. Veselovskij N. I. V. V. Vel'yaminov-Zernov. Nekrolog [V. V. Velyaminov-Zernov. Obituary]. *Zhurnal Ministerstva narodnogo prosveshcheniya* [Journal of the Ministry of national education], part. 352. SPb., 1904. Pp. 200–212. (In Russ.).
7. Grigor'ev V. V. Recenziya na knigu V. V. Vel'yaminova-Zernova «Issledovanie o kasimovskikh tsaryah i tsarevichah» [Review of V. V. Velyaminov-Zernov's "Study of Kasimov kings and princes"]. *SPb., prt. I. Den' [Day]*. SPb., 1863, № 29, p. 5. (In Russ.).
8. *Zapiski Imperatorskoj Akademii nauk* [Notes of the Imperial Academy of Sciences], t. 3. SPb., 1863. P. 36. (In Russ.).
9. *Zapiski Imperatorskoj Akademii nauk* [Notes of the Imperial Academy of Sciences], t. 13. SPb., 1873. P. 143. (In Russ.).
10. Zemlevedenie K. Rittera [Geography of K. Ritter]. *Zhurnal Ministerstva narodnogo prosveshcheniya* [Journal of the Ministry of national education], prt. 34. SPb., 1867. Pp. 615–635. (In Russ.).
11. Kalimullina F. G. *V. V. Vel'yaminov-Zernov kak istorik Kasimovskogo hanstva* [V. V. Velyaminov-Zernov as a historian of Qasim khanate]. Kazan', 2014. 240 p. (In Russ.).
12. Karimullin A. K. *U istokov tatarskoj knigi* [Sources of the Tatar book]. Kazan', 1992. P. 31. (In Russ.).
13. *Materialy dlya istorii Krymskogo hanstva, po rasporyazheniyu imperatorskoj Akademii nauk iz Moskovskogo glavnogo arhiva Ministerstva inostrannyh del* [Materials for the history of the Crimean Khanate, at an order from the Imperial Academy of Sciences of the Moscow Main Archive of the Ministry of Foreign Affairs.]. SPb., 1864. 953 p. (In Russ.).
14. *Pamyatniki pis'mennosti Vostoka. SHaraf-name* [The written monuments of the East. Sharaf-nameh], t. 1. Moscow, 1967. Pp. 23–30. (In Russ.).
15. Usmanov M. A. *Zavetnaya mehta H. Faizkhanova. Povest' o zhizni i deyatel'nosti* [Cherished dream of H. Faizkhanov. The story of life and work]. Kazan', 1980. P. 78. (In Russ.).
16. Usmanov M. A. *Tatarskie istoricheskie istochniki XVII–XVIII vv.* [Tatar historical sources of XVII–XVIII centuries]. Kazan', 1972. Pp. 134–167. (In Russ.).
17. *Encyclopaedia of Islam, new ed.* Leiden, 1986, vol. I, p. 1208.
18. Veliaminof-Zernof V. V. *Scheref-nameh ou histoire des Kourdes, par Scheref, Prince des Bidlis*. St. Petersburg, 1860–1862, vol. 1: History of the Kurds, 1860, vol. 2: History of the Ottomans.
19. Charmoy F. B. *Cheref-nameh ou fastes de la nation kourde par Cheref-ou`ddine, prince de Bildis, dans l'illated` Arzeroume*. Trad, du persan et corn-mentes par, t. I–II. St. Petersburg, 1868–1875 [t. I, pt. I, 1868; t. I, pt. II, 1870; t. II, pt. I, 1873; t. II, pt. II, 1875] (In French).

История историографии

УДК 930.1
ББК 63.1

О. В. Богомазова

ПРОБЛЕМНОЕ ПОЛЕ ИСТОРИОГРАФИИ И «ИСТОРИЯ ПАМЯТИ»: КРАТКИЙ ОБЗОР СОВРЕМЕННЫХ ИССЛЕДОВАТЕЛЬСКИХ НАПРАВЛЕНИЙ

Исследование выполнено при финансовой поддержке Российского гуманитарного научного фонда (РГНФ), соглашение № 14-33-01353.

С начала 2000-х гг. российская историческая наука активно использует зарубежный опыт из области теории исторической памяти. Эта тенденция проявляется и в исследованиях, посвященных истории исторической науки. Именно в рамках отечественной историографии начинается рефлексия по поводу категориального аппарата «истории памяти», истоков и источников корпоративной памяти университетов и факторов трансформации мемориальных образов.

Ключевые слова: коммеморативные практики; корпоративная память; историография; «места памяти»; история памяти; memory studies.

Методологическая ситуация последнего десятилетия, сложившаяся в области гуманитарных дисциплин, отражает одновременно стремление преодоления явлений кризиса постмодерна и междисциплинарный диалог. Историческая наука, находясь в центре рефлексий по этому вопросу, отреагировала активным обновлением предмета и способов исторического познания¹ и расширением предметного поля историографии². Актуальными стали поиски новых подходов к изучению историографической среды и практик в научной субкультуре историков XIX–XX столетий³. По мнению Л. П. Репиной, в русле нового направления исторической критики главным предметом анализа должны становиться «не только *результаты* профессиональной деятельности и *методы* исторического познания, но *профессиональная культура*», «культура творчества» в целом, отражающая качественные перемены («в творческой и коммуникативной практике (формах общения) историков»⁴. Под-

тверждение этим словам можно найти в одном из новых направлений отечественных исторических исследований, обращенном к теории памяти (*memory studies*) и коммеморативным практикам в историко-научной среде. В контексте практик научных коммемораций нередко отражаются специфические аспекты развития профессиональной культуры историков. Этим объясняется растущий интерес историографии к проблематике памяти и коммеморативных практик. Один из основоположников теории исторической памяти, Я. Ассман, заявил, что тема памяти превращается в новую парадигму науки о культуре. Ему вторит О. Г. Эксле, говоря уже конкретно об исторической науке⁵.

Основными понятиями, которыми оперируют исследователи, являются *коммеморация*, *коммеморативные практики*, «*места памяти*». Определенную сложность представляет тот момент, что эти категории, уже прочно вошедшие в обиход конкретно-исторических исследований⁶, практически не получили четких и общепринятых определений в системе компетенций от-

¹ См., например: Репина Л. П. История исторического знания...; Савельева И. М., Полетаев А. В. О пользе и вреде презентизма...; Репина Л. П. «Новая историческая наука»...

² См.: Бычков С. В., Корзун В. П. Введение в историографию...; Репина Л. П. Историческая культура как предмет исследования...; Алеврас Н. Н. Предмет историографии: версии современной науки...

³ Основные разрабатываемые направления ярко представлены в научных сборниках «Мир историка: историографический сборник» и «Диалог со временем. Альманах интеллектуальной истории».

⁴ Репина Л. П. Историко-историографическое исследование... С. 32.

⁵ См.: Ассман Я. Культурная память. М., 2004; Эксле Отто Герхард. «История памяти» – новая парадигма исторической науки.

⁶ См., например: Данилевский И. Н. Александр Невский: парадоксы исторической памяти // О пользе и вреде историзма в историографии // «Цепь времен»: проблемы исторического сознания / отв. ред. Л. П. Репина. М., 2005; Васильева Е. Роль практик коммеморации в процессах организации социального пространства современного искусства // Власть. 2009. № 6 и др.

естественной методологии истории. Плюрализм существующих мнений относительно указанных дефиниций – свидетельство их активного осмысления отечественной историографией.

В проблемном поле отечественной историографии проблематика памяти обозначается как отдельное явление с начала 2000-х гг. Одним из ведущих направлений становится изучение проблематики памяти и коммеморации в области истории университетов, институциональной истории исторической науки. В теоретическом плане тема *университетских или корпоративных коммемораций* стала предметом изучения Е. А. Вишленковой, А. А. Сальниковой и С. Ю. Малышевой¹. В одной из статей Е. А. Вишленковой, посвященной коммеморативным традициям университетской среды XIX в., доказываемость востребованности мемориальных и юбилейных практик в университетской среде как одного из важнейших способов самоидентификации разных поколений научного сообщества².

М. П. Мохначева, касаясь в своей статье темы университетских традиций проведения научных конференций и чтений, посвященных юбилейным и памятным датам, высказывает мнение, что коммеморативная сторона научной жизни вполне достойна освещения в отдельном исследовании³. В качестве примеров она приводит ряд заседаний, посвященных памяти известных историков в послевоенное время⁴.

Юбилейные коммеморации как культурные практики самоидентификации в научном сообществе вызвали интерес у В. П. Корзун и Д. М. Колеватова. Персональный ряд историков XIX в. они предложили воспринимать как «фигуры памяти», стоящие в центре самопознания науки. Заметное место в этом ряду занимает В. О. Ключевский и посвященные ему «тексты памяти»⁵.

Коммеморативный аспект представлен в статье И. М. Савельевой ««Уроки истории» ученой корпорации», где поставлен вопрос об «истоках академической памяти». Автор статьи делает акцент на основных типах социальных групп – носителей памяти, и рассматривает, какими способами эти группы формируют корпоративную память внутри университетской среды. В связи с этим И. М. Савельева анализирует значение уст-

ных и письменных источников, а также визуальных памятников в складывании корпоративной университетской коммеморации⁶.

Социальные функции мемориальных практик в среде российской науки в эмиграции (1920–1930-е гг.) изучают М. В. Ковалев и В. Ю. Волошина. В статье М. В. Ковалева рассмотрен феномен празднования исторических дат и формы его практического воплощения. Они выступают как выражение идеи особой культурной миссии русской эмиграции и рассматриваются как одна из характерных «особенностей коллективного сознания русской эмигрантской среды»⁷. В. Ю. Волошина в одной из глав своей монографии, посвященной представителям науки «русского зарубежья», затрагивает важнейшую для эмигрантской культуры тему – юбилейные события⁸. Автор делает заключение о том, что мемориальные даты, которые предлагают сами представители интеллектуального сообщества, актуализируют образы значимых в данной ситуации личностей и событий. В некоторых случаях это приводит к мифологизации или излишней идеологической нагрузке исторических образов⁹. В целом выводы двух рассмотренных работ звучат в унисон, обозначая высокую социокультурную значимость юбилейных дат для среды русской научной эмиграции.

Т. А. Сидорякина, описывает мемориальные практики представителей научного сообщества историков дореволюционного периода и после 1917 г. Ею делается вывод о том, что панихида и похороны известных историков соответствовали как канонам православной церкви, так и традициям, присущим профессиональной университетской среде. Автор освещает особенности «похоронных» традиций до и после революции, отмечая их видоизменение: упрощение панихиды и, в целом, упадок церемонии¹⁰.

Одним из устоявшихся исследовательских направлений в отечественной истории исторической науки выступает реконструкция *образа историка*. В свете рассматриваемой тенденции движения историографии в сторону проблематики корпоративной памяти этот объект стал рассматриваться как одно из воплощений «мест памяти». Данный подход направлен на выявление

¹ Вишленкова Е., Малышева С., Сальникова А. История университета как история памяти корпорации? С. 271–310.

² См.: Вишленкова Е. А. Мемориальная культура российского университета XIX века... С. 81–94.

³ Мохначева М. П. Источники по истории становления... С. 30.

⁴ Там же. С. 27–28.

⁵ См.: Корзун В. П., Колеватов Д. М. Мемориальные и юбилейные события... С. 197–200.

⁶ Савельева И. М. «Уроки истории» ученой корпорации... С. 63–80.

⁷ Ковалев М. В. Исторические праздники русской эмиграции... С. 119–138.

⁸ Волошина В. Ю. Ученый в эмиграции...

⁹ Например, отсюда берет начало «культ» А. С. Пушкина в среде эмигрантов, и появляются идеи наподобие «Пушкин – наше все».

¹⁰ См.: Сидорякина Т. А. Жизнь после смерти: мемориальные практики... С. 95–109.

особенностей восприятия образа ученого и памяти о нем в меняющейся со временем социокультурной среде, неизменно влияющей на характеристику рассматриваемого мнемонического феномена¹. Согласно закономерностям развития коммуникативной памяти, исторический контекст, выдвигая на первый план те или иные научные и социальные ценности и стереотипы, способен актуализировать память об историке или же, напротив, создавать «антивоспоминания» и способствовать ее деконструкции². В рамках диагностируемого в современном обществе феномена «мемориального бума», ключевые элементы которого сгенерированы, как правило, в политических кругах, происходит весьма избирательное выдвижение исторических образов как объектов мемориальных торжеств³. Именно они и становятся наиболее актуальными в современной культуре.

Одной из важнейших академических традиций являются защиты диссертационных исследований. Н. Н. Алеврас, изучая проблемы диссертационной культуры и практик защит диссертаций в России второй половины XIX в., выходит к проблеме коммемораций⁴. В методологическом арсенале ее статьи используется понятие 'долгой памяти', предполагающей изменение отношения научного сообщества в разные периоды развития исторической науки к диссертационным трудам историков прошлого. Н. Н. Алеврас предлагает рассматривать в данном ракурсе «посмертную судьбу» идей, изложенных в диссертациях, соединяя проблемное поле интеллектуальной истории и истории памяти.

В перечисленных исследованиях тематика памяти представлена как многомерный феномен, изучаемый с позиций историографии. Развитие интереса к коммеморативным практикам в историографии прошло от простого использования и публикации архивных материалов, имеющих мемориальный характер, рефлексии о погребальных традициях, «поминальных» и юбилейных практиках научной среды до теоретических рассуждений о корпоративной и культурной памяти.

¹ См., например: Макарова Н. И. Опыт деконструкции историографического образа ученого. С. 169–180; Богомазова О. В. Память о В. О. Ключевском... С. 137–143; Богомазова О. В. Мемориальные традиции сообщества историков... С. 170–172.

² См.: Зерубавель Я. Динамика коллективной памяти... С. 87. См. также: Высокова В. В. Память как исторический феномен. С. 320–321.

³ Рассуждения на тему современного «мемориального бума» см.: Кузнецов А., Маслов А. Диктатура юбилеев... С. 514–516, 532–542.

⁴ Алеврас Н. Н. Диссертационная история ученого... С. 220–222, 233–236.

Изучение феномена коммеморативных практик в социокультурной и научной среде на теоретическом уровне проходит в рамках осмысления таких проблем, как научная коммуникация («сети общения»), преемственность в исторической науке, университетские юбилейные традиции, образы корпоративных и культурных героев и их социальная роль. Это, в свою очередь, приводит исследовательские поиски к рассмотрению более широких фундаментальных историографических проблем: какие изменения претерпевает память об историке и его научном наследии в связи с объективными процессами смены поколений и школ в научном сообществе, трансформацией дискурсивных практик историков и научных парадигм; к изучению форм проявления, актуализации и деконструкции образов памяти («места памяти», «гений места») как культурных доминант.

Представленный краткий историографический обзор позволяет говорить о том, что, существующие на сегодняшний день работы демонстрируют нарастающий в течение последнего десятилетия интерес историографии к «парадигме памяти», сопровождающийся разнообразием исследовательских подходов при ее изучении. Наблюдаемый рост потенциала отечественной исторической науки в различных аспектах *memory studies* подтверждает «прогноз» И. В. Нарского: «обострение внимания к индивидуальным возможностям и особенностям памяти вслед за социологией и социальной психологией ожидает и историографию»⁵.

Список литературы

1. Алеврас, Н. Н. Диссертационная история ученого как событие интеллектуальной биографии российских историков XIX века / Н. Н. Алеврас // Диалог со временем: альм. интеллектуал. истории. – 2015. – Вып. 50. – С. 218–241.

2. Алеврас, Н. Н. Предмет историографии: версии современной науки / Н. Н. Алеврас // *Imagines mundi*: альм. исслед. всеобщей истории. XVI–XX вв. – Екатеринбург, 2010.

3. Ассман, Я. Культурная память / Я. Ассман. – М., 2004.

4. Богомазова, О. В. Мемориальные традиции сообщества историков: увековечивание памяти о В. О. Ключевском в первой трети XX в. / О. В. Богомазова // Историческое прошлое и образы истории: материалы междунар. науч. конф. в честь 95-летия гуманитар. образования в Саратов. гос. ун-те им. Н. Г. Чернышевского / под ред.

⁵ Нарский И. В. Фотокарточка на память... С. 329.

Л. Н. Черновой. – Саратов, 2013. – С. 165–172.

5. Богомазова, О. В. Память о В. О. Ключевском в геокультурном пространстве Москвы на рубеже XIX–XX вв. / О. В. Богомазова // Вестн. Челяб. гос. ун-та. – 2001. – Вып. 44, № 9 (224). – С. 137–143.

6. Бычков, С. В. Введение в историографию отечественной истории XX века / С. В. Бычков, В. П. Корзун. – Омск, 2001.

7. Вишленкова, Е. История университета как история памяти корпорации? / Е. Вишленкова, С. Малышева, А. Сальникова // *Ab Imperio*. Исследования по новой имперской истории и национализму в постсоветском пространстве. Тема года 2004: Археология памяти империи и нации. – 2004. – № 3. – С. 271–310.

8. Вишленкова, Е. А. Мемориальная культура российского университета XIX века / Е. А. Вишленкова // Мир историка: историограф. сб. / под ред. В. П. Корзун, С. П. Бычкова. – Омск, 2011. – Вып. 7. – С. 81–94.

9. Волошина, В. Ю. Ученый в эмиграции: проблемы социальной адаптации ученых-эмигрантов сквозь призму «персональной истории»: монография / В. Ю. Волошина. – Омск, 2010.

10. Высокова, В. В. Память как исторический феномен / В. В. Высокова // Изв. Урал. гос. ун-та. – Сер. 2. Гуманитар. науки. – 2008. – Вып. 16, № 59. – С. 320–321.

11. Зерубавель, Я. Динамика коллективной памяти / Я. Зерубавель // *Ab Imperio*. Исследования по новой имперской истории и национализму в постсоветском пространстве. Тема года 2004: Археология памяти империи и нации. – 2004. – № 3. – С. 76–77.

12. Ковалев, М. В. Исторические праздники русской эмиграции как способ сохранения коллективной культурной памяти / М. В. Ковалев // Диалог со временем: альм. интеллектуал. истории. – М., 2008. – 25/2. – С. 119–138.

13. Корзун, В. П. Мемориальные и юбилейные события в жизни научного сообщества как культурные практики самоидентификации / В. П. Корзун, Д. М. Колеватов // Культура и интеллигенция России: (Инновационные практики, образы города, юбилейные события. Историческая память горожан): материалы VII Всерос. науч. конф. с междунар. участием, посв. 35-летию основания ОмГУ им. Ф. М. Достоевского (Омск, 20–22 окт. 2009 г.). – Омск, 2009. – С. 197–200.

14. Кузнецов, А. Диктатура юбилеев. Мемориальный бум как признак иной повседневности / А. Кузнецов, А. Маслов // Исторические исследования в России – III. Пятнадцать лет спустя /

под ред. Г. Бордюгова. – М., 2011. – С. 514–516, 532–542.

15. Макарова, Н. И. Опыт деконструкции историографического образа ученого: В. И. Григорович / Н. И. Макарова // Мир историка: историограф. сб. / под ред. В. П. Корзун, А. В. Якуба. – Омск, 2007. – Вып. 3. – С. 169–180.

16. Мохначева, М. П. Источники по истории становления и развития историографии в МГИ-АИ – ИАИ РГГУ. Статья первая / М. П. Мохначева // Вестн. РГГУ. – М., 2009. – № 4. – С. 30.

17. Нарский, И. В. Фотокарточка на память: (Семейные истории, фотографические послания и советское детство (Автобио-историо-графический роман)) / И. В. Нарский. – Челябинск, 2008. – С. 329.

18. Репина, Л. П. «Новая историческая наука» и социальная история / Л. П. Репина. – Изд. 2-е, испр. и доп. – М., 2009.

19. Репина, Л. П. Историко-историографическое исследование в контексте современной интеллектуальной культуры / Л. П. Репина // История и историка в пространстве национальной и мировой культуры XVIII–XXI веков: сб. ст. / под ред. Н. Н. Алеврас, Н. В. Гришиной, Ю. В. Красновой. – Челябинск, 2011. – С. 32.

20. Репина, Л. П. Историческая культура как предмет исследования / Л. П. Репина // История и память: историческая культура Европы до начала нового времени / под ред. Л. П. Репиной. – М., 2006.

21. Репина, Л. П. История исторического знания: пособие для вузов / Л. П. Репина, В. В. Зверева, М. Ю. Парамонова. – М., 2004.

22. Савельева, И. М. «Уроки истории» ученой корпорации / И. М. Савельева // Мир историка: историограф. сб. / под ред. В. П. Корзун, С. П. Бычкова. – Омск, 2011. – Вып. 7. – С. 63–80.

23. Савельева, И. М. О пользе и вреде презентизма в историографии / И. М. Савельева, А. В. Полетаев // «Цепь времен»: проблемы исторического сознания / отв. ред. Л. П. Репина. – М., 2005.

24. Сидорякина, Т. А. Жизнь после смерти: мемориальные практики в повседневной жизни научного сообщества историков первой трети XX в. / Т. А. Сидорякина // Мир историка: историограф. сб. / под ред. В. П. Корзун, С. П. Бычкова. – Омск, 2011. – Вып. 7. – С. 95–109.

25. Эксле, О. Г. «История памяти» – новая парадигма исторической науки / О. Г. Эксле // Историческая наука сегодня. Теории, методы, перспективы / под ред. Л. П. Репиной. – М., 2011.

Сведения об авторе

Богомазова Ольга Викторовна – кандидат исторических наук, преподаватель кафедры истории России и зарубежных стран Челябинского государственного университета.
olga-bogomazova@mail.ru

*Bulletin of Chelyabinsk State University. 2015. № 16 (371).
History. Issue 65. P. 120–126.*

PROBLEM FIELD OF HISTORIOGRAPHY AND “HISTORY OF MEMORY”: A BRIEF OVERVIEW OF MODERN RESEARCH DIRECTIONS

The study was performed with financial support of Russian humanitarian scientific Fund (RGNF), agreement No. 14-33-01353

O. V. Bogomazova

Candidate of Historical Sciences, Associate Professor of the Department of History of Russia and Foreign Countries, Chelyabinsk State University. olga-bogomazova@mail.ru

Since the early 2000s the Russian historical science actively uses international experience of the theory of historical memory. This trend is manifested in studies on the history of historical science. It is through the national historiography begins reflection on the categorical apparatus “history of memory”, the origins and sources of corporate memory and the factors of transformation of the memorial images.

Keywords: commemorative practices; historiography; “places of memory”; history of memory; memory studies.

References

1. Alevras N. N. Dissertacionnaja istorija uchenogo kak sobytie intellektual’noj biografii rossijskih istorikov XIX veka [Dissertation history of a scholar as an event of intellectual biography of the 19 th century Russian historians]. *Dialog so vremenem. Al’manah in-tellektual’noj istorii* [Dialogue with time. Almanac of Intellectual History], 2015, no. 50, pp. 218–241. (In Russ.).
2. Alevras N. N. Predmet istoriografii: versii sovremennoj nauki [The subject of historiography: version modern science]. *Imagines mundi: al’manah issledovaniy vseobshhej istorii. XVI–XX vv.* [Imagines mundi: journal of research of General history. XVI–XX centuries]. Ekaterinburg, 2010. (In Russ.).
3. Assman Ja. *Kul’turnaja pamjat’* [Cultural memory]. Moscow, 2004. (In Russ.).
4. Bogomazova O. V. Memorial’nye tradicii soobshhestva istorikov: uvekovechivanie pamjati o V. O. Kljuchevskom v pervoj treti XX v. [Memorial tradition of the community of historians: to perpetuate the memory of V. O. Klyuchevsky in the first third of XX century]. *Istoricheskoe proshloe i obrazy istorii: Materialy mezhdunarodnoj nauchnoj konferencii v chest’ 95-letija gumanitarnogo obrazovanija v Saratovskom gosudarstvennom universitete imeni N. G. Chernyshevskogo / pod red. L. N. Chernovoj* [The Historical past and images of history: proceedings of the international scientific conference dedicated to the 95th anniversary of the humanitarian education at Saratov state University named after N. G. Chernyshevsky / ed. by L. N. Rough.]. Saratov, 2013. Pp. 165–172. (In Russ.).
5. Bogomazova O. V. Pamjat’ o V. O. Kljuchevskom v geokul’turnom prostranstve Moskvy na rubezhe XIX–XX vv. [The memory of V. O. Klyuchevsky in geo-cultural region of Moscow at the turn of XIX–XX centuries]. *Vestnik Cheljabinskogo gosudarstvennogo universiteta* [Bulletin of the Chelyabinsk state University], 2011, vol. 44, no. 9 (224), pp. 137–143. (In Russ.).
6. Bychkov S. V., Korzun V. P. *Vvedenie v istoriografiju otechestvennoj istorii XX veka* [Introduction to the historiography of Russian history of the twentieth century]. Omsk, 2001. (In Russ.).
7. Vishlenkova E., Malysheva S., Sal’nikova A. Istoriya universiteta kak istoriya pamjati korporacii? [History of the University as the history of the memory of the Corporation?]. *Ab Imperio. Issledovanija po novoj imperskoj istorii i nacionalizmu v postsovetskom prostranstve. Tema goda 2004: Arheologija pamjati imperii i nacii* [Ab Imperio. Studies of new Imperial history and nationalism in post-Soviet space. The theme for the year 2004: the Archaeology of memory of the Empire and the nation], 2004, no 3, pp. 271–310. (In Russ.).

8. Vishlenkova E. A. Memorial'naja kul'tura rossijskogo universiteta XIX veka [Memorial culture of the Russian University of the XIX century]. *Mir istorika: istoriograficeskij sbornik / pod. red. V. P. Korzun, S. P. Bychkova* [The World of the historian: historiographical collection / under. edited by V. P. Korzun, S. P. Bychkova], vol. 7. Omsk, 2011. Pp. 81–94. (In Russ.).
9. Voloshina V. Ju. *Uchenyj v jemigracii: problemy social'noj adaptacii uchenyh-jemigrantov skvoz' prizmu «personal'noj istorii»: monografija* [Scientist in exile: the problem of social adaptation of scientists-emigrants through the prism of “personal history”: monograph]. Omsk, 2010. (In Russ.).
10. Vysokova V. V. Pamjat' kak istoriceskij fenomen [Memory as a historical phenomenon]. *Izvestija Ural'skogo gosudarstvennogo universiteta. Ser. 2. Gumanitarnye nauki* [Proceedings of the Ural state University. 2. Humanities], 2008, vol. 16, no. 59, pp. 320–321. (In Russ.).
11. Zerubavel' Ja. Dinamika kollektivnoj pamjati [Dynamics of collective memory]. *Ab Imperio. Issledovanija po novoj imperskoj istorii i nacionalizmu v postsovetskom prostranstve. Tema goda 2004: Arheologija pamjati imperii i nacii* [Ab Imperio. Studies in new Imperial history and nationalism in post-Soviet space. The theme for the year 2004: the Archaeology of memory of the Empire and the nation], 2004, no. 3, pp. 76–77. (in Russ.).
12. Kovalev M. V. Istoriceskie prazdniki russoj jemigracii kak sposob sohraneniya kollektivnoj kul'turnoj pamjati [Historical celebrations of the Russian emigration as a way of preserving collective cultural memory]. *Dialog so vremenem. Al'manah intellektual'noj istorii* [Dialog with Time. Almanac of intellectual history], 2008, no. 25/2, pp. 119–138. (in Russ.).
13. Korzun V. P., Kolevatov D. M. Memorial'nye i jubilejnye sobytija v zhizni nauchnogo soobshhestva kak kul'turnye praktiki samoidentifikacii [Memorial and commemorative events in the life of the scientific community as a cultural practice of self-identification]. *Kul'tura i intelligencija Rossii: Innovacionnye praktiki, obrazy goroda, jubilejnye sobytija. Istoriceskaja pamjat' gorozhan. Materialy VII Vserossijskoj nauchnoj konferencii s mezhdunarodnym uchastiem, posvjashhennoj 35-letiju osnovanija OmGU im. F. M. Dostoevskogo (Omsk, 20–22 oktjabrja 2009 g.)* [Culture and in-telligence Russia: Innovative practices, images of the city, jubilee event occurred. The historical memory of the townspeople. Materials of VII all-Russian scientific conference with international participation, dedicated to the 35th anniversary of Omsk State University n. a. F. M. Dostoevsky (Omsk, 20–22 October 2009)]. Omsk, 2009. Pp. 197–200. (in Russ.).
14. Kuznecov A., Maslov A. Diktatura jubileev. Memorial'nyj bum kak priznak inoj povsednevnosti [Dictatorship anniversaries. Memorial boom as a sign of particular daily life]. *Istoriceskie issledovanija v Rossii – III. Pjtnadcat' let spus-tja / pod. red. G. Bordjugova* [Historical research in Russia III. Fifteen years later / edited by G. Bordjugova]. Moscow, 2011. Pp. 514–516, 532–542. (In Russ.).
15. Makarova N. I. Opyt dekonstrukcii istoriograficeskogo obraza uchenogo: V. I. Grigorovich [The experience of deconstruction of the historiographical image of the scientist: V. I. Grigorovich]. *Mir istorika: istoriograficeskij sbornik / pod red. V. P. Korzun, A. V. Jakuba* [The World of the historian: historiographical collection / under edited by V. P. Korzun, A. V. Yakuba], vol. 3. Omsk, 2007. Pp. 169–180. (In Russ.).
16. Mohnacheva M. P. Istochniki po istorii stanovlenija i razvitija istoriografii v MGIAI – IAI RGGU. Stat'ja pervaja [Sources on the history of formation and development of historiography in MGIAI – IAI RGGU. Article first]. *Vestnik RGGU* [Vestnik RGGU], 2009, no. 4, p. 30. (In Russ.).
17. Narskij I. V. *Fotokartochka na pamjat': Semejnye istorii, fotograficeskie poslanija i sovetskoe detstvo (Avtobio-istorio-graficeskij roman)* [Photograph: family history, photographic-slania and Soviet childhood (Autobio-historio-graphic novel)]. Cheljabinsk, 2008. P. 329. (In Russ.).
18. Repina L. P. «Novaja istoriceskaja nauka» i social'naja istorija [“New historical science” and social history]. Moscow, 2009. (In Russ.).
19. Repina L. P. Istoriko-istoriograficeskoe issledovanie v kontekste sovremennoj intellektual'noj kul'tury [Historical-historiographical research in the context of modern intellectual culture]. *Istorija i istoriki v prostranstve nacional'noj i mirovoj kul'tury XVIII–XXI vekov: sbornik statej / pod red. N. N. Alevras, N. V. Grishinnoj, Ju. V. Krasnoj* [History and historians in the space of national and world culture of the XVIII–XXI centuries: collection of articles / ed. N. Alevras, N. Grishina, Yu. Krasnova]. Cheljabinsk, 2011. Pp. 32. (In Russ.).
20. Repina L. P. Istoriceskaja kul'tura kak predmet issledovanija [Historical culture as a subject of study]. *Istorija i pamjat': istoriceskaja kul'tura Evropy do nachala novogo vremeni / pod redakciej L. P. Repinnoj* [Historical culture as a subject of study of the History and memory: historical culture of Europe before the new times / ed. by L. P. Re-pins]. Moscow, 2006. (In Russ.).

21. Repina L. P. *Istorija istoričeskogo znanija: Posobie dlja vuzov* [The History of historical knowledge: a Manual for high schools]. Moscow, 2004. (In Russ.).
22. Savel'eva I. M. «Uroki istorii» uchenoj korporacii [“Lessons of history” scientific Corporation]. *Mir istorika: istoriograficheskij sb. / pod red. V. P. Korzun, S. P. Bychkova* [The World of the historian: historiographic collected / edited by V. P. Korzun, S. P. Bychkova], vol. 7. Omsk, 2011. Pp. 63–80. (In Russ.).
23. Savel'eva I. M., Poletaev A. V. O pol'ze i vrede prezentizma v istoriografii [About the benefits and dangers of presentism in historiography]. *«Cep' vremen»: problemy istoričeskogo soznanija / otv. red. L. P. Repina* [“Chain times”: the problem of historical consciousness / ed. by L. P. Repina]. Moscow, 2005. (In Russ.).
24. Sidorjakina T. A. Zhizn' posle smerti: memorial'nye praktiki v povsednevnoj zhizni nauchnogo soobshhestva istorikov pervoj treti XX v. [Life after death: memorial practices in the daily life of the academic community of historians of the first third of the XX century]. *Mir istorika: istoriograficheskij sbornik / pod red. V. P. Korzun, S. P. Bychkova* [The World of the historian: history iograficheskii collection / under edited by V. P. Korzun, S. P. Bychkova], vol. 7. Omsk, 2011. Pp. 95–109. (In Russ.).
25. Jeksle O. G. «Istorija pamjati» – novaja paradigma istoričeskij nauki [“History of memory” – a new paradigm of historical science]. *Istoričeskaja nauka segodnja. Teorii, metody, perspektivy / pod red. L. P. Repinoj* [The Histiry science today. Theory, methods, prospects / ed. by L. P. Repina]. Moscow, 2011. (In Russ.).

Актуальная книга

УДК 93; 930
БК 63.221

Н. В. Александрова

СТИВЕН БЕНН «ОДЕЖДЫ КЛИО» – К ВОПРОСУ О ПЕРФОРМАТИВНОМ ПОВОРОТЕ В ИСТОРИЧЕСКОЙ НАУКЕ

Представлена научная монография английского историка Стивена Бенна, в которой анализируются различные формы исторической репрезентации. Такие формы визуальной репрезентации, как историческая живопись и фотография, рассмотрены в рамках перформативного поворота в исторической науке.

Ключевые слова: историческая репрезентация; визуальная репрезентация; визуальная коммуникация; перформативность; перформативный поворот.

Визуальный поворот в гуманитарных науках вызывает все больший интерес, начинает уделяться все большее внимание связи визуальной истории и истории искусства, наиболее тесно связанной с визуальной культурой. Визуальный поворот в гуманитарных науках оказался тесно связан с перформативным поворотом, в исторической науке в том числе.

В связи с исследованием Стивена Бенна о перформансе и перформативности можно говорить в двух аспектах. Во-первых, перформанс, в узком смысле, может рассматриваться как действие, способ, метод подачи исторического материала самим исследователем. Во-вторых, перформативностью может обладать сам источник с присутствующей ему коммуникативной направленностью. Подобными качествами часто обладает источник визуального типа.

К этой категории относят живописные и графические произведения, в том числе книжную иллюстрацию, фотографию, кино. Визуальный – значит зрительный, оптический, доступный зрению, воспринимаемый зрением. Да, названные типы визуальных источников доступны зрению, но они имеют разную природу и способы функционирования, а значит, по-разному доносят до нас информацию, интересующую историка. Историк может извлечь смысл из того, ЧТО он видит в том или ином визуальном источнике, чтобы вписать увиденное и понятое новое в исторический контекст или подтвердить, уточнить уже известное этим контекстом. Но визуальные источники могут вписаться в исследование историка иным способом. Эти источники обладают способностью репрезентации истории, а «репрезентация

безразлична к значению. Только Сам исторический текст имеет значение». Значение «является результатом нашего понимания того, как другие люди (историки, живописцы, романисты) репрезентируют мир. Оно требует, чтобы мы смотрели на мир глазами других – или, по крайней мере, признали, что это можно сделать»¹. Это попытка преодоления стереотипа, что история может быть только написана, а не показана.

Приемам и методам исторической репрезентации посвящено исследование Стивена Бенна «Одежды Клио», которое вышло в издательстве Оксфордского университета в 1984 г., на русский язык переведено в 2011. С. Бенн связывает историческую репрезентацию с литературой и искусством, затрагивая роман, историческую живопись, архитектуру, диораму, фотографию, отчасти кино и др. ее формы. Визуальная репрезентация интересует автора как один из способов нового открытия или воссоздания прошлого.

Много внимания уделяется исторической живописи (глава 3) и фотографии (глава 6). Историческая живопись рассматривается как способ воссоздания прошлого. В качестве примера автор исследует ряд полотен исторической живописи XIX в., которые демонстрируют разное понимание исторического прошлого и могут быть обозначены как репрезентация исторических сюжетов.

В XIX в. тяготение к исторической живописи было очень велико. С. Бенн выявляет критерии адекватности передачи того или иного исторического сюжета произведением живописи. Для живописного полотна исторического жанра важными оказываются: точность в передаче пред-

¹ Анкерсмит Ф. Р. История и тропология... С. 223.

метного мира и психологическая достоверность. Причем психологизм может быть тонко выражен всего лишь «предчувствием» исторического события. Но, будучи искусством, любое живописное произведение всегда – результат деятельности художника, его видения сюжета, персонажа и т. д., продукт индивидуальной человеческой психики. Это «авторская» репрезентация понимания истории, художник всегда будет «находиться» между произведением и зрителем. Для создания эффекта реальности, правдоподобия, достоверности недостаточно простой археологической аккуратности в изображении деталей, это лишь основа жанра. Можно даже создать иллюзию психологической достоверности, но изображенный образ, даже если в нем «засвидетельствована подлинность целого ряда точных визуальных деталей, изъяты из континуальности нарратива»¹. Поэтому живописный и даже психологический реализм картины – это просто факт ее риторической потенциальности. Непрерывный и повторяющийся темпоральный процесс «нельзя путать со структурной артикуляцией во времени»². Достаточным доверием может пользоваться только один вид исторической живописи: картина того времени, которое в ней отражено.

Источниковой ценности фотографии в новом открытии прошлого уделяется особое внимание. Результат фотографии – мгновенная передача времени, абстрагированная от нарратива, который зритель выстраивает для себя сам.

Именно связь фотографии со временем имеет первостепенное значение. Решающее значение в анализе проблемы отношения фотографии к исторической репрезентации заключается в том, что она «постепенно конвертирует инаковость пространства в инаковость времени, что гарантируется индексической природой – “тесным контактом” (между образом и референтом) – фотографического процесса»³.

С. Бенн особо отмечает важное свойство фотографии, заключающееся в том, что ее «наивный» характер не уничтожается, а, по существу, под-

тверждается временем. Поскольку фотография формирует «сообщение без кода», то она «просто сохраняется, накапливая историчность, в то время как расстояние во времени между моментом фотографирования и моментом восприятия зрителем все больше возрастает»⁴.

Автор останавливается на проблеме значения фотографии в деле исторической репрезентации: можно ли считать уникальное свидетельство фотографии последней границей континуума форм исторической репрезентации? Можем ли мы говорить, что основная «мифическая цель репрезентации» – сузить разрыв между историей в том виде, как она происходила на самом деле, и историей, как она была написана, достигнута?

Рассматривая историческую живопись и фотографию, С. Бенн иногда заменяет термин «визуальная репрезентация» термином «визуальная коммуникация», т. к. именно в этот коммуникативный момент прошлое «оживает». Историк, вступая в контакт с источником, выступает как перформер, создавая «модель» исторического действия. В случае с визуальным материалом такая модель уже заложена в самом источнике. Перформативность является требованием ситуации коммуникации, она задает пространство, связанное с конкретным историческим контекстом. Историк дает возможность источнику говорить самому за себя, «восстанавливая определённую историческую среду»⁵. Репрезентация прошлого заменяется его презентацией.

Список литературы

1. Анкерсмит, Ф. Р. История и тропология: взлет и падение метафоры / Ф. Р. Анкерсмит; пер. с англ. М. Кукарцева, Е. Коломоец, В. Катаева. – М.: Прогресс-Традиция, 2003. – 496 с.
2. Бенн, С. Одежды Клио: научная монография / С. Бенн; пер. с англ. М. Кукарцева, А. Макарова. – М.: Канон + РООИ «Реабилитация», 2011. – 304 с.

¹ Бенн С. Одежды Клио... С. 164.

² Бенн С. Одежды Клио... С. 149.

³ Бенн С. Одежды Клио... С. 243.

⁴ Бенн С. Одежды Клио... С. 244.

⁵ Бенн С. Одежды Клио... С. 19.

Сведения об авторе

Александрова Наталья Владимировна – кандидат исторических наук, доцент кафедры истории России и зарубежных стран Челябинского государственного университета.

NVAleks64@yandex.ru

*Bulletin of Chelyabinsk State University. 2015. № 16 (371).
History. Issue 65. P. 127–129.*

STEPHEN BANN'S "THE CLOTHING OF CLIIO": ON THE PERFORMATIVE TURN IN HISTORICAL SCIENCE

N. V. Alexandrova

Candidate of Historical Sciences, Associate Professor of the Department of History of Russia and Foreign Countries, Chelyabinsk State University. NVAleks64@yandex.ru

The article presents the monograph by Stephen Bann, a British historian, which analyzes different forms of historical representation. The historical painting and photography as forms of visual representation are considered within the frames of the performative turn in historical science.

Keywords: historical representation; visual representation; visual communication; performativity; performative turn.

References

1. Ankersmit F. R. *Istorija i tropologija: vzlet i padenie metafory* [*History and Tropology: The Rise and Fall of Metaphor*] / per. s angl. M. Kukarceva, E. Kolomoec, V. Kataeva. Moscow, Progress-Tradicija Publ., 2003. 496 p. (In Russ.).
2. Benn S. *Odezhdy Klio: nauchnaja monografija* [*The Clothing of Clio: monograph*] / per. s ang. M. Kukarceva, A. Makarova. Moscow, Kanon + ROOI «Reabilitacija» Publ., 2011. 304 p. (In Russ.).

ИНФОРМАЦИОННЫЕ ТЕХНОЛОГИИ

УДК 930.2
ББК (Т)63.2

А. В. Захаров

ПРОЕКТ ИНФОРМАЦИОННОЙ СИСТЕМЫ «СКАЗКИ ГЕНЕРАЛЬНОГО СМОТРА ШЛЯХЕТСТВА 1721–1722 гг.» В КОНТЕКСТЕ ИЗУЧЕНИЯ МАССОВЫХ ИСТОЧНИКОВ И РЕГЕСТОВ

Статья подготовлена при поддержке «Программы фундаментальных исследований» НИУ ВШЭ
в 2015 г.

Кратко излагаются основы понимания регестов в дипломатике и археографии как одного из видов сокращенного воспроизведения текста исторических источников. Предлагается авторская гипотеза о предпосылках введения в научный оборот массовых исторических источников по истории шляхетства. Выясняется информативная ценность документов генерального смотра шляхетства 1721–1722 гг. относительно аналогичных мероприятий правительства Петра I. Автор анализирует основные этапы археографической подготовки издания сказок «царедворцев» (более 900 представителей служилых людей, начавших карьеру в московских чинах) в виде сокращенного регеста. Представлен проект базы данных для размещения в сети Интернет. В приложениях к статье публикуется «сказка» будущего герольдмейстера И. Н. Плещеева и «запись приезда» на смотр экс-сенатора В. А. Опухтина. Сделан вывод о возможностях регестовой базы данных как формы сокращенной передачи текста источников.

Ключевые слова: археография; источниковедение; просопография; базы данных; массовые источники; регест; царедворцы; дворянство; шляхетство; Петр I; информационная поисковая система.

Судьбы дворянства XVIII в. продолжают занимать внимание исследователей нескольких гуманитарных областей в различных аспектах и междисциплинарной проблематики, о чем свидетельствуют многочисленные публикации и конференции, веб-проекты и информационные системы последних лет¹. Одну из причин неисчерпаемости темы дворянства, которая всегда понималась в большей репрезентативности и доступности источников, необходимо в настоящее время трактовать иначе. Далеко не все информативные источники о шляхетстве петровского времени введены в научный оборот в должном объеме. Ответы на новые вопросы о самоидентификации и повседневном поведении, давние задачи исследователей о служебном рекрутировании и чиновной трансформации дворянства невозможно решить без привлечения материала массовых исторических источников. Возникающую при этом проблему обеспечения доступности архивных документов всегда пытались решить археографы. Для задачи

сообщения большей информации в меньшем объеме и рационального поиска и последовательного размещения материала альтернативой полнотекстовой публикации выступает сокращенное изложение текста, имеющее три формы: извлечения частей документа, табличной трансформации сведений источника и регеста. В «Правилах издания документов» 1990 г. отражено понимание регеста как «формализованного изложения содержания документа с сохранением его языка и по возможности структуры»².

Первоначально в дипломатике для сокращенной передачи текста средневековых актов дрезденский архивариус Петр Георгиш (Peter Georgisch, 1699–1746) впервые в 1740 г. использовал термин ‘регест’ (regesta) и начал их издание. Более века не стихали бурные дискуссии о рациональных вариациях регестов. Хорошо известен традиционный подход немецких исследователей, крупнейший из которых И. Бемер (J. F. Böhmmer, 1795–1863) в своей «Regesta Imperii»³ понимал регест как сводные каталоги, краткие записи содержания преимущественно изданных актовых и повествовательных источников в хронологиче-

¹ Культура и быт русского дворянства в провинции XVIII в. URL: <http://www.dhi-moskau.org/ru/issledovaniya/region-i-obshchestvo/kultura-i-byt-dvorjanstva.html> (дата обращения: 01.05.2015); Захаров А. В. Информационно-поисковая полнотекстовая система «Боярские списки XVIII века». URL: <http://zaharov.csu.ru/bspisok.pl> (дата обращения: 01.05.2015).

² Правила издания... С. 76.

³ Boehmer J.-F. Regesta imperii.

ской последовательности. Российский опыт издания регестов берет начало во второй половине XIX в. Д. М. Мейчик и С. А. Шумаков¹ предложили свои варианты регестирования: подробный и сокращенный. В советской археографии также неоднократно предпринимались подобные издания, но в 1950-е гг. возобладали критика регестов, говорилось о «недоброкачественности подобного приема передачи текста, который якобы открывает путь к искажению содержания документов». Крайнее мнение М. С. Селезнева о незаменимости подлинника регестом парировал С. Н. Валк, который справедливо констатировал неполноту передачи информации исторического источника и при полнотекстовой публикации. Зная опыт своего наставника А. С. Лаппо-Данилевского и его учеников в регестировании актов Московского государства, Валк считал регест гибкой формой сокращенного издания, качество которого, как и любой публикации, зависит от публикатора². В разное время А. А. Новосельский, С. О. Шмидт, Б. Г. Литвак³ поддержали применение регестирования исторических источников для задач, позже закрепленных в «Правилах издания документов» 1990 г., ранжировавших типы и виды регестов, уточнивших принципы их составления. Согласно этому регламенту регесты выполняют «две функции: 1) научно-информационную – о наличии и содержании документов; 2) при передаче содержания массовых однотипных документов заменяют их публикацию. Они применяются в научных и научно-популярных изданиях, в приложениях к монографии, а также могут составить самостоятельное издание»⁴. «Правила» не отрицают составляющие элементы регеста, обозначенные ранее С. Н. Валком: заголовок, легенду и сокращенное изложение текста, которое может иметь различную степень подробности в зависимости от целей издания и вида документов. Вслед за ученым важно подчеркнуть, что техника создания регестов должна безусловно подчиняться одному основному принципу научности – полноте издания, в зависимости от выбранной траектории регестирования: пофондовой (сплошной передачи текстов одной коллекции) или тематической (подборки документации одного предмета исследования).

Необходимо кратко коснуться предпосылок актуализации исследований шляхетства по регестам массовых источников.

¹ Мейчик Д. М. Грамоты XIV и XV вв. ...; Шумаков С. А. Обзор «Грамот коллегии экономии».

² Валк С. Н. Регесты в их прошлом и настоящем. С. 22–47.

³ Литвак Б. Г. Приемы формализации... С. 226–232.

⁴ Правила издания... С. 76.

Очевидны преимущества компьютерных технологий, в частности баз данных для введения массовых источников в научный оборот. Однако быстрые темпы освоения ценных массивов информации можно отметить лишь для нескольких источников по истории шляхетства, но не всегда приходится говорить о введении их в научный оборот после публикации. Думается, что важнейшие регуляторы этого продвижения коренятся в историографической мотивации⁵: в представлениях исследователя о научной полноценности подобной работы, в подготовленности историка к ее выполнению (а равно и применению результатов) и внешних факторах, довлеющих над научным сообществом⁶. Традиционные приоритеты в российской историографии петровской эпохи долгое время оказывали существенное влияние на внимание исследователей к истории шляхетства и, в частности, к публикации массовых источников. В конце XX в. доминировала проблема утверждения абсолютизма как целостной системы, так и отдельных его институций: идеологии, законодательства, финансов, государственных учреждений. Так называемая социальная опора абсолютизма изучалась в контексте эволюции отдельных «сословных групп», формирования бюрократии и мобильности правящей элиты. Формально-юридический и институциональный подходы в социальной истории способствовали обращению историков прежде всего к источникам по истории этих групп (как представляющих институции абсолютизма) или виднейших их представителей. По своей природе эти подходы не смогли «переключить» внимание научного сообщества к введению в оборот новых массовых источников даже упомянутых социальных групп⁷. Историографическая мотивация иссле-

⁵ В данном случае приходится рискнуть введением неологизма, которое чаще встречает критическое неприятие, но в этом контексте на семантическом уровне облегчает обозначение интегрирующего воздействия на восприятие новых идей личной мотивации исследователя и факторов, сложившихся в историографии, объективно не зависящих от него.

⁶ Достаточно сказать, что научные публикации большинства массовых источников и проектов электронных ресурсов не имеют статуса рецензируемых публикаций и предмета индексирования, по совершенно ясной бюрократической логике и «убедительному» аргументу, как не относящиеся к периодическим изданиям.

⁷ Под влиянием западно-европейской историографии последней трети XX в. концептуальное осмысление Петровских реформ в последнее время ведется в России в русле новых направлений социальной истории, исторической антропологии, истории повседневности, просопографии. Вряд ли нужно доказывать, что необходимым, но недостаточным условием написания убедительного коллективного портрета малых социальных, территориально-этнических и прочих

дователей в последние полтора десятилетия не способствует систематическим публикациям и обработке массовых источников по истории шляхетства. Как ни парадоксально, интерес к данным источникам возникает спорадически и даже «случайно» – в связи с обращением к другим темам и проблематике, чего в целом нельзя сказать по отношению к другим массовым источникам петровского времени¹.

От первой четверти XVIII в. сохранилось несколько десятков массовых источников о служилых людях и шляхетстве, различных по информативности и полноте. Кадастровые документы учета имеют сведения по более узкому предмету заданной тематики, чем служебно-учетная документация. Например, относительно хорошо изученные сказки Генерального двора 1699–1701 гг. создавались для выяснения размеров поуездного владения более 16 тыс. светских дворовладельцев и нескольких тысяч лиц духовного звания на момент составления сказок и по переписи 1678 г.² Сказки жителей Санкт-Петербурга по переписям 1710, 1713, 1717, 1718 гг.³ собирались для выяснения состава и состояния дворовладений, строений в новой столице и охватывали среди прочих чинов одну территориальную «корпорацию». Из служебно-учетных документов опубликованы боярские списки 1700–1713 гг., которые отражают ежегодный чиновный состав и назначения на внеполковую службу 11 тыс. «царедворцев» – обладателей московских чинов. После 1713 г. московские чиновные перечни составлялись Сенатом еще 8 лет, но за исключением 1720–1721 гг. не сохранились. В позднейших списках не отображались актуальные назначения большинства лиц, поэтому царь поручил Сенату составить новую документацию, в которой была бы прописана служба каждого.

Известно несколько массивов сказок 1700, 1702, 1703, 1705–1706 гг., которые охватывают несколько сотен «царедворцев». Совокупность

групп может быть привлечение источников, несущих персональную информацию и массовые данные о представителях этих групп.

¹ Вне истории шляхетства активно и плодотворно изучаются массовые источники по локальной, экономической истории Петровской эпохи. Достаточно выделить большой интерес к писцовым и переписным книгам, источникам монастырского хозяйства, публикацию и обработку, в том числе с помощью регестов таможенных и кабацких книг. См.: Материалы XV Всероссийской научной конференции «Писцовые книги и другие массовые источники XVI–XX веков». М., 2008; Раздорский А. И. О регестировании... С. 223–227.

² Водарский Я. Е. Население России... С. 34–40.

³ Кошелева О. Е. Люди Санкт-Петербургского острова... С. 53–71.

этих сказок имеет большую ценность для верификации данных аналогичных источников. Известны три крупнейших смотра шляхетства 1715, 1718 и 1721–1722 гг. Первые два оказались менее обширны и удачны по охвату шляхетства, чем последний, что подтвердили многочисленные списки нетчиков 1715 г. и статистика «царедворцев», не явившихся на смотр 1718 г.⁴

Государевы и сенатские смотры Петровского времени как институт социальной мобильности могли бы быть познавательным и продуктивным предметом исследований, но сведения о большинстве смотров рассредоточены по архивным фондам и делам. Попытки создать систематизацию смотров терпят неудачу, если отталкиваются на документы одних архивов без привлечения других. Поводов и вариантов проведения смотров было значительно больше, поэтому они не укладываются в предложенные 2–3 варианта систематизации⁵. Смотры устраивались ежегодно и многократно для разных групп служилых людей и преследовали различные цели. Без первоначального решения архивных эвристических и источниковедческих задач вряд ли удастся достичь репрезентативной реконструкции истории смотров как институции. Сохранившийся архивный материал смотров служилых людей давно востребован для выяснения судеб отдельных личностей, фамилий и различных «корпораций» служилой элиты. При изучении отдельных биографий «птенцов гнезда Петрова», составлении родословных шляхетских фамилий историки перманентно обращаются к материалам двух учетных «кампаний» 1720–1721 и 1721–1722 гг. Так называемые офицерские сказки, затребованные из полков в Военную коллегию в 1720–1721 гг., хранящиеся ныне в РГВИА, частично изданы в виде подробных регестов Н. П. Волынским и изучены М. Д. Рабиновичем относительно корпуса офицерства и шляхетства⁶. Офицерские сказки собирались как чисто бюрократическая акция вне какого-либо смотра и касались всех офицеров полевой армии, начиная с унтер-офицерских чинов, должностей профосов, лекарей.

⁴ По данным 1720 г. на сенатский смотр 1718 г. не явилось 2820 «царедворцев», то есть 70,7 % от списочного числа в 3985 человек. См.: РГАДА. Ф. 286. Оп. 1. Д. 4. Л. 176–176 об. Однако общее число «царедворцев» по статистике 1720 г. завышено по причине полкового учета «начальных людей» вне разрядно-сенатских учреждений первой четверти XVIII в.

⁵ Ср.: Калашников Г. В. Учет офицерских кадров... С. 116–119.

⁶ Волынский Н. П. Постепенное развитие...; Рабинович М. Д. Социальное происхождение... С. 133–171.

Исполнение правительственного курса всеобщей ревизии служилых людей после сбора офицерских сказок продолжил смотр шляхетства 1721–1722 гг. для неслужащих в полевой армии: «царедворцев», отставных офицеров, дворцовых чинов и гражданских служащих. Массив документации этого крупного мероприятия внутренней политики Петра I начала 1720-х гг., несмотря на масштабность и объем собранной информации, привлекается в историографии пока только для уточнения биографий и истории отдельных локальных корпораций шляхетства¹. К уже известным общим сведениям было бы полезно добавить, что назначенный к руководству смотром стольник С. А. Колычев еще до начала смотра в 1721 г. именовался герольдмейстером, вел обширную переписку с Сенатом и губернаторами, ввел сложную систему документооборота своей «разборной комиссии».

Смотр имел несколько прописанных указами задач: выяснить пофамильный состав шляхетства по подробным спискам, выявить неслужилых недорослей, определить физическую годность дворян, назначить всех способных на службу. Стремление определить годных к военной службе в полевую армию уступало задаче наполнить кадрами провинциальную и коллежскую администрации. Окончание Северной войны не способствовало пополнению армии. Актовый материал смотра о назначении на службу показывает, что правительство настойчиво добивалось определения подходящих кадров в гражданскую администрацию. В составленных по итогам списках напротив выбранных фамилий в провинциальные учреждения ставилась отметка «достоин» или «не достоин» в зависимости от грамотности, физического состояния и опыта военной службы человека. Известный «Список военным чинам»², опубликованный как сводный документ из нескольких книг (ф. 286 РГАДА), не был главным документом смотра, так как только частично приближал организаторов к поставленным ориентирам. Ставить вопрос об иерархии документов ведомства сенатской Герольдмейстерской конторы было бы некорректно. Каждый из них способствовал или выполнению тактических задач смотра, возникавших по мере его продолжения, или стратегических установок, определенных именными указами. Новизна смотра с точки зрения делопроизводства состояла в появлении

новых по форме и содержанию документов, хотя части механизма приезда и организации смотра были изобретены ранее Разрядным приказом. В политическом смысле смотр 1721–1722 гг., несмотря на незавершенность в назначенные сроки, оказался самой масштабной, многозадачной и результативной акцией инспектирования шляхетства при Петре I.

Прибывая на смотр в новую столицу в конце 1721 г.³ или в начале 1722 г. в Москву, служилый человек записывался «в канцелярии разборных дел» в «книге приездов», ставил подпись. Далее он в течение нескольких дней подавал «сказку»⁴, которую чаще записывал нанятый писец со слов опрашиваемого, последний и был вновь обязан собственноручно подписать текст. Сказки смотра – это своеобразное *curriculum vitae* человека XVIII в., которое строилось по единому «опроснику». Почтенный возраст или совершенная немощь не освобождали от смотра и подачи сказки «за своими руками». Только находящиеся при смерти могли получить разрешение от Сената пройти смотр в губернии с вердиктом доктора и обязательством подать сказку. Прописанный порядок неуклонно следовал распорядительным актам с ужесточаемыми за неявку санкциями. От смотра не могли уклониться даже руководители смотра и бывшие сенаторы. Курирующие смотр сенаторы подавали сказки за своих детей, учившихся за границей. Исполняемость указа способствовала аккумуляции обширного материала о «шляхетстве» в Герольдии, а затем в центральных и провинциальных архивах.

В настоящее время – к началу изложения проекта удалось обработать основные архивные дела из трех фондов РГАДА (Герольдии, Сената, Московской канцелярии герольдмейстерских дел), в которых, вероятно, в конце XVIII в. сформировали несколько архивных подборок книг, объединяющих несколько чинов⁵. Наиболее полно сохранились и корректно подобраны четыре книги «царедворцевых» сказок из полутора сотен первоначальных книг. В одном архивном деле оказались утрачены около 200 сказок «царедворцев»⁶. Благодаря дублированию имен в книгах приез-

¹ Проскурякова М. Е. Материалы «Общего смотра служилому классу»... С. 243–250.

² Список военным чинам 1-й половины XVIII столетия // Сенатский архив. Т. 7. СПб., 1895. С. 636–811.

³ По первым указам шляхетство Санкт-Петербургской провинции должно было явиться на смотр в Сенат до конца октября 1721 г., что исполнено не было. Неявившиеся приезжали в Москву в январе-марте 1722 г.

⁴ Многие сказки не датированы числом (указывают год и месяц), вероятно, потому, что могли быть составлены до смотра и подаваться после записи приезда. Дата резолюции дьяка на сказке, как правило, позже записи приезда на 1–2 дня.

⁵ РГАДА. Ф. 248. Д. 1339. Ф. 286. Оп. 1. Д. 7–9 (сказки).

⁶ Там же. Ф. 286. Оп. 1. Д. 7. Нет л. 365–685.

дов¹ и сказок удалось реконструировать имена около трети авторов утраченных сказок и выявить их оригинальные подписи, сведения о рождении и начале службы. В настоящее время известно 930 уникальных документов, имеющих подписи «царедворцев» (здесь и далее – кроме жильцов) или их доверенных лиц. Это составляет не менее 40 % от числа всей исследуемой группы. Вероятно, всего на смотр было подано не более 1100 сказок «царедворцев». До сих пор остается неизвестной итоговая статистика смотра и общая численность шляхетства, явившегося на смотр 1721–1722 гг., подавших сказки на имя герольдмейстеров С. А. Колычева и И. Н. Плещеева². Сличение имен подателей сказок с «книгами приездов» показывают, что число записавших приезды, а значит, и поставленных к смотру, было значительно выше. Пока не выявлены, например, сказки придворных служителей (конюхов, стряпчих и др.), хотя имеются сведения о примерно 300 служителях, явившихся на смотр.

Таким образом, вопросам организации смотра и сохранившихся персонализированных документов о шляхетстве должны быть посвящены отдельные исследования. Тем не менее, сведения документов об одной из надежно установленных групп шляхетства уже могут быть изучены на примере 930 «царедворцев»³.

Предлагаемый проект компьютерной информационной системы преследует две ключевые задачи: аккумуляции данных о всех «царедворцах» генерального смотра шляхетства 1721–1722 гг. и разработки оптимальной методики презентации информации. Создать полный свод всех имеющихся биографических данных о всех участниках смотра в пилотном проекте по вышеназванной причине эвристического свойства невозможно. Такая задача без апробации методики презентации данных была бы к тому же преждевременна.

Для поиска персональной биографической информации о шляхетстве каждый исследователь до сих пор вынужден строить индивидуальную траекторию трудоемкого поиска путем полистового просмотра архивных дел по фондам РГАДА (ф. 286, ф. 394, ф. 248) или по неполным алфавитным указателям, которые неравномерно

описывают делопроизводственные документы смотра 1721–1722 гг. В архиве в XIX в. было составлено несколько пофамильных (часто без инициалов) указателей. Благодаря недавнему анализу состояния научно-справочного аппарата по ф. 286 сотрудникам архива удалось установить, что часть книг смотра не описана вовсе⁴, среди них и «книги приездов» шляхетства. Имеющиеся указатели охватывают одновременно несколько книг и представление о содержании и структуре каждого дела дать не могут. Плачевное состояние указателей объясняется различным содержанием книг и масштабностью научно-справочной работы, которая не была завершена в дореволюционное время. В других российских и зарубежных архивохранилищах материал этого смотра по шляхетству также существует, но только в части отправки служилых на смотр.

Решению вопроса архивной эвристики, задаче создания биографического банка данных генерального смотра 1721–1722 гг. будет содействовать проект информационной поисковой системы о «царедворцах» – одной из привилегированных и надежно идентифицируемых групп шляхетства. В основе описываемого проекта лежит регистрация наиболее информативных документов: сказок и «книг приездов» «царедворцев». Полнотекстовая передача документов этой группы лиц кажется идеальной, но не решает поставленных проблем, в том числе аналитической. Избыточной в частности будет и передача повторяющихся формул сказок (интитуляции, инскрипции) и подкрепленных в большинстве случаев малоинформативной копии «паспорта» по смотру 1718 г. Создание регестов документов смотра видится более оптимальным по поисковым возможностям, менее затратным по времени проектирования⁵. Дополнительный аргумент против полнотекстового выбора презентации текста заключается в трудоемкой аналитике биографической информации и итогов смотра. Регесты не могут претендовать на всеохватный анализ информации, так же как и полнотекстовая публикация, о чем было сказано выше. Тем не менее, сокращенная

⁴ По данным архивной справки (размещена в конце описи л. 1–7), подготовленной в 2008 г. Н. А. Каплиной под руководством М. В. Бабич, отсутствуют справочные указатели к следующим книгам описи 1 ф. 286: 36, 39, 47, 50, 60, 80, 83, 87–89, 101, 104, 125, 134, 147, 152, 189, 195, 200, 237.

⁵ Основной объем трудозатрат при полнотекстовой публикации массовых источников определяют три корректуры транслитерированного текста: по электронной фотокопии документа; по архивному оригиналу, чтобы учесть особенности почерка; по отображению загруженной базы данных с копией документа. В случае регестовой публикации достаточно ограничиться двумя корректурами.

¹ Там же. Д. 3. Л. 1–5, 17, 23, 32, 34, 36, 39 («книги приездов»).

² По просмотру большинства книг смотра 1721–1722 гг. РГАДА, число всех сохранившихся шляхетских сказок должно быть выше 4300. Только в ф. 286, в основном, вместившем сказки, их сохранилось около 3800±200. Подсчет сделан по среднему объему книг описи 1.

³ 930 документов содержат данные о «царедворцах» в чинах от комнатных стольников до дворян московских; известно около 700 сказок жильцов.

формализованная передача актов документов могла бы значительно приблизить решение эвристических и аналитических задач. Составление компьютерных регестов в виде базы данных основывается на разработанных принципах «классической» археографии по формализации данных и представлению их с помощью таблицы.

Проектирование любой базы данных после выбора источника, стратегии и средств репрезентации продолжается определением так называемых сущностей базы, атрибутов сущностей, полей, структуры электронных таблиц, а на программном уровне – взаимосвязей реляционных таблиц для построения эффективного поискового алгоритма (программы запросов). Без разработки «поисковика» труд проектировщика «базы» останется только электронной таблицей подсобного использования (что вне задач проверки или введения в научный оборот новых данных, в общем, оправдано) с ограниченными функционалом внутрипрограммного поиска и возможностями комбинирования данных, с бедностью форм репрезентации данных.

Поэтому, на мой взгляд, наиболее оптимальным решением для трансляции и поиска данных о «царедворцах» смотра 1721–1722 гг. может быть проектирование реляционной базы данных. Ее потенциальные возможности давно востребованы для эвристических задач, для аккумуляции архивных данных о шляхетстве, для изучения малоизвестных петровских институций и качеств петровского общества.

Возможные сущности базы данных представлены в табл. 1. Несколько полей (4 а, 4 б, 5 а, 7 б-д) отражают формализованные показатели сведений источников с возможностью последующего статистического анализа, а уникальные известия (текстовые фрагменты), не поддающиеся формализации, аккумулирует поле 7 е.

Основные этапы реализации проекта: 1) выявление архивных документов по группе «царедворцев» и составление списка имен; 2) сканирование документов; 3) проектирование модуля формализации: выбор данных регестирования, обоснование вариантов, тестирование примеров; 4) выбор программного обеспечения и проектирование программы поиска; 5) заполнение базы данных и редактирование данных; 6) загрузка базы данных и ее тестирование; 7) корректура электронного текста, загруженного в базу с имиджами архивных документов. Часть обозначенных действий могут выполняться не в строгой последовательности, а параллельно.

Поиск данных источников о «царедворцах»

предусмотрен по шести параметрам: указателям именному, видов и географии служб, перечню чинов «царедворцев», выходным данным источников, видам документов.

Таблица 1

Структура реляционных таблиц ИПС «Регесты сказок генерального смотра шляхетства 1721–1723 гг.»

Поля основных объектов (сущностей) базы данных	Связь с таблицами
<i>Таблица 1. Именные формулы «царедворцев»</i>	
а) Именная формула (современная орфография)	«Чины», «Сокращенные сведения»
б) Самоименование (аутентичная орфография)	
в) Чин (московский, офицерский), должность	
<i>Таблица 2. Вид документа смотра</i>	
а) Дата составления документа	«Архивные фонды», «Сокращенные сведения»
б) Дата дьяческой резолюции	
в) Название вида источника	
г) Выходные данные архивной единицы хранения	
д) Номер листа/оборота	
<i>Таблица 3. Чины</i>	
а) Чины, должности «царедворцев»	«Именные формулы»
<i>Таблица 4. География и виды служб</i>	
а) Названия и даты «походов»	«Сокращенные сведения»
б) Названия мест и служебных назначений.	
<i>Таблица 5. Дети «царедворца»</i>	
а) Имя, возраст, сведения о службе, грамотность детей	«Именные формулы»
<i>Таблица 6. Архивные фонды</i>	
а) Выходные данные архивных дел	«Вид документа»
<i>Таблица 7. Сокращенные сведения и примечания</i>	
а) Дата составления документа	«Архивные фонды», «Вид документа», «География служб», «Именные формулы», «Дети «царедворца»
б) Возраст	
в) Год начала службы	
г) Перечень служб «царедворца»	
д) Дворовое число, сообщенное на смотре	
е) Полнотекстовые фрагменты	
ж) Формула подписи личной/доверенного	
з) Археографические примечания	
и) Номер листа документа	

Одно из шести «окон» поиска сводных данных на примере сказки полковника И. Н. Плещеева включает следующие регестовые записи, выво-

димые по имени царедворца (табл. 2). В зависимости от интенсивности служебных поручений и желаний «царедворца» сказка могла быть подробной до 2–3 листов или достаточно краткой, как нижепубликуемое «ведение»¹ Плещеева, ставшего вторым в истории России герольдмейстером. Повторяющиеся в сказках сведения выделены в прил. 1 курсивом, не имеют уникального характера и не подлежат регистрованию. Напротив, уникальные записи источников, не поддающиеся формализации, отображаются как закавыченные фрагменты текста.

Регистрование сказки Плещеева целесообразно представить в виде таблицы, которая может быть сгенерирована из базы данных при поиске из именного указателя шляхетства (табл. 2). Более лаконично выглядят записи приездов «царедворцев» в «книгах приездов» (прил. 2), в которых, в отличие от сказок, не прописаны подробности служебной карьеры, но указаны год начала и состояние в службе на момент подачи сказки, возраст, количество дворов и дополнительно адрес временного пребывания в Москве. Поэтому уникальные данные «книг приездов» целесообразно регистровать.

Принципиальные отличия компьютерной публикации регестов от печатно-типографской (аналоговой) заключаются в обеспечении широкого доступа к информации проектируемой интернет-публикации. Выбираемая технология реляционной базы данных предусматривает возможность использования поискового механизма по заданному числу параметров. Имеющаяся в современном источниковедении практика подготовки регестов в виде баз данных демонстрирует, что компьютерная модель регеста с поливариантными возможностями поиска, по всей видимости, не может быть реализована вне табличной формы, что для «классической» археографии в теоретическом смысле было неприемлемым смещением двух форм сокращенного издания источника регестовой и табличной. В данном случае форма сокращенной передачи текста регестов в поливариантной² табличной структуре является технологически необходимой формой презентации текста, воспроизводимого из базы данных. По сути необходимо признать, что регестовая база данных должна быть признана новой формой сокращенной передачи текста и метаданных исторического источника.

¹ «Ведение» в данном случае – синоним сказки, исходившей от должностного лица.

² В базе данных предусматривается несколько таблиц сводных данных для запросов по указателям.

Таблица 2

Пример регеста сказки И. Н. Плещеева

Название полей базы данных, выводимых в одной из шести форм поиска	Регест
Дата составления документа	Декабрь 1722 г.
Название (самоназвание) вида источника	Сказка (ведение)
Именная формула (современная орфография)	Плещеев Иван Никифорович
Именная формула и самоименование	Полковник Иван Никифоров сын Плещеев
Чин московский	стольник
Возраст (полных лет)	46* (47)
Год начала службы (вид и чин)	1682/83 г. (пожалован в стольники)
Виды служб и пожалований/назначений	1700 «написан в офицеры»
Названия и даты «походов», служб, отставки	[1711 г.] «на турецкой акции ранен» 1715 г. по именному указу «определен к делам».
Дворов (по переписным книгам 7186 г.)	250
Дети	Парамон, 14 лет, «учица в Инженерной школе в Москве»
Собственноручная (доверенного) подпись	Полковник Иван Плещеев
Дата дьяческой резолюции	20 декабря 1722 г.
Выходные данные	РГАДА. Ф. 248. Д. 8103. Ч. 1. Л. 14–14 об.

* Традиционно в сказках указывался возраст в неполных годах, полные годы сообщались в редких случаях дополнительно (см. прил. 2).

Начальная стадия проекта информационной системы, посвященной только одной группе шляхетства – «царедворцам», позволит детально разработать методику регестирования сказок, применив ее для других групп шляхетства или массовых источников сходного жанра.

Приложение 1

1721 г., декабрь. – Сказка полковника И. Н. Плещеева

В Концелярию разбоиноного³ дела ближнему столнику Степану Андреевичу Кольчеву. Ведение.

Полковник Иван Никифоров сын Плещеев объявляет истинную правду по должности верно своею присяги к службе его императорского величества без всякого закрытия и фалши от роду мне сорок семь лет. В стольники пожалован во сто девяноста первом году и в 700-м году на-

³ Ошибка писца. Должно быть: разборного.

писан в офицеры. И был на службах его императорского величества. И на турецкой акции ранен, а в 715-м году по имянному его императорского величества указу определен к делам. И с того году и поныне у дел, а поместья и вотчин за мною и за сыном моим по переписным книгам 186-го году в Московском и в разных городех двести пятьдесят дворов, а сколько в них мужеска полу по душам, о том явно в скасках, которыя подаваны от прикащиков и от старост в 719-м и в 720-м и в нынешнем 721-м годех, которыя скаски ныне в Санкт-Петербурхе в канцелярии ведения *Полковник*¹ / бригадира и генералного ревизора господина Зотова. А родственников и других крыющихся его императорского величества от службы я никого не знаю. Дети у меня мужеска полу сын Порамон четырнадцати лет учитца в Инженерной школе в Москве, а буде сим ведением объявляю неправду и за ту мою неправду указал бы его императорское величество учинить его величества по указу.

Иван Плещеев.

1721 декабрь 20 день записав в книгу взять в повытье².

РГАДА. Ф. 248. Д. 8104. Ч. 1. Л. 14–14 об.

Приложение 2

1722 г., январь 27. – Запись приезда на смотр шляхетства

генерал-квартирмейстера В. А. Опухтина

Генерал-квартирмейстер [отъютант] Василей Андреев сын Опухтин от роду ему шестидесять пять лет, шестой год. Служит со 176-го году крестьян за ним дворов³. Двор свой имеет за Никицкими вороты и сказан ему его императорского величества указ, что ему без указа с Москвы не съехать и явитца к смотру в Розборной канцелярии. Ныне он у дел в Орловской провинции воеводою. *Генерал-квартирмейстер Василей Опухтин руку приложил*⁴.

РГАДА. Ф. 286. Оп. 1. Д. 32. Л. 225 об.

Список литературы

1. Валк, С. Н. Регесты в их прошлом и настоящем / С. Н. Валк // Археографический ежегодник

¹ Полу жирным курсивом внизу л. 14 и в конце л. 14 об. автограф И. Н. Плещеева.

² Предложение является пометой дьяка.

³ Количество дворов не указано, оставлен пробел.

⁴ Курсивом выделен автограф В. А. Опухтина.

за 1968 год. – М., 1970. – С. 22–47.

2. Водарский, Я. Е. Население России в конце XVII – начале XVIII в. / Я. Е. Водарский. – М., 1977. – 264 с.

3. Вольтинский, Н. П. Постепенное развитие русской регулярной конницы в эпоху Великого Петра / Н. П. Вольтинский. – Вып. 1, кн. 1–4. – СПб., 1912.

4. Калашников, Г. В. Учет офицерских кадров русской армии в 1700–1745 гг. / Г. В. Калашников // Клио. – 2000. – № 3. – С. 116–124.

5. Кошелева, О. Е. Люди Санкт-Петербургского острова Петровского времени / О. Е. Кошелева. – М., 2004. – 487 с.

6. Литвак, Б. Г. Приемы формализации содержания массовой документации и регесты (по материалам XIX в.) / Б. Г. Литвак // Археографический ежегодник за 1977 г. – М., 1978. – С. 226–232.

7. Мейчик, Д. М. Грамоты XIV и XV вв. Московского архива министерства юстиции / Д. М. Мейчик. – М., 1883.

8. Правила издания исторических документов в СССР. – 2-е изд. – М., 1990. – 180 с.

9. Проскуракова, М. Е. Материалы «Общего смотра служилому классу» 1721–1722 гг. как источник для изучения штатного состава и продвижения по службе военных и гражданских чинов Выборгской провинции / М. Е. Проскуракова // Материалы XV Всероссийской научной конференции «Писцовые книги и другие массовые источники XVI–XX веков». – М., 2008. – С. 243–250.

10. Рабинович, М. Д. Социальное происхождение и имущественное положение офицеров русской армии в конце Северной войны / М. Д. Рабинович // Россия в период реформ Петра I / отв. ред. Н. И. Павленко. – М., 1973. – С. 133–171.

11. Раздорский, А. И. О регестировании таможенных и кабацких книг / А. И. Раздорский // Информационные технологии и письменное наследие: материалы IV междунар. науч. конф. E1' Manuscript–2012. – Петрозаводск; Ижевск, 2012. – С. 223–227.

12. Шумаков, С. А. Обзор «Грамот коллегии экономии» / С. А. Шумаков. – М., 1899–1917. – Вып. 1–4.

13. Boehmer, J.-F. Regesta imperii / J.-F. Boehmer. – Innsbruck, Vienne, 1900–1996.

Сведения об авторе

Захаров Андрей Викторович – кандидат исторических наук, заведующий сектором исторических исследований Национального исследовательского университета «Высшая школа экономики» (Пермский филиал), Пермь, Россия.

elural@yandex.ru

*Bulletin of Chelyabinsk State University. 2015. № 16 (371).
History. Issue 65. P. 130–139.*

THE PROJECT OF THE INFORMATION SYSTEM «THE “SKAZKI” OF THE GENERAL NOBILITY INSPECTION OF 1721–1722» IN THE CONTEXT OF THE STUDY OF MASS SOURCES AND REGESTAS

A. V. Zakharov

candidate of Historical Sciences (PhD), Docent, Head of Division Historical Research of National Research University Higher School of Economics (Russia, Perm). elural@yandex.ru

The article deals in short with the understanding of the regesta (summary) in the diplomatics and archeography as one of the types of a reduced reproduction of the historical sources' text. The author proposes a hypothesis for preconditions of the introduction of mass historical sources on the history of nobility into scientific circulation. The informative value of the documents of the general nobility inspection of 1721–1722, relative to similar activities of Peter The Great's Government, is brought to light. The author analyzes the main stages of the archeographic preparation of the edition of “skazkas” of courtiers (more than 900 representatives of military men, who started their careers in Moscow ranks) in the form of a reduced regesta. The paper presents a project of general subjects and queries of the database for putting on the Internet. In the article appendices are published “skazkas”, written by Colonel I. N. Pleshcheyev, and “zapis' priezda” (record of visit) to the nobility inspection by ex-Senator V. A. Apukhtin.

Keywords: archeography (computer edition); prosopography; database; Russian nobility; regesta; Peter The Great; information retrieval system; nobility; regesta; Peter The Great; information retrieval system.

References

1. Valk S. N. Regesty v ih proshlom i nastojashhem [Regesty in their past and present]. *Arheograficheskij ezhegodnik za 1968 god* [Arheografichesky Yearbook 1968]. Moscow, 1970. Pp. 22–47. (In Russ.).
2. Vodarskij Ja. E. *Naselenie Rossii v konce XVII – nachale XVIII v.* [The population of Russia at the end of XVII – beginning of XVIII century]. Moscow, 1977. 264 p. (In Russ.).
3. Volynskij N. P. *Postepennoe razvitie russkoj reguljarnoj konnicy v jepohu Velikogo Petra* [Gradual development of the Russian regular cavalry in the era of Peter the Great], vol. 1, kn. 1–4. SPb., 1912. (In Russ.).
4. Kalashnikov G. V. Uchet oficerskih kadrov russkoj armii v 1700–1745 gg. [Accounting officer staff of the Russian army in 1700–1745 years]. *Klio* [Clio], 2000, no. 3, p. 116–124. (In Russ.).
5. Kosheleva O. E. *Ljudi Sankt-Peterburgskogo ostrova Petrovskogo vremeni* [The people of St. Petersburg Peter the island]. Moscow, 2004. 487 p. (In Russ.).
6. Litvak B. G. Priemy formalizacii sodержaniya massovoj dokumentacii i registry (po materialam XIX v.) [Methods of formalizing documentation and media content registry (based on XIX c.)]. *Arheograficheskij ezhegodnik za 1977 g.* [Arheografichesky Yearbook 1977]. Moscow, 1978. Pp. 226–232. (In Russ.).
7. Mejchik D. M. *Gramoty XIV i XV vv. Moskovskogo arhiva ministerstva justicii* [Diplomas XIV and XV centuries. Moscow archives of the Ministry of Justice]. Moscow, 1883. (In Russ.).
8. *Pravila izdaniya istoricheskikh dokumentov v SSSR* [The rules of publication of historical documents in the USSR]. Moscow, 1990. 180 p. (In Russ.).
9. Proskuryakova M. E. Materialy «Obshhego smotra sluzhilomu klassu» 1721–1722 gg. kak istochnik dlja izuchenija shtatnogo sostava i prodvizhenija po sluzhbe voennyh i grazhdanskih chinov Vyborgskoj provincii [Materials “General review of the service class” 1721–1722 gg. as a source for the study of the composition of staff and promotion of military and civilian officials of the Vyborg province]. *Materialy XV Vserossijskoj nauchnoj konferencii «Piscovyje knigi i drugie massovyje istochniki XVI–XX vekov»* [Proceedings of the XV All-Russian Scientific Conference “Cadastres and other public sources XVI–XX centuries”]. Moscow, 2008. 379 p. (In Russ.).
10. Rabinovich M. D. Social'noe proishozhdenie i imushhestvennoe polozhenie oficerov russkoj armii v konce Severnoj vojny [Social origin and property status of the officers of the Russian army at the end of the

Northern War]. *Rossija v period reform Petra I* [Russia in the period of the reforms of Peter I]. Moscow, 1973. P. 133–171. (In Russ.).

11. Razdorskij A. I. O registirovanii tamozhennyh i kabackih knig [About registirovanii customs and tavern books]. *Informacionnye tehnologii i pis'mennoe nasledie. Materialy IV mezhdunarodnoj nauchnoj konferencii El'Manuscript-2012* [Information Technologies and Written Heritage. Materials of IV international scientific conference El'Manuscript-2012]. Petrozavodsk, Izhevsk, 2012. Pp. 223–227. (In Russ.).

12. Shumakov S. A. *Obzor «Gramot kollegii jekonomii»* [Review of “literacy college savings”], vol. 1–4. Moscow, 1899–1917. (In Russ.).

13. Boehmer J.-F. *Regesta imperii*. Innsbruck, Vienne, 1900–1996. (In Germ.).